

АНАТОЛИЙ
МАРЧЕНГО

АНАТОЛИЙ
МАРЧЕНГО

ИЗДАНИЕ
ПЕРВОЕ
1981 г.

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

МАЛАЯ СЕРИЯ

**Гуманитарное агентство
«Академический проект»**

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ**

Санкт-Петербург
2002

Редакционная коллегия
А. С. Кушнер (*главный редактор*),
К. М. Азадовский, М. Л. Гаспаров, А. Л. Зорин,
А. В. Лавров, А. М. Панченко, И. Н. Сухих,
Р. Д. Тименчик

Вступительная статья, составление,
подготовка текста и примечания
А. А. КОБРИНСКОГО

Редактор *П. В. Дмитриев*

ISBN 5-7331-0138-5

- © А. А. Судаков, права на публикацию текстов, 2002
- © А. А. Кобринский, вступ. ст., состав, примеч., 2002
- © Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002

ГОЛГОФА МАРИЕНГОФА

История русского стиха знает случаи, когда фамилии тех или иных поэтов накрепко «привязывались» к той или иной рифме. Современный стиховед А. Илюшин назвал их «Рифмами-мифологемами»: «Ломоносов — слава россов», «сатира — Кантемира», «Сумароков — бич пороков», — эти рифмы десятилетиями и веками кочевали по стихотворениям, настолько точно они подчеркивали суть творчества этих поэтов. Иногда сила этих рифм была такова, что они определяли сам ход мысли поэта — иногда чуть ли не помимо его воли. Поэт Сергей Марин даже жаловался:

Коль ненавистника хочу назвать пороков,
Мне ум твердит Княжнин, а в стих идет Сумброков¹!

В сборнике «Харчевня зорь», вышедшем в Москве в 1920 году, Велимир Хлебников опубликовал полушутливое стихотворение, в котором создал такую «рифму-мифологему» для Анатолия Мариенгофа:

Москвы колымага,
В ней два имаго.
Голгофа

¹ См.: Илюшин А. Проблема барочной поэтической антропони-
мии. Имя поэта и его литературная репутация // Барокко в славян-
ских культурах. М., 1982. С. 233.

Мариенгофа.
Город
Распорот.
Воскресение
Есенина.
Господи, отелись
В шубе из лис.

Впоследствии, уже под конец жизни, в мемуарах «Мой век, мои друзья и подруги», Мариенгоф признал эту рифмовку «исторической и пророческой»². И хотя, пожалуй, не следует воспринимать его слова как признание всего своего жизненного и творческого пути восхождением на Голгофу, невозможно не видеть трагический отсвет, сопровождающий поэта почти во всем: в поэзии, в отношениях с государством, с друзьями, с издательствами, наконец, — в семейной жизни.

Анатолий Борисович Мариенгоф родился 24 июня 1897 года в Нижнем Новгороде. Большое влияние на будущего поэта оказал отец — Борис Михайлович Мариенгоф: он во многом определял круг чтения мальчика (русская и западная классика), общался с ним, обсуждая самые серьезные проблемы, на равных (впоследствии, через пару десятков лет, этот стиль дружеского равного общения — независимо от разницы в возрасте и положении — Мариенгоф станет культивировать и в отношениях с собственным сыном — Кириллом), он же в разговорах и в реальных жизненных ситуациях формировал у юного Анатолия своеобразный этический кодекс: что

² Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / Сост., указатель имен С. В. Шумихина и К. С. Юрьева, вступит. статья, комментарий С. В. Шумихина. М., 1990. С. 103. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Мой век...* — с указанием страниц.

есть доблесть и подлость, любой ли ценой можно побеждать своего соперника и т. п. Роль отца в жизни Мариенгофа особенно возросла после ранней (в 1913 году) смерти матери от рака желудка. В том же году отец принимает предложение английского акционерного общества «Граммфон» («Пишущий Амур») и становится его представителем в Пензе и Пензенской губернии. Мариенгофу приходится сменить блестящий нижегородский Дворянский институт на пензенскую 3-ю частную гимназию С. А. Пономарева. В этой гимназии продолжились его ранние литературные опыты, начатые еще в Нижнем, в третьем классе Дворянского института, где Мариенгоф вместе с двумя своими ближайшими друзьями выпустил номер гектографированного ученического журнала «Сфинкс», в котором напечатал собственное стихотворение.

В юности Мариенгоф упивался Блоком — твердя его наизусть, читая украдкой под партой во время занятий. Возможно, что этап символистского эпигонства затянулся бы для поэта надолго, если бы не отец, который, будучи его первым критиком, безжалостно разрушал стремление к литературным «красивостям» в ущерб жизненной реальности. Не без удовольствия Мариенгоф приводит в мемуарах реакцию отца на свою поэму «Гимн гетере»:

«И почему гетера? Уж если ты хочешь писать об этих женщинах, которых, по-моему, совсем не знаешь, то называй их так, как они называются в жизни: проститутки. Есть и другое слово — простое, народное, конечно, грубоватое, но точное по смыслу. Ну и употребляй его. Пушкин в таких случаях ничего не боялся. А поэму свою так и назови: “Гимн бляди”. По-крайней мере, по-русски будет»³. Такие уроки русской стилистики запоминались надолго.

³ *Мой век...* С. 57.

В 1914 году Мариенгоф издает в гимназии Пономарева гектографированный журнал «Мираж», чуть ли не половину материалов для которого поставлял он сам. Впрочем, здесь он шел не новой для русской литературы дорогой — точно так же поступал в свое время и Брюсов в «Русских символистах»... Параллельно приобретался необходимый поэту жизненный опыт: летом того же года он отправляется в качестве юнги в плавание на трехмачтовой учебной шхуне по Балтийскому морю: Финляндия, Швеция, наконец, Дания — родина любимого Мариенгофом Гамлета... Плавание было прервано начавшейся первой мировой войной — шхуну пришлось затопить и возвращаться поездом. Уже в Пензе Мариенгоф печатает свои путевые заметки в местной газете⁴.

27 мая 1916 года Мариенгоф получает долгожданный аттестат зрелости — пусть от начала и до конца наполненный тройками, но все же аттестат, документальное воплощение свободы. Он уезжает в Москву, где поступает на юридический факультет Московского университета. Впрочем, долго учиться не пришлось: в том же году поэт оказался на Западном фронте. Еще два года назад, только вернувшись из похода на шхуне, он, подчиняясь охватившему всех порыву, объявил отцу, что уходит на войну добровольцем. Тогда ему, гимназисту, это сделать, разумеется, не удалось, а вот теперь он со своей инженерно-строительной дружиной прокладывает дороги и строит мосты... Позиционная война, скука, пьянство, охота, карты — никакой романтики... Именно со скуки Мариенгоф пишет свою первую пьесу, «Жмурки Пьеретты», которая была поставлена инженерами совместно с врачами и сестрами милосердия соседнего госпиталя.

⁴ Полтора месяца на шхуне «Утро»: (Отчет ученика-экскурсанта) // Пензенские ведомости. 1914, 28 октября.

Октябрьский переворот застал Мариенгофа в железнодорожном вагоне, по дороге в Пензу — в отпуск. В Пензе он разворачивает бурную литературную деятельность: в 1918 году участвует в выпуске журнала «Комедиант» (всего было напечатано три номера), также публикует свои стихи в альманахе «Исход». Именно о нем Мариенгоф вспоминал как о первом российском имажинистском издании: «Имажинизм родился в городе Пензе на Казанской улице. “Исход” — первый имажинистский сборник — был отпечатан в губернской пензенской типографии осенью восемнадцатого года»⁵. В том же году в Пензе выходит и первый сборник стихов Мариенгофа — «Витрина сердца». В двадцатые годы на обложках имажинистских книг в списке уже вышедших изданий против этой книги будет стоять характерная помета: «уничтожено автором», но тогда, в 1918 году, эти стихи казались ему верхом совершенства:

Тело свесили с крыш
В багряной машкере арлекина,
Сердце расклеили на столбах
Кусками афиш.

В этой поэтике уже угадывается смелая образность грядущего имажинизма, а впоследствии, в 1920-е годы, ленинградские имажинисты назвали свое издательство «Распятый арлекин». Обложки книг украшал мрачный образ арлекина, распятого на фонарном столбе, на фоне бесконечных городских крыш.

Летом 1918 года во время боев за город от случайной пули погибает отец. Мариенгоф тяжело пережил

⁵ *Мой век...* С. 104.

трагедию. Но отныне с Пензой его уже больше ничего не связывало — как и многие другие, он отправляется покорять своим творчеством Москву: «Прощай, Пенза. Прощай, моя Толстопятая. Прощай, юность»⁶.

В Москве Мариенгоф поступает на работу в качестве ответственного литературного секретаря издательства ВЦИК, располагавшегося на углу Тверской и Моховой. Именно в этом издательстве произошло его знакомство с Есениным, переросшее вскоре в теснейшую дружбу. «Мы жили с Есениным вместе и писали за одним столом, — вспоминал Мариенгоф. — Паровое отопление тогда не работало. Мы спали под одним одеялом, чтобы согреться. Года четыре кряду нас никогда не видели порознь. У нас были одни деньги: его — мои, мои — его. Проще говоря, и те и другие — наши. Стихи мы выпускали под одной обложкой и посвящали их друг другу. Мы всегда, повторяю, знали — кто из нас о чем молчит»⁷. Есенина и Мариенгофа окружающие зачастую воспринимали как единое целое, даже посвящая стихи им совместно. Так, к примеру, ростовская поэтесса Сусанна Мар озаглавила свое стихотворение «Есенину и Мариенгофу»⁸. Чуть позже Есенин с Мариенгофом станут публиковать в печати свои письма друг к другу, демонстративно превращая, к негодованию критики, свои личные отношения в литературный факт.

В комнате на Петровке, где Мариенгоф жил со своим гимназическим товарищем Михаилом Молабу-

⁶ *Мой век...* С. 90.

⁷ *Мой век...* С. 230.

⁸ Для окружающих не была секретом влюбленность Сусанны Мар в Мариенгофа. Свою единственную книгу стихов она назвала внешне заумным словом «Абем», за которым легко проглядывались первые буквы имени, отчества и фамилии Мариенгофа.

хом, стали появляться поэты Вадим Шершеневич и Рюрик Ивнев. Так возникло сообщество четырех друзей-поэтов, назвавших себя имажинистами (от французского *image* — «образ»). 29 января 1919 года в Московском отделении Всероссийского союза поэтов прошел первый поэтический вечер имажинистов, а уже на следующий день в воронежском журнале «Сирена» вышла декларация «передовой линии имажинистов», к которой кроме поэтов присоединились художники Борис Эрдман и Георгий Якулов. Констатируя «смерть футуризма», авторы декларации на его обломках провозгласили свое творческое кредо:

«Образ и только образ. Образ — ступенями от аналогий, параллелизмов — сравнения, противоположения, эпитеты сжатые и раскрытые, приложения политематического, многоэтажного построения — вот орудие производства мастера искусства. Всякое иное искусство — приложение к «Ниве». Только образ, как нафталин, пересыпающий произведение, спасает это последнее от моли времени. Образ — это броня строки. Это панцирь картины. Это крепостная артиллерия театрального действия»⁹.

С 1919 года разворачивается мощная поэтическая, организационная и издательская деятельность имажинистов. Мариенгоф вместе с Есениным становится основателем и членом правления «Ассоциации вольнодумцев». Вскоре к имажинистскому движению наряду с Есениным, Мариенгофом, Шершеневичем и Ивневым присоединяются поэты Иван Грузинов, Александр Кусиков (Кусикян), брат художника Бориса Эрдыманя Николай Эрдыман, а также Матвей Ройзман. Возникает

⁹ Поэты-имажинисты. М.; СПб., 1997 (Библиотека поэта. Большая серия). С. 9. В дальнейшем ссылки на это издание: *Поэты-имажинисты...* — с указанием страницы.

«Орден имажинистов». Одновременно во многом благодаря коммерческой жилке и организаторскому таланту Ройзмана, имажинисты получают солидную материальную базу для своих мероприятий: им принадлежит книжный магазин «Московской трудовой артели художников слова», в котором Мариенгоф и Есенин сами ведут торговлю, кинотеатр «Лилипут», а также знаменитое в Москве имажинистское литературное кафе «Стойло Пегаса» (было закрыто в 1922 году). Особо следует сказать об издательской деятельности имажинистов: у них было в разное время несколько собственных издательств, самым известным среди которых было «Имажинисты». В самый разгар бумажного голода, когда книгопечатание в России было на грани полной остановки, имажинистские издательства работали на полную мощь, выпуская одну за другой книги членов Ордена, вызывавшие возмущение критики как своим эпатазирующим содержанием, так и тем, что «ерундивые» стихи имажинистов (в частности, в статье критика А. Кауфмана такой эпитет достался как раз произведениям Мариенгофа) печатались в большом количестве, широко и размашисто, поглотив «бумажную выработку, по крайней мере, одной бумагоделательной фабрики за год»¹⁰.

Параллельно выпуску книг и сборников имажинисты проводили поэтические вечера, диспуты, другие публичные акции. Практически все эти мероприятия проходили бурно, а порой даже скандально — в этом имажинисты следовали традициям своих литературных противников — футуристов. Не довольствуясь обычными выступлениями, имажинисты в традициях того

¹⁰ Кауфман А. Литературное производство и сырье. Новогодние размышления и итоги // Вестник литературы. 1921. № 1. С. 2.

времени организовывали целые импровизированные спектакли с участием публики, так, например, 4 ноября 1920 года в Большом зале консерватории состоялся «Суд над имажинистами» со всеми атрибутами и персонажами судебного процесса: обвинителем, адвокатом, присяжными... Но и этим имажинистские акции не ограничивались: эстетика авангарда требовала разрушения границы между литературой и жизнью, толкала на превращение бытового ряда в материал для творчества. Поэтому имажинистскими лозунгами расписывались стены Страстного монастыря, на шею памятника Пушкину вешали табличку «Я с имажинистами», по ночам «переименовывались» московские улицы: снимались старые таблички и на их место вешались новые. Вместо Петровки, Никитской, Тверской появляются «улицы имажинистов» — Мариенгофа, Шершеневича, Есенина... Некоторые попытки «эстетизации действительности» приводили к конфликту с властями: в частности, Московская ЧК живо заинтересовалась членами Ордена имажинистов после того, как они расклеили по всему городу плакаты, приглашавшие 12 июня 1920 года на демонстрацию по поводу отделения искусства от государства.

Отношения имажинистов с властями, строго говоря, заслуживают особого разговора. Близость Есенина, Мариенгофа, Шершеневича и других к самым высокопоставленным большевистским руководителям не подлежит сомнению. Так, Мариенгоф рассказывает в своих воспоминаниях, как свою самую первую должность в московском издательстве он получил с помощью Бухарина. Чуть позднее председатель Московского Совета Л. Б. Каменев легко дает имажинистам разрешение на открытие книжной лавки. Одним из их близких друзей становится известный эсер-террорист Яков Блюмкин,

участник убийства германского посла Мирбаха. В один прекрасный день Блюмкин «запросто» устраивает по-этам встречу с самим Львом Троцким. Помогают имажинистам и всеильные чекисты: практически любые недоразумения (как связанные с литературными «акциями», так и не связанные) решаются в самый короткий срок: фамилии «Есенин», «Мариенгоф», «Шершеневич», «Кусиков» действуют на них завораживающе. Друг Мариенгофа — еще с гимназических времен — Г. Р. Колобов, занимал высокую должность заведующего транспортно-материальным отделом ВСХН и имел собственный салон-вагон, место в котором он не замедлил предоставить Есенину и Мариенгофу. Вагон колесил по всей России — и вместе с ним в роскоши разъезжали имажинисты. Наконец, обратим внимание на то, в каких бытовых условиях жили поэты в самые суровые годы военного коммунизма в сравнении с другими собратьями по перу — об этом подробно пишет С. В. Шумихин в предисловии к их мемуарам:

«Мариенгоф заказывает костюмы и пальто у лучшего портного Москвы и уговаривает сделать то же самое Есенина. <...> Питаются друзья не только «коричневой бурдохлыстиной и нежным мясом жеребят» в общественных столовых, но и «необыкновенными слоеными пирожками и свиными отбивными», а также «рябчиками, глухарями, пломбирами, фруктовыми муссами, золотыми ромовыми бабами» <...>. Более того, арестованные во время облавы в притоне, они захватывают с собой в тюрьму «одеяла, подушки, головки сыра, гусей, кур, свиную корейку и телячью ножку» <...>. Шершеневич после визита к председателю Московского Совета Л. Б. Каменеву тут же получает «две чудесные комнаты на Арбате» <...>. Напомним, что в это время у Марины Цветаевой умерла в приюте младшая дочь, а больному В. Ф. Ходасевичу, жившему в

полуподвальной, не топленной больше года квартире, куда сквозь гнилые рамы текли потоки талого снега, тот же Каменев не дал письма в жилищный отдел...»¹¹.

Конечно, одной из главных причин благоволения власти к имажинистам было весьма циничное (а в этом легко убедиться, прочитав хотя бы рассказ Мариенгофа о том, с помощью каких ухищрений друзья спасались от мобилизации в Красную Армию для защиты воспеваемого ими строя) использование последними революционной и богоборческой (как правило, доходящей до кощунства) тематики¹². В нужный момент нужные цитаты делали свое дело. Вот как, по воспоминаниям того же Мариенгофа, происходила беседа в МЧК после объявленной имажинистами «всеобщей мобилизации»:

«Следователь, сляясь проглотить смешок, вел допрос. Есенин говорил:

— Отец родной, я же с большевиками... я же с Октябрьской революцией.. Читали мое:

Мать моя родина,
Я большевик.

А он, — и он тыкал в меня пальцем, — про вас писал... красный террор воспел:

В этой черепов груди
Наша красная месть!»¹³

Через час друзья были уже дома. Еще быстрее — через полчаса — был освобожден арестованный по доносу Кусиков — после беседы Шершеневича с предсе-

¹¹ Шумихин С. Глазами «великолепных очевидцев» // *Мой век...* С. 8.

¹² Не случайно именно так — «Циники» назван известный роман Мариенгофа, написанный в 1928 году.

¹³ *Мой век...* С. 374.

¹⁴ *Мой век...* С. 560.

дателем МЧК Манцевым¹⁴.

Нетрудно догадаться, что подобные «особые» отношения с властями позволяли и современникам и потомкам поэтов ставить справедливый вопрос о цене, которую за эти отношения приходилось платить. Сомнения усиливали свидетельства современников — так, например, Ходасевич в своем очерке 1926 года утверждает, что Есенин предлагал некой поэтессе «поглядеть, как расстреливают» — через все того же Блюмкина. Аналогичные пассажи присутствуют и в есенинских стихах, к примеру:

Офицерика
Да голубчика
Прикокошили
Вчера в Губчека
(«Песнь о великом походе»), —

и в уже приведенных выше стихах Мариенгофа.

Таким образом имажинисты продолжали в собственных стихах тот жизнетворческий эпатаж, в основе которого лежала прежде всего борьба с традиционной, основанной на христианстве, системой ценностей. Тот же Есенин, когда пришла пора говорить «по гамбургскому счету», написал свой знаменитый стих:

Не расстреливал несчастных по темницам, —

о котором с восхищением писал О. Мандельштам в «Четвертой прозе»: «... прекрасный русский стих <...>, он полозьями пишет по снегу, он ключом верещит в замке, он морозом стреляет в комнату <...>. Вот символ веры, вот поэтический канон настоящего писателя...»¹⁵. Очевидно, если Есенин и был свидетелем рас-

¹⁵ Мандельштам О. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1990. С. 93—94.

стрелов, они надолго врезались ему в память...

Воспевание красного террора соседствовало в стихах имажинистов с буйным и безграничным кошунством. Вот Есенин:

Время мое припело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело
Выплываю изо рта.
(«Инония»)

Вот Шершеневич:

Если знаю — не больше, чем знал и Христос.
(«Сердце частушка молитв»)

А вот Мариенгоф:

Твердь, твердь за вихры зыбим,
Святость хлещем свистящей нагайкой
И хилое тело Христа на дыбе
Вздыбливаем в Чрезвычайке.

Что же, что же, прощай нам грешным,
Спасай, как на Голгофе разбойника, —
Кровь Твою, кровь бешено
Выплескиваем, как воду из рукомойника.

Кричу: «Мария, Мария, кого вынашивала! —
Пыль бы у ног твоих целовал за аборт!..»
Зато теперь: на распеленутой земле нашей
Только Я — человек горд.

Или его же:

Кровью плюем зазорно
Богу в юродивый взор <...>
Молимся тебе матершиной
За рабьих годов позор¹⁶.

По воспоминаниям Матвея Ройзмана, Мариенгофа за подобные стихи даже именовали в имажинистском кругу «Мясорубкой»...

Однако надо учитывать несколько важных факторов. Во-первых, все столь откровенно кощунственные стихи имажинистов были написаны после революции. Следует помнить, что законодательством Российской империи печатный текст, в котором усматривались признаки богохульства, подлежал изъятию и уничтожению. Поколение Есенина и Мариенгофа прекрасно знало об инциденте с уничтожением за богохульство по распоряжению цензуры сборника Владимира Нарбута «Аллилуйя» (1912). Теперь удар был направлен не столько против христианства как религии, сколько против того, в каком виде оно существовало в качестве социального института царской России — с принудительным православием и Законом Божьим в школах, с церковной цензурой — и в качестве основы ненавистной имажинистам основы ненавистной имажинистам основы...

¹⁶ Не исключено, что именно Мариенгоф и именно эти стихи стали одной из отправных точек для создания образа поэта Русакова в «Белой гвардии» М. Булгакова: в стихах Русакова мы встречаем именно этот нарочито кощунственный мотив «матерной молитвы»:

В берлоге
Логе
Бейте бога
Звук алый
Боговой битвы
Встречаю матерной молитвой.

См. об этом подробнее: *Шаргородский С.* Заметки о Булгакове. 1. Фантомист-футурист Иван Русаков // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 263.

нистам старой «нравственности»... Во-вторых, не следует доверять — особенно в данном случае — мемуарам Ройзмана, имея в виду его периодически прорывавшуюся неприязнь к более удачливому в литературе Мариенгофу. Так, в 1930-е годы Ройзман даже отмечал в записной книжке: «Не люблю Мариенгофа за его чванливость и недалекость»¹⁷.

Имажинистские богохульства были здесь, скорее, неким авангардным эпатажем. С филологической точки зрения, этот эпатаж следует рассматривать как характерную авангардную деятельность по расширению лексического и тематического фонда поэзии. Над этим уже поработали символисты: Брюсов ввел в поэзию темы зоо- и некрофилии, футуристы — темы венерических заболеваний, богоборчества. Имажинисты выбрали себе нишу не богоборчества — а именно богохульства и кощунства. В печатной русской литературе эта тема в таком ключе еще никогда не была реализована.

Первыми заметными публикациями Мариенгофа в Москве стали большая подборка стихотворений в сборнике «Явь», а также отдельные издания — поэма «Магдалина» и поэма «Кондитерская солнц» (все — 1919 г.). В этих произведениях впервые наиболее ярко проявились как уже упомянутые демонстративный аморализм и богохульство, так и характерные особенности имажинистской поэтики, которые сам Мариенгоф через год сформулирует в теоретической книге «Буян-остров. Имажинизм»:

«Рождение слова, речи и языка из чрева образа <...> предначертало раз и навсегда образное начало будущей поэзии.

Подобно тому, как за образным началом в слове следует ритмическое, в поэзии образ является целост-

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2809 (Ройзман М. Д.). Ед. хр. 79. Л. 48 об.

ным только при напряженности ритмических колебаний, прямо пропорциональной напряженности образа»¹⁸.

Мариенгоф четко формулирует основные признаки имажинистской поэтики: образы сплетаются в цепочку, нарушение хотя бы одного звена которой приводит к разрушению всей ткани стихотворения; этимология как один из источников порождения образной системы, широкое использование свободного стиха, отказ от музыкальности в стихе. Все это мы встречаем в первых московских книгах Мариенгофа, — и к этому еще прибавляется юношеский задор и безапелляционность, откровенный эпатаж и — попытка осмысления октябрьского переворота в масштабных библейских картинах. Под прошлым подведена окончательная черта, — частная жизнь человека, судьбы государств и народов, всей земли — всё отныне начинается с чистого листа, вся история пишется заново, на глазах современников:

Каждый наш день — новая глава Библии.
Каждая страница тысячам поколений будет Великой.
Мы те, о которых скажут:
— Счастливы в 1917 году жили.

Первые книги принесли Мариенгофу значительную известность. Особенно стал популярен знаменитый его призыв из «Магдалины»:

Граждане, душ
Меняйте белье исподнее!

В «Романе без вранья» Мариенгоф приводит сценку 1919 года: на одной из московских улиц ночью бандиты уже собираются содрать с него новое пальто, как вдруг

¹⁸ Мариенгоф А. Буян-остров. Имажинизм. М., 1920. С. 16.

главарь узнает в жертве автора «Магдалины». Разумеется, пальто было тут же возвращено, а поэта с почетом проводили до дому. Хотя истинность этого случая весьма сомнительна (уж слишком рассказ хорошо «ложится» на известный миф, тиражированный в разных вариантах в десятках мемуарах и произведений — вплоть до лагерной прозы второй половины XX века), в одном сомневаться не приходится: популярность имажинистов в послереволюционной Москве была необычайной... Книжка вышла маленьким форматом, с черной бумажной обложкой, что позволило поэтессе Сусанне Мар написать:

Маленький черный гробик,
Золотой мавзолее Магдалине.

Мариенгоф называет датой своей женитьбы на актрисе Камерного театра Анне Никритиной 31 декабря 1922 года. 13 июня 1923 года состоялась регистрация брака. На этот момент невеста уже была беременна — и молодые поторопились узаконить свои отношения в ожидании появления наследника. Через некоторое время Никритина уезжает рожать в Одессу, а затем к ней — успев прямо к родам — приезжает и сам Мариенгоф. Родившегося 10 июля 1923 года сына назвали Кириллом.

В своих мемуарах Мариенгоф рассказывает, как беременность не позволила Никритиной отправиться вместе с театром Таирова в зарубежные гастроли: во Францию, Германию... Тогда он дал слово расстроенной жене, что как только их ребенку исполнится год, они оставят его на бабушку и отправятся в Париж. Мариенгоф сдержал свое слово: в 1924 году супруги уехали в Париж. Кроме этой поездки, поэт еще дважды побывал за границей в 1920-е годы: в Германии и в Австрии. За границей Мариенгоф много выступал с чтением стихов, писал новые стихи.

Впечатления Мариенгофа от заграничных поездок отразились в стихах, вошедших в коллективные сборники «Имажинисты» (1925), «Новые стихи» (1926) — и, конечно, в его собственную книгу 1926 года «Стихи и поэмы». В этих стихах явно звучит мотив ностальгии:

Птицы, звезды и степи,
Желтые зори.
И трава.
Тридцать три переедешь моря,
А в сердце:
Пепел
И маленькая Москва.

В «Поэме четырех глав», в главе «Встреча», Мариенгоф рассказывает о весьма распространенном в то время сюжете: приехавший на Запад гражданин Советской России встречается в небольшом кабачке с эмигрантом. Сталкиваются люди, не сделавшие друг другу ничего плохого, отчасти даже, возможно, испытывающие друг к другу определенную симпатию. Но они изначально обречены быть чужими, разговаривающими на разных языках — и их дороги расходятся, еще не успев сойтись. Трагизм этого раскола, пролегла через русский народ, воплощен в финале главы:

Друзья, братва,
Вас спрашиваю —
Отвечайте с сметкой:
У кабачка
Тогда
Четыре лакированных штиблеты разошлись
Или России две судьбы?
Две русские души,
Или четыре кожаных подметки?..

1923 год оказался для Мариенгофа тяжелым: произошла его ссора с Есениным — ссора, основанная на недоразумении. И хотя вскоре произошло примирение, некоторая трещина в их отношениях осталась. Кроме этого, Есенин постепенно спивался, все сильнее проявлялись такие черты его характера, как подозрительность, недоверие к окружающим, мнительность... Стало ясно, что прошлой дружбы, которой и Есенин и Мариенгоф посвятили столько стихов, о которой по Москве ходили легенды, — уже не вернешь... Пророческим стало название, данное Мариенгофом одной из своих книг — еще в период разгара этой дружбы — «Разочарование»...

В эти годы имажинизму было подряд нанесено несколько ударов. В 1924 году Есенин и Грузинов объявили о своем разочаровании в движении: 31 августа в «Правде» появилась их письмо о роспуске имажинистской группы. Остальные члены Ордена имажинистов во главе с Мариенгофом и Шершеневичем, возмущенные этим письмом, ответили своим, которое было опубликовано 9 сентября 1924 года в журнале «Новый зритель» (№ 35). Писали они о Есенине весьма резко: «Есенин примыкал к нашей идеологии, поскольку она ему была удобна, и мы никогда в нем, вечно отказывающемся от своего слова, не были уверены как в соратнике...». Мариенгоф, как справедливо замечали многие исследователи, был наиболее последовательным имажинистом, в отличие, например, от Есенина и Грузинова, а также Шершеневича, который до членства в Ордене успел побывать символистом и эгофутуристом, — свое детище — имажинизм — он защищал до конца.

1925 год стал для имажинистов переломным: самоубийство Есенина фактически подвело черту под творчес-

кой историей этого направления русского авангарда. «Со смертью Есенина <...>, — пишет Мариенгоф в автобиографии, — закончилась первая половина моей литературной жизни, в достаточной мере бурная»¹⁹. Последняя книга стихов Мариенгофа выходит в 1926 году (Стихи и поэмы. Л., 1926), после этого печататься было уже практически невозможно. Мариенгоф в 1927—1930 годах выпускает три детские книжки стихов — это был в то время достаточно распространенный способ заработка для поэтов, отлученных от читателя, достаточно назвать, например, круг обэриутов — Хармса, Введенского, Олейникова. В 1928 году Никритина переходит в Большой драматический театр — и семья переезжает в Ленинград.

В том же 1928 году Мариенгоф вместе с группой поэтов и писателей, среди которых был также Рюрик Ивнев, в последний раз пытается организовать общество литераторов под названием «Литература и быт». Однако времена уже были не те: НКВД решительно отказал в утверждении устава общества — «ввиду неясности намеченных путей для разрешения поставленной перед обществом специальной задачи отражения в литературе Советского быта...»²⁰.

В 1930-е годы Мариенгоф обращается к драматургии. Первые опыты относятся еще к 1920-м годам: в 1922 году вышла посвященная Есенину его трагедия «Заговор дураков» (писавшаяся одновременно с есенинским «Пугачевым»), в 1923 году в Одессе Мариенгоф написал пьесу «Вавилонский адвокат» — специально для Камерного театра, предназначая главную роль своей жене. Так и получилось — пьеса была поставле-

¹⁹ ЦГАЛИ (СПб.). Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 133. Л. 4об.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 397. Л. 47.

на в таировском театре в 1924 году — и Никритина выступала в ней с большим успехом. В 1930—1950-х годах Мариенгоф написал большое количество небольших пьес, скетчей, которые ставились в различных театрах и публиковались, кроме этого им было создано несколько киносценариев (в 1925 году Мариенгоф работал секретарем отдела «Пролеткино»).

Еще одним важным направлением творческой работы Мариенгофа стала проза. В 1927 году в Ленинграде выходит «Роман без вранья», в 1928 году — в Берлине — «Циники», в 1930-м — там же — роман «Бритый человек». С 1953 года Мариенгоф развивает автобиографическую линию своих прозаических произведений в книге мемуаров «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги», впервые опубликованной только в 1988 году²¹.

После распада имажинистской группы Мариенгоф продолжает писать и лирические стихи, а также перерабатывать старые. Так, создаются его рукописные сборники, ныне хранящиеся в московских и петербургских архивах: «Анне Никритиной» (1926—1929), «Стихи о любви» (1938—1939) и другие. Поэтика позднего Мариенгофа значительно отличается от ранней: почти нет яркой, бьющей в глаза образности, сложных синтаксических построений, языковых новаций; тематика сдвигается в область семейных отношений, камерных человеческих проблем... В его поэзии появляются отсутствовавшие ранее нотки морализаторства...

1940 год принес Мариенгофу страшную трагедию. 4 марта покончил с собой его сын Кирилл — необычайно талантливый юноша, прекрасно осознававший суть времени, в котором ему приходилось жить. Он называл сталинскую эпоху «непросвещенным абсолютизмом» и

²¹ Мариенгоф А. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. Л., 1988.

не видел выхода. Мариенгоф вспоминает, как сын однажды усмехнулся в разговоре с ним: «Литература с пальцем на губах! Ха! Какой вздор!.. Кончай-ка, папа, безнадежное дело»²². В 1940—1955 годах Мариенгоф создает рукописный сборник стихотворных миниатюр под названием «После этого». Один из эпиграфов к сборнику: «Могут ли мои стихи после этого быть веселыми?» Тема смерти и ее ожидания начинает все громче и громче звучать в его стихах этого периода. Несмотря на отдельные попытки формирования стоического к ней отношения («А ну — со смертью будем храбры — / Ведь все равно возьмет за жабры»), преобладает минор, ощущение обреченности: «Мы с тобою потеряли бога, / И у нас холодная душа, / Ну, давай собираться не спеша / В самую далекую дорогу»... Тенденция к минимизации формы — вплоть до двустушия — особенно усиливается у Мариенгофа в последние десятилетия, словно подчеркивая парадоксальность его творческой эволюции: от поэта, активно возрождавшего в конце 1910-х — начале 1920-х годов жанр поэмы, до сторонника чрезвычайно лаконичного жанра.

Войну Мариенгоф встречает в Баку — и сразу же начинает интенсивно работать. В автобиографии 1942 года он так описывает свою жизнь в первые военные годы:

«Июль — август 1941 года — Ленинград. Каждый день — новая баллада о войне по радио. 23-го августа эвакуируюсь с Большим драматическим театром в Киров (Вятка). Там — две поэмы (ничего себе: “Зоя — Таня” и “Лобзов”) и одна плохая пьеса “Власть тьмы” <...>.

Середина мая (1942) — в Москве, на совещании всесоюзном драматургов. 25-го — обратно в Киров... Оттуда — в Севастополь <...>»²³. В Кирове в 1942

²² *Мой век...* С. 259.

году выходят последние поэтические книги Мариенгофа — «Пять баллад» и «Поэмы войны».

Пятидесятые годы проходят для Мариенгофа в работе: скетчи, литературные вечера, общение со старыми друзьями. Он продолжает писать стихи и пытается редактировать старые — готовя их к изданию. Однако в 1959 году издать удалось только две пьесы: «Рождение поэта» и «Шут Балакирев» (Л., 1959). Что говорить о литчиновниках, если даже Е. Г. Эткинд, рецензируя в 1963 году уже посмертный (так и не вышедший) сборник Мариенгофа, предлагает «Роман с друзьями» (сокращенную версию мемуаров Мариенгофа) «редактировать» и «очищать от некоторых эпизодов, которые могут исказить в глазах читателя образ автора»²⁴!

Умер А. Б. Мариенгоф («единственный денди в Республике», как его называл однажды Мейерхольд) 24 июня 1962 года. В свое время О. Савич писал о нем: «Мариенгоф знаменует собой возврат или, по крайней мере, большое тяготение к Пушкину. Я считаю Мариенгофа одним из интереснейших поэтов эпохи — большой и обособленной, поэтически замкнутой величиной <...>. Начав с обыденных рифм <...>, Мариенгоф стал разлагать рифму, пользуясь всеми видами концевых окончаний, и пришел к белому — то есть самому трудному, стиху <...>. Я недаром говорил о пушкинской традиции. Параллель Пушкин — Мариенгоф ждет своего исследователя»²⁵.

Остается добавить: как и весь творческий путь Анатолия Мариенгофа.

А. Кобринский

²³ РГАЛИ. Ф. 1334 (Крученых А. Е.). Оп. 1. Ед. хр. 677. Л. 8.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 2269 (Мариенгоф А. Б.). Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 3.

²⁵ Савич О. Имажинист // Вопросы литературы. 1989. № 12. С. 273—274 (цитируется по: *Поэты-имажинисты...* С. 504).

СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ

ВИТРИНА СЕРДЦА

1

Сказка, присказка, быть,
Небыль.
Не знаю... Неугомонные
Тильтиль и Митиль —
Ищем любовь: «Там, там — вон
На верхушках осин, сосен!»
А она, небось,
Красноперая
Давным-давно улетела в озера
Далекого неба.

1918

2

Тело свесили с крыш
В багряной машкере арлекина,
Сердце расклеили на столбах
Кусками афиш.
И душу, с ценою в рублях,
Выставили в витринах.

1917

3. АПРЕЛЬ

Полдень, мягкий, как Л.
Улица, коричневая, как сарт.
Сегодня апрель,
А вчера еще был март.
Апрель! Вынул из карманов руки
И правую на набалдашнике
Тросточки приспособил.
Апрель! Сегодня даже собачники
Любуются, как около суки
Увивается рыжий кобель.

4

Кровоточи,
Капай
Кровавой слюной
Нежность. Сердца серебряный купол
Матов суровой чернью...
Как бы, как бы в ночи
Глупому
Мне украсть
У любви блестящую запонку...
За что укус и острые тернии?
Разве страсть
Библия, чтоб ее молитвенно на аналой
Класть.

5

Пятнышко, как от раздавленной клюквы.
 Тише. Не хлопайте дверью. Человек...
 Простенькие четыре буквы:

— умер.

6

Из сердца в ладнях
 Несу любовь.
 Ее возьми —
 Как голову Иоканана,
 Как голову Олоферна...
 Она мне, как революции — новь,
 Как нож гильотины —
 Марату,
 Как Еве — змий.
 Она мне как правоверному —
 Стих
 Корана,
 Как, за Распятого,
 Иуде — осины
 Сук...
 Всего кладу себя на огонь
 Уст твоих,
 На лилии рук.

1916

Опять же: — Что Истина?..
 Душу прищемили, как псу хвост дверью,
 И вот, как зверь,
 Не могу боль выстонать.

1918

8. ЭПИТАФИЯ

Прими меня, почившего в бозе,
 Дай — мир Твой хваленый!..
 Я — как капусты кочан,
 Оставивший вдруг огород,
 На котором возрос;
 Я — как пугливый зверь,
 Покинувший сень дубравы;
 Я — как овечий
 Хвост, —
 Но все же:
 За ласки прекрасных жен,
 Недоступные мне теперь;
 За вино, что не будет течь
 Боле в мой рот;
 За сыр козий,
 Отнятый у меня не по праву;
 За погост с черной землей
 Вместо цветущего сада
 Мне данный — Боже,
 Требую я награды:
 Дай мне хваленый мир Твой.

9

Милостыню жалости мне в нищете,
 Затертый один грошик...
 Безжалостное копьё
 Измены брошено...
 Галл, видите, галл на щите,
 Видите, как над падалью уже — воробье.

1917

10

И опять на ресницах индивел
 У проходящих вечерний блуд,
 И опять на мое распластанное тело
 Город наступил, как верблюд,
 И опять небо синело,
 Как эмалированное блюдо.

1917

11

Даже грязными, как торговков
 Подолы
 Люди, люблю вас.
 Что нам мучительно — нездоровым
 Теперь,
 Чистота глаз
 Савонароллы,
 Изжога
 Благочестия
 И лесты,

Давида псалмы,
Когда от Бога
Отрезаны мы,
Как купоны от серии.

12

Милая, нежности ты моей
Побудь сегодня
Козлом отпущения!

13

Куда вы?
— К новому новая в нови новое чая...
Не верю.
Променять нельзя, не истаяв
В тоске о потере.
Сердце, как белая стая
За кораблем чаек...
— Боже, избави меня от лукавого!

1918

14

Ночь, как слеза, вытекла из огромного глаза
И на крыши сползла по ресницам.
Встала печаль, как Лазарь,
И побежала на улицы рыдать и виниться.
Кидалась на шею — и все шарахались
И кричали: безумная!

И в барабанные перепонки воплями страха
Били, как в звенящие бубны.

1917 г.

15

Приду. Протяну ладони.

Скажу:

— Люби. Возьми. Твой. Единый...

У тебя глаза, как на иконе

У Магдалины,

А сердце холодное, книжное

И лживое, как шут...

Скорей, скорее: «нет, не люби!» — кинь,

Как булыжник.

Аминь.

1918 г.

16. РЮРИКУ ИВНЕВУ

Когда день, как у больного мокрота,

И только на полотнах футуристов лазурь,

С Вами хорошо, Рюрик,

Говорить о маленьких поэтовых заботах.

С Вами вообще хорошо и просто.

Вы так — на свои стихи похожи, —

Входите в сердце нежной поступью,

Словно во время действия в ложу.

Ноябрь, 1918 г.

МАГДАЛИНА

17. МАГДАЛИНА

Глава первая

1

Бьют зеленые льдины
Дни о гранитные набережные,
А я говорю: любовь прячь, Магдалина,
Бережно.
Сегодня, когда ржут
Разрывы и визжа над городом шrapнели
Вертятся каруселями,
Убивая и рая,
И голубую вожжу у кучера вырывают смертей кони —
Жители с подоконников
Уносят герани,
И слякотно: сохрани нам копеечки жизни Бог!..
А я говорю: прячь, Магдалина, любовь до весны, как
проститутка «катеньку» за чулок.

2

Магдалина,
Я тоже люблю весну
Знаешь, когда разбивая, как склянки,
Тинькает
Солнце льдинками.
А нынче мохнатые облака паутиной

Над сучьями труб виснут
И ветер в улицах кувыркается обезьянкой
И кутают
Туманы пространства в тулупы, в шубы, —
Еще я хочу, Магдалина
Уюта
Никогда не мятых мужчиной
Твоих кружевных юбок.

3

О ком? Ни о ком.
Ах, сметены, сметены
Метлами ветра в кучи, в груды,
Скатаны в ком —
Облака.
Не надо, не надо нам выжатого из сосцов луны
Молока.
Слушай, ухом к груди,
Как хрипло водопроводами город дышит...
Как же любить тебя, Магдалина, в нем мне?
Нет, ничего не хочу и не буду помнить...
Поэт. Разве?.. Как все, как эти —
Асфальтовых змей выкидыш.
Дай же, дай, холодных белых рук твоих, Магдалина,
писти.

4

Стихами, кропя ли
Улицы, буду служить молебны.
Смотри, Магдалина,
Нелюбы
Опять распяли

Поэта в зеркальных озерах витрин...
Только губы, твои, Магдалина, губы
Только глаза небные,
Только волос золотые рогожи
Сделают воском
Железо крестных гвоздей.
Магдалина, я тоже ведь, тоже
Недоносок
Проклятьями утрамбованных площадей.

5

Помню, вдруг, выбежали глаза ребенка
Из дома душевнобольных
И заматались в бензинной
Копоти.
Увидел. — Имя, имя твое? — Магдалина...
Кажется, где-то барабанные перепонки
Слышали. Даже, быть может, в стальных
Колокольных звонах,
Может быть в реве трубы Иерихонской
Или у ранней обедни...
Тише! Словами не топайте
Топотом эскадрона. —
Не я, Магдалина, а ветер копытами конскими
В ставни любви последней.

6

Соломоновой разве любовью любить бы хотел?
Разве достойна тебя поэма даже в сто крат
Прекрасней чем «Песня Песней»?
Ей у ступней
Твоих ползать на животе

И этим быть гордой.
Разве твое не прекраснее тело, чем сад
Широкобедрый
Вишневый в цвету?
Ради единой
Слезы твоей, Магдалина,
Покорный, как ломовая лошадь
Кнуту,
Внес на Голгофу я крест бы как сладкую ношу.

7

В проломленный льдинами
Борт
Души — любви пламень...
Как же мне, Магдалина, портновским аршином
Вымеривать страданиями огаженные тротуары?
Каким абортom,
Растланное твоими глазами,
Сердце спасти? Старая,
Песенка!.. Опять про весну
Панели захлопали снегом разъеденным солью...
Магдалина, слыхала — Четвертым
Анатолию
Предложили воссесть одесную,
А он, влюбленный здесь на земле в Магдалину:
«Не желаю!» гордо

8

В кубок
Поэмы для тебя соберу, Магдалина
Стихов брызги.
Может быть будут взвизгивать

Губы:

— Смеее-й-ся, па-яц;

Может быть в солнце кулаком — бац.

А вы, там — каждый собачьей шерсти блоха.

Ползайте собирайте осколки

Разбитой клизмы...

Каким, каким метеором, Магдалина,

Пронеслись мы

Над землей голодным воющей волком...

Разве можно о любви, как Иисусик вздыхать?

9

Что? Как?

Молчите! Коленом, коленом

Пружины

Ее живота — Глаза — тук! так!

В багет, в потолок, о стены,

Наружу...

«Магдалина!»

А-а-а-х!.. — Шмыг

Крик

Под наволочку. А губы! Губы!

Это. Нет. Что Вы — уголок подушки

Прикушенный. Чушь!

А тело? Это?.. Это ведь — спущенных юбок

Лужи.

10

Можно ли помнить о всякой вине,

Магдалина?

О нас же с тобой не напишут в Завете,

Нашим скрижалям не выстроют Скинию!
Раскаяние свернется улиткой
Уныния
В каменной сердца раковине.
Твои, Магдалина,
Глаза ведь
На коврах только выткать!
Магдалина, мы в городе — кровь, как из

водопровода,
Совесь усовершенствованнее канализации.
Нам ли, нам ли с тобой спастись
Когда корчится похоть, как женщина в родах.

11

Опять трехдюймовки хохотали до коликов,
Опять артиллерия заграбастывала кварталы
в охапку,
И в небе дымки кувыркались красноглазыми
кроликами. —
Эй, купола, снимайте же шапки,
Довольно по тучам кресты
Волочить, как слюни!
На папертях голоикрым канканом
Май вертокружит с Июнем,
Революция с революцией. Магдалина,
Я тоже пьяный,
Я тоже прыгал через костры
И шалый
В огненном казакине
Танцевал лезгинку с кинжалом.

Граждане, душ
 Меняйте белье исподнее!
 Магдалина, я также сегодня
 Приду к тебе в чистых подштанниках.
 Что? — кажется смешной трансформация?
 Чушь!
 Поэт, Магдалина, с паяцем
 Двоюродные братья — тому и другому философия
 С прочим —
 — мятные пряники!
 Пожалуйста покороче:
 Любовь и губы.
 Ах, еще я хочу уюта твоих кружевных юбок.

В

Что это, это —
 Красных чернил лужа ведь?
 Магдалина, Магдалина, почему же на кружеве?
 Кричи, Магдалина!
 Нет,
 Лжешь! Пружины,
 Как тогда, живота коленом.
 Молчишь?.. Молчишь?! Я выскребу слова с языка.
 А руки,
 Руки белее выжатого из сосцов луны молока.
 Кричи, Магдалина! Я буду сейчас по черепу стучать
 Поленом...
 Ха-ха. Это он, он в солнце кулаком — бац;
 — Смеее-й-ся, пая-яц...

ДНИ ГОРБЫ

Книга II

1

Вадиму Шершеневичу

Дни горбы по ступенькам
Из погребов тысяча девятьсот восемнадцатого...
Сейчас — на хрусткий крахмал улиц солнца кашне бы,
А тут: звенькают
Вьюги
Ветрами, как в бубен, в небо
И тучи струги
На зори, а зори красные лисьи
Хвосты в сугробы...
Где-то там — у памяти в святцах —
— Магдалина.
В зеленые льдины
Выси
Тоски хобот.

2

Больно, больно под конским крупом
Любви ранам.
Еще и еще в костеле
Сердца: Ave Maria!..
«Отдайте, отдайте!» — как в рупор
С балкончика балагана.
Какой же ты глупенький, Анатолий, —
Им бы совдепы,
А не твоей любви автомобильные фонари.

Уйди, спрячься, как паровоз в депо —
Там чини отчаяния оси,
Дней буфера...
В холоде мартовского утра бронза осени,
Октябрьских туч веера.

3

Смотрите, смотрите: носище влево,
Котелок на штиблете,
Галоша на лысине...
Будете, будете о поэте
Плакать, как об Эдеме Ева!
Зачем мне Вашего неба абажур теперь,
Звезд луковицы,
Когда в душе голубой выси нет?
Доктор, в голове, как в вертепе!
Остановите! Мозг не может слученою сухой виться!
Выньте безумия каучуковые челюсти,
Со лба снимите ремни экваторов, —
Я ведь имею честь
Лечиться у знаменитого психиатора.

4

День утренниками
Напудренный.
Суставами лед — хруст!
И —
— Зеленый в зеленой зыбке...
Припадая к трости асфальт чеканить
Здравствуйте! Здравствуйте! У вас в прорубях
Глаз золотые рыбки,
А у меня, видите ли, сердца скворешник пуст...

Опять и опять любовь о любви
Соломея об Иоканане,
Опять и опять
В воспоминанья белого голубя
Стихами о ней страницы кропя.

5

День печалей свезет ли воз?
Ах, вчера снова два глаза — два кобеля на луну
выли...

Откуда, чья это трогательная заботливость —
Анатолию лилии,
Из лилий лиру,
Лилии рук.

Да, да, конечно — напомнить: на красной трапеции
В зеленом трико
Весна.

Раньше бы: вон, к черту рама, в улицу крик — О-о-о!
А нынче у окна —
(О ком? Ни о ком)
По струнам смычком
И даже: скрипке и струнам не стало петься.

6

Нет, тоски не выпадут зубы...
Лилии лилии... «Будем знакомы»
о ком? Ни о ком
Так себе...
И тоже — уют кружевных юбок.
Знаете на солнце хорошо кляксу бы
Туч осени сентября октября
И ветер — зори плясать красными ляжками

Подолы задрав...
В апреле обряд
Желтого траура о одра
Земли.
Простите как выброшенные пригоршней волны на
пляж камни.
На тело души воспоминанья легли.

7

Вы со мной —
Так с ребенком колясочку катит мать
Нежно.
А я в пальцах пальцы, как любовницы злое письмо
сомну,
А у меня в зрачках кромешная
Тьма.
Все Магдалина и привычно мысль около
Дней колокол
Тихое помню не заглушит...
Выкатили глаза гольши
И только: там сям
Снега грязные бельма...
Во имя ее Магдалины возьми! отдамся!
Будем, будем крыльями губ вихрить апрель мы.

8

В поцелуев тугие мотки
Ненависти штопальную спицу, —
Душу,
Душу раздирают как матку
Жеребец кобылице...
Подолы кровя кухарки

Петухом с отрубленной головою биться
Буду буду убийца —
Удуш,
Как мокроту глаза выхаркивая!
Ты это ты, последняя
Выжала сердце, как губку —
Словно пальто в передней
Губы на юбке.

9

До свидания.
Говорите: «он был» о поэте.
Другой вашими пусть поцелуями будет увит, а не я,
Другому несите вашей любви Ниццу.
Смотрите: зубочисткой в кирпичных зубах
Ковыряется солнце в городе.
А я — «динь» — первый; «динь-динь» —
второй; «динь-динь-динь» — третий
И двинется
Поезд, шевеля буферами как крупом
К зеленой звезде семафора —
Это моего сердца клубит и орет труба,
Это моего сердца ищут колеса труппа.
Юноши,
Для него растланных губ таю нож.

10

Юрик, Юрик
В глазах олень у тебя загнанный гончими
С ветвями в рогах лазури...
Юрик губами молитвенно локончики.
К родинке.

Как к плащанице.
Кожи замшу,
Как просфору.
Даруй, даруй
Солнце живота твоего! Смородинками
Сосцов пьяниться!..
Новым молюсь глазам, шут.
Магдалина, верности выбит щит.
Душу кладу под новой любви глыбищу.

11

И снова толпы вихрявили
Улиц проборы
И снова, как камень пращой:
Туда, головой! в жижу!.. Смотрите
Открытие:
У каждого отдушины глаз, нос, вроде глетчера
уши как котловины
и рот, которым какие-то песни ухали
Вправе ли —
Частная собственность: чемоданчик сердца и еще
Какая-то рухлядь.
А я — безумия гроздь,
А я — через заборы
Всех совестей и рубаху души
Не разорвал о гвозди.

12

Улица на цыпочки — высосала, высосала
Из сосцов луны молоко, а Вы
Говорите: утренниками

Напудренная.

Музыку! Музыку! Дом как уок

С каланчой...

Что это, — выклянчиваю:

Сохрани мне копеечки здравого смысла

Бог!..

Доктор доктор оковы

Со лба экваторов,

Выньте безумия каучуковые челюсти,

Я ведь имею честь

Лечиться у знаменитого психиатра...

КОНДИТЕРСКАЯ СОЛНЦ

18. КОНДИТЕРСКАЯ СОЛНЦ

1

Утро облаков паруса,
Месяца голову русую
В лучей головни.
Город языками улиц в неба тарелку,
А я в блюдах зрачков ненависти ланцет
Всем поголовно.
— Как воздух, человеческого мяса полтора фунта!
В восстаний венце,
С факелом бунта
С двенадцати на двенадцать на часах
справедливости стрелки.

2

Как земля солнца вокруг,
Земли вокруг разрушений ядра.
Ко всему нулевой итог,
В дышлах революционных выюг
Земле пожаров экваторы.
Земля по орбите в пожаров пальто
Никакой жалости, никакой любви.
Как сахар в ступке
Детские косточки смертей грузовик, —
Туберкулезного харк — трупики.

3

Смерд.
 Смертию смерть, смерть смертию.
 На души галоши,
 В галошах по крови земли, —
 Этих бурь ломовая лошадь
 По ухабам червонной зари кули.
 Перед зорями смерть патриархом.
 Смерд,
 Смертию смерть, смерть смертию.
 — Ана-а-а-а-рхия!

4

Никогда за ее ресниц полог,
 Зрачки, как в синюю высь голубки.
 С злобою Окаянного Святополка
 Города крови кубки
 Залпом.
 Воплей залп
 Неба живот в дрожь.
 По крышам, как по доске кегельбана
 Туда и сюда пожаров ядро.
 Панихиды в соборах, как дробь барабанная.

5

Никогда поцелуй ночь на грудей канделябры,
 И пальцы в кружевах юбки,
 Как в бурьяне
 Грабли.
 Площади до капельки крови кубки.
 Клыками артиллерия
 Улиц артерии,

Говядину человечью в куски.
Миряне,
Это — в небо копытами грозно конь русский.

6

Из Москвы в Берлин, в Будапешт, в Рим
Мясорубку.
В Африке крылья зари,
В Америке пламени юбка,
Азия, как жонглер шариками, огнем...
С каждым днем
Все железней, все тверже
Горбылевые наши выи,
Революция огненный стержень
На котором и я и вы.

7

Месяц в высь дискобол,
И туда же электричества дротики,
Ручные гранаты о мостовые,
Как истеричка затылком о пол.
Пятилетней до крови ротик,
Сына завтра на вы я,
Как любовницу дочь на ложе.
Шрапнели в брюхо земли
И кишки по торцам, как вожжи,
Этих бурь ломовая лошадь
по ухабам червонной зари кули.

8

Человек. Красивый, какой красивый —
 — месиво!..
 Танки кости, как апрель льдинки.
 Досыта человечесьей говядины псы...
 С запахом самки
 Крови парной крынки.
 Горами души бицепсы.
 Гаубицы
 Стаканы в простыни облаков голубицами,
 А солнце земле улыбки на щеках ямками.

9

И еще смерть губами города торс —
 Так октября утро торцы,
 И еще перед ней миряне колени
 И в епархии:
 — Мно-о-о-огая ле-е-ета!
 Это
 Поэту ведь только поэма анархия
 И поэмы — пожаров нимбы,
 А им бы:
 Мир на земле и в человецех благоволение.

10

О какой там поэты музе,
 Когда в музеях
 Любовь под рубрикой —
 Пора со старух парики,
 В пепел — веков наследство!
 Из кирпичных волос огненным гребнем порхая...

Так, так земля — канкан на ланцете с факелом
бунта

В венце восхитительных бедствий.

Как воздуху человеческого мяса полтора фунта!

— Ана-а-а-архия...

СТИХАМИ ЧВАНСТВУЮ

19

Сергею Есенину

На каторгу пусть приведет нас дружба
Закованная в цепи песни
О день серебряный
Наполнив века жбан
За край переплесни.

Меня всосут водопроводов рты
Колодезы рязанских сел — тебя
Когда откроются ворота
Наших книг
Певуче петли ритмов проскрипят.

И будет два пути для поколений:
Как табуны пройдут покорно строфы
По золотым следам Мариенгофа
И там, где оседлав, как жеребенка месяц
Со свистом проскакал Есенин.

Март 1920

4

Не понимать родную речь.
 Идти и недвижимым быть,
 Читать слова и быть незрячим...
 Белков синеющая степь,
 И снова радужные нимбы
 Над степью выжженной горят!
 И снова полыхает перстень
 На узком пальце фонаря.

5

Тяжелый таз
 Осенних звезд
 Не каждому дано перенести.
 В какую глубину меня низвел
 Звонящий стих
 Ресниц
 Протряс сентябрь — сумрачный возница
 По колеям свой желтый тарантас.

6

Как в трупы, в желтые поля,
 Вонзает молния копье,
 Кинжал и меч, стрелу и нож, клинок
 И сумерки, как пес
 Зари кровавый рот.
 Осколя
 Ложатся спозаранок
 У каменных ботинок городов.

7

Под осень отцветают реки
Роняя на песок
И на осоку
Зеленых струй листы.
В карманах
Розовых туманов
Чуть слышен ветра крик
И воробьиный свист.

8

И хорошо, что кровь
Не бьет, как в колокол,
В мой лоб
Железным языком страстей.
Тяжелой тишиной накрой,
Вбей в тело лунный кол
Чтобы оно могло
Спокойно чистоту растить.

9

Не так ли
Лес
Перед бедой
Запахивает полы
Широкого пальто.
Открою у ладони синий желоб —
Прольется кипяток,
Вольется лед.

Май 1920

21. РУКИ ГАЛСТУКОМ

1

Обвяжите, скорей обвяжите вокруг шеи
Белые руки галстуком,
А сумерки на воротнички подоконников
Клала подбородки грязные и обрюзгшие
И на иконе неба
Луна шевелила золотым ухом.

2

Глаза влюбленных умеют
На тишине вышивать
Узоры немых бесед,
А безумие
Нелюбимых поднимается тишины выше,
Выше голубых ладоней поднебесья.

3

Прикажет и лягу проспектом у ног
И руки серебряными панелями
Опусти ниц —
Руно
Молчания собирать хорошо в кельи
Зрачков сетью ресниц.

4

Губами жевать красную ветвь
Губ. Глазами синевы дерн
Глаз. Из сапога ночи выдернул
Рассвет

Желтую ногу
И опустил в утренних облаков гуд.

5

Не было вас — и не было сумерек
Не горбился вечер
И не качалась ночь.
Сквозь окно
На улицы разговаривающие шумом рек
Выплыл глазами оплывшими, как свечи.

6

К пристаням безумия и вчера и сегодня
Мысли бросали чалок ленты
И опускали сходни.
Сейчас, сейчас же
Извлеките квадратный корень из коэффициента
Встречи около чужого № в гостинице для
приезжающих.

7

Вечер — швейцар
В голубой ливрее — подавал Петербургу
Огненное пальто зари.
Почему у одних глаза швыряются
Звездной пургой,
А у других не орут даже как автомобильные
фонари.

8

И снова голые локти
Этого, этого и того дома

В октябре зябли,
И снова октябрь полировал льдом
Асфальтов серые ногти
И снова уплывали часы, как корабли.

9

Не было вас и все-таки
Стал день, вытекли сумерки
Сгорбился вечер и закачалась ночь —
Потому что: время перебирало четки
Дымилось весной
И солнце мякоть снега грызло золотой киркой.

10

Никнуть кривыми
Губами клоуна
К лицу белее чем сливки
Спутанной гривой
Волн новой любви разлив
Топит маяками зажженные луны.

11

Ах, проройте же
Зубами на теле траншеи
И обвяжите
Вкруг
Шеи
Галстуком белые руки.

1919

22. КУВШИНЫ ПАМЯТИ

1

По булыжью встреч себя колесить
Каждую рану зализывая после —
Так по снегу влачат окровавленный след
Искусанные свинцом лоси.
В раковинах ушей говор — лай
Бегущих по пятам дней свор.
Это последняя мне розовых губ петля!
Кто же вынет холодный труп,
Чьими горестными взглядами буду обмыт
Когда поставит золотые столбы
На перекрестках новое утро.

2

Синими струями пролилась тишина.
Под черепом не провисают плеч стропила,
Память опрокинула высокие кувшины
И, словно руки омыл Пилат.
Идти и снимать шляпу
Перед девушкой, фонарем и лошадю,
Спрашивать у встречных самый короткий путь.
Куда?
Никуда.
Просто: у меня пути нет —
Его смысл весенний дождь.
А в зрачках окровавленный след стынет!

3

Чернильными слезами окапал
Раскрывшиеся ладони белого листа.

Был ли он звездный бал,
Когда вихрились золотые стай
И волочили кружевные шлейфы
Облака по синему паркету.
Такою же поступью вошли вы
В поэтову комнату.
По черной пене строк
Лебедями проплыли руки.
Поэмы — чаемый остров —
На твой берег так и не вступали другие.

4

Синюю струю тишины пью.
Тело нести легко.
В гавани слуха плывут издалека
Корабли шорохов нежной поступи.
И не кажется при встрече,
Что девушка на фонарь похожа.
Шляпу не снимаю перед лошадью
И трамвайному звонку не перечу.
Не любимая есть, а друг.
Льдины его ладоней белое пламя сжимают лба
Когда ставит на перекрестках золотые столбы
Новое утро.

1920

23. ВСТРЕЧА

Сергею Есенину

1

Какой земли, какой страны я чадо
Какого племени мятежный сын.
Пусть солнце выплеснет
Багряный керосин,
Пусть обмотает радугами плеснь
Не встанет прошлое над чадом.

Запомнювал плоть, не знаю крови русло
Где колыбель
И чье носило чрево.
На Русь, в веках лежащую огромной глыбой,
Как листья упадут слова
С чужого дерева.

Но есть любовь и этот легкий дым
Не разорвет когтистая пурга.
Пусть вышиты глаза узором иноземным
Я пыли не сотру на обуви другой.

2

В тяжелые зрачки, как в кувшины
Я зачерпнул и каторгу
И стужу.
Колесами и звонкой матершиной
Лихач рвет тряпки луж,
А кони буйство в гривах берегут.

Поэма, песнь, строфа ли
Легла
Червонным золотом луны
На стекла,
На асфальт,
И на узор чугунный.

А разве та,
Чьи губы страстный крик полосовал
Не будет гребнем моего стиха до самого рассвета
Расчесывать каштановые волосы.

3

По черным ступеням дней.
По черным ступеням толп
(Поэт или клоун?) иду на руках
У меня тоски нет.
Только звенеть, только хлопать
Тарелками лун: дзин-бах!

А синий
Колпак
С бубенцами звезд: бах-дзин!
А солнце — на животе
И тихое помешательство рядом на четырех
лапах:
«Отчего воете?»

Кость и тело с себя не снять —
Не уйти из родной конюшни
И влачится кандалами песня
По черным ступеням дней.

Город, мира каменная корона
 От зубца к зубцу с окраины и до окраины
 Себя радугой над тобой гну.
 В уши собираю, как в урны.
 В Вавилоне чаемый,
 Гуд.

Шумы несем мы в ведрах,
 На грузовиках катим боль —
 Кто этот мудрый отрок
 Бежит от тебя в поле?
 Кличу:
 «Гони сюда коров, овец и стада бычьи.

«На тонких плечах нам неси вязанки
 «Зари,
 «Для нас сбереги в ладошах журавлиный крик
 «Осеннего спозаранка.

Отсюда: горбясь асфальт полз —
 На спине: Собор Исаакия — хлеб хозяйский
 И еще — Колокольня Ивана — рукоятью
 подъятый меч.

Оттуда: ржаное поле —
 «Здравствуй! миллиардом золотых языков
 Веков трубы эту протрубят встречу.

На смерть
 Разбиться голубой чаше в звездной оргии,
 Вытечь вину зари на булыжную скатерть:

Сегодня вместе
Тесто стиха месить
Анатолию и Сергею!

Март 1920

ТУЧЕЛЁТ

24

Есенину

Утихни друг. Прохладен чай в стакане.
Осыпалась заря, как августовский тополь.
Сегодня гребень в волосах —
Что распоясанные кони,
А завтра седина, как снеговая пыль.

Безлюбье и любовь истлели в очаге.
Лети по ветру стихотворный пепел!
Я голову — крылом балтийской чайки
На острые колени
Положу тебе.

На дне зрачков ритмическая мудрость —
Так якоря лежат
В оглохших водоемах.
Прохладный чай (и золотой как мы)
Качает в облаках сентябрьское утро.

Ноябрь 1920

25. ЗАСТОЛЬНАЯ БЕСЕДА

1

Клубящимся вином стаканы их наполни,
А мне налей прозрачной тишины.
На розовых губах не загорится пышно
Безумия горчайшая полынь.

Стеклянным бубенцом
Далеких дней
Звени застольная беседа,
Тумань блеск Пушкинских годов.
Великолепен был Лоренцо
Великолепней Мариенгоф!..

Ах, увяданья тяжек плен
И пена
Времени
Седа,
Как волосы семидесятилетней.
Лосёвая доха
Убережет ли плоть
От поцелуя лдяных губ
Забвенья...
Что впереди?
Покорно стынуть на книжной полке
Будущего стихолоуба
В тисненном медью
Переплете...
Во имя чье — на голубом огне стихов
Сгораем мы.

Под утро тост и в честь богемы —
Оду,
А в чем вино — то в мелкие осколки
(чтоб старое не вспоминать нам больше) —
Германская железная рука в 15 году
Так разбивала в Польше
Сибирские стрелковые полки.

2

Над голубым простором глаз
Мой лоб, как белая скала.
Какой теплыню дышит
Водяная мгла,
О, как зовет на золотое дно.
Но мудрость (от всех напастей верный щит),
Врожденная мне мудрость подсказала:
— Иди за дружбой и гони любовь!

А на улицах холодно.
По улицам шлэндает: выюга
И фонари бродяги.
Из рваной стеклянной обуви
Голые пятки.
Окна, не харкайте жолтой кровью!
Чорный платок ночи скорее к белым губам
Рам.
Как хрипло, как страшно стонут
Тронутые
Туберкулезом
Дымоходные трубы.
Тебе — умирающий город — моя слеза.

3

В крови погасло золотое празднество,
 Ни одной зажженной свечи нет?
 Качаются ладони —
 Они,
 Как круглые чаши весов —
 Любви и безлюбья мера.

Будь трижды и трижды проклят
 Час моего венчания
 С бессмертием!

4

И числа, и места, и лица перепутал
 А с языка все каплет терпкий вздор.
 Мозг дрогнет
 Словно русский хутор
 Затерянный среди лебяжьих крыл.
 А ветер крутит,
 Крутит,
 Крутит,
 Вылизывая ледяные плечи —
 И редким гребнем не расчешешь
 Сегодня снеговую пыль.

— На Млечный Путь
 Сворачивай ездук,
 Других по округу
 Дорог нет.

5

Не туча — вороньи перья
 Черным огнем твердь пламят.

Знаете ли почему? Потому что: октябрь сразил
Смертями каркающую птицу.

Где ты Великая Российская Империя,
Что жадными губами сосала Европу и Азию,
Как два белых покорных вымени?..

Из ветрового лука пущенная стрела
Распростерла
Прекрасную хищницу.

Неужели не грустно вам?
Я не знаю — кто вы, откуда, чьи?..
Это люди другие, новые —
Они не любили ее величье.
Нет, не приложу ума
Как воедино сольются
Вытекшие пространства.

Смирненно на Запад побрело с сумой
Русское столбовое дворянство.

Многая лета,
Многая лета,
Многая лета
Здравствовать тебе — Революция.

Январь 1921

26. ТУЧЕЛЁТ

Иннаф

1

Из черного ведра сентябрь льет
Туманов тяжесть
И тяжесть вод.
Ах, тучелёта
Вечен звон
О неба жечь.

2

Язык
Не вяжет в стих
Серебряное лыко,
Ломается перо — поэта верный посох.
Приди и боль разуй. Уйду босой.
Приди чтоб увести.

3

Благодарю за слепоту.
Любви игольчатая ветвь
Ты выхлестнула голубые яблоки.
Сладка мне темь закрытых зяблоко век,
Незрячие глаза легки.
Я за тобой иду.

4

Рука младенческая радости
Спокойно крестит
Белый лоб.
Дай в веру верить

То, что приплыло
Теряет всяческую меру.

Август 1920

27. СЛЕПЫЕ НОГИ

Арсению Авраамову

1

Человеческих темных страд
В щелях век неживые белки —
Порубленных дней кора
И золотые опилки.

Кто однажды сказал «пощади»,
Тот не знает победы железной.
Желтизною осенних щетин
Человечья шкура облезла.

Что зрачков устремленных тазы?!
(Слезной ряби не видеть пристань) —
Если надо учить азы
Самых первых звериных истин.

2

Жилистые улиц шеи
Жолтые руки обвили закатов,
А безумные, как глаза Ницше,
Говорили, что надо идти назад.

А те, кто безумней вдвое
(Безумней психиатрической лечебницы)

Приветствовали волчий вой
И воздвигали гробницы.

Мне над кем же — над теми ль, над
этими
Рассыпать горстями душу,
Или колпак надеть
Колеблющихся воздушный.

3

К вам, кто умеет бегать
Ветром в трепещущих ковылях,
По завернутым в газеты снега
Площадям иду себя вылить.

Какое имя — Россия,
Другое ли,
Все равно, — только тем, кто несет
погромные колья
Стихов серебряные росы.

4

Дней колодезная глубина,
Нам ли серые глаза струй черпать —
Кровь сентябрьская рябина,
Ведро человеческий череп.

Тот, кто направил дул згу
В испепеленные жаждой рты
Знал, что только к последнему визгу
Склоняется мирт.

5

Не было часов мокрей,
 Мокротою красней чем щебень —
 Острогом заломленный набекрень
 Месяц забыл о небе.

Вожжой не переломить хребты
 Кореннику и шарахнувшимся пристяжкам —
 Вдавленный пуп крестя
 Нищие ждут лепты.

Опустится звезд жезл
 Землю насквозь продырявить,
 Прижечь раскаленным железом
 Рваную рану яви.

6

Возлюбленную злобу настезь
 И в улицы душ прекрасного зверя —
 Крестами убийств крестят вас те же
 Кто кликал раньше с другого берега...

Говорю: идите во имя меня
 Под это благословенье!
 Ирод — нет лучше имени
 А я ваш Ирод, славяне.

7

Жолтые якоря
 Заря на горбатых асфальтов дно,
 Медленно с окраин ночь —
 — дребезжащий чорный фиакр.

На круглом голубом столе
Звездных карт рассыпанная колода
Льдяны пальцы от холода
Одних и тех же столетий.

Я знаю увясть и мне
Все на той же земной гряде
И глазами маяков огромней
Только в себя глядеть.

8

Зеленых облаков стоячие пруды
И в них с луны опавший жолтый лист.
Объять хочу — и далеко и близь
Немыслимой рукой наваленные груды.

Хочу белком коснуться острия,
Пусть вытечет из глаз голубизна слепая
Хочу не полахать на пламени костра я
И тысячи кормить единым песни хлебом...

Задумавший с планеты перебег
Не умерщвляет мозг, как пламень плоти инок —
Скорей прорвать молчания плотины
И затопить пророчеством земли отвесный берег.

9

В раскрытую рану какую,
Неверия трепещущие персты
Сегодня Страстной Монастырь.
Из горла выдавлю, завтра кухмистерскую.

И все оправданья ради
Широкого благословенья —
Кого же еще родить
Черному чреву деревень?..

10

Песчаных холмов татарские скулы,
Долин зеленые лбы —
Железо-литейным гулом
Эту трупную тишь разбил бы.

Не моя за цыганским скарбом —
Верность плетется — собачья,
Только тоска раба
По безоблачью...

А когда, выбившиеся из колеи
Другую ищут слепые ноги
Знаю: поют калики
Тем же голосом о том же Боге.

Май 1919

28. ФОНТАНЫ СЕДИНЫ

1

Лучами выпитый колодезь
Эта грудь.
Не припадай!
Ведром любви слезы не вычерпать.
Сто первый день
Колодой

На ногах,
Несу прохладу
Несу снега.
И медленно зеленая тропа
Под поступью тяжелой леденеет.

2

Зрачки, как два котла
Уроненные в голубой огонь.
Пускай вскипит
В них этих губ
Тягучая
Мольба,
Чтоб вознести и холодно и подло
Над ними скипетр
Торжественного лба
Я мог.
Не так ли ставят белый крест над ямой?

3

Как выжигают электрические дыни
Равнины толп,
(Лишь невредим —
Один —
Скала),
Так тишиной раскрытые глаза
Сжигают дни
И выпивают ночи словно лужи.
Я на престол
Бескровных зорь
Бескровные ладони возложу.

4

Любовь постичь мне как?
 К ней приплыву на смертном корабле.
 А здесь не суждено любимой косу плесть
 Из золотых мочал
 Чтоб после пролилась она
 Из судорожных ладоней тяжело.
 Как ночь снега
 Блистающий цилиндр увенчал
 Высокий лоб.
 Твой знак приемлю
 Чопорная середина.

5

Тяжелым яблоком
 Свисает стих —
 Сегодня он впервые солнценосно вызрел, —
 И празднует поэт
 Свой августовский Спас.
 Прости
 Волос горячий пепел!
 Зачесанный сурово локон
 Спадешь ты на чело фонтаном седины —
 То будет час
 Когда перешагну за середину.

6

Не вздыбить время,
 Не взнуздать.
 Седок, ты раб коня
 Ты врос в седло седок.
 Напрасно режут брюхо стремяна

И в круп впивается ремень.
Как пес
Ведет слепца, меня ведет звезда
К забытым именам.
И славы тупится копье
Впиваясь в ржавую кольчугу суток.

7

Вчера
Под взвизги пьяного галопа
Сквозь обручи безумных строф,
И с верою пророчествовал о нелепом.
Сегодня метр.
И слепо
Над ведрами вчерашних слез
Подъемлю скипетр
Торжественного лба...
Каким норд-остом унесло
Мой парусник на мертвый остров!

8

Что губы девственниц?
— Польша и лебеда.
Перо?
— Потухший факел.
А синь в глазах?
— На крыльях лебеда
Синь уплыла из глаз...
Не плещут крыльями испуганно ресницы
Не горбит страх
Прямую бровь —
Прости-прощай мой августовский Спас!

Рассыпал дни
 Сквозь пальцы
 Звонкой дробью.
 Их соберет другой пригоршнями
 Воспоминаний.
 Тогда родится сказ.
 И будет он — благоуханней
 Дыни...
 О, сладостна тоска
 Когда из сердца бьют
 Фонтаны
 Седины.

Сентябрь 1920

29. АНАТОЛЕГРАД

1

Каменный кот давил мышей,
 Разве у мышей тоже на веках кружева?
 Девушки, кладите стебельные шеи
 Под асфальтовые подошвы.

Город, любовью к тебе гнию
 Твое ненавидя зачатъе.
 Какая величественная скиния
 Пророческого косноязычья!..

...Завянут мыслей алые уголья,
 Уйдет душа из костяной одежды.

В тучевых качающихся плоскогорьях
Не мычит человеческое безнадёжье.

2

Последний уроняю пепел
От жадно выкуренной боли.
Чье имя в песнопениях капелл?
В сиянии и золоте не свой ли вижу лик?
Не эти ль пальцы, выточенный мел
Чертили в небесах священное бескрестье.
А им казался лебедь белый
И в взмахах крыл пасхальный благовест.
Битюг пропрет ли дум мешки —
Шатался круп, хрипели ноздри,
Замерзшей крови в теле камешки,
Приму покорно смерти постриг.

3

Убивец, довольно скуфью нести —
От креста на брюхе кровоточащие сургучи!
Посмотрите, человеческие внутренности
У ветра на мерзлых сучьях.
Составят ли грозный перечень
Болтающихся гвоздичкой у смерти в
петлице?..
Разве это солнце — это вывалившаяся
печень,
Бешеные псы зубами вцепиться селятся.
Причащаюся крови и тела революции,
Буря поет, молний одеж стихарь.

Никакими птицами не выключаются
Мертвые глаза стихов.

4

То берег, то нет берега.
Плывет земля с обрубленными канатами,
Только от страха у человека глаза теперь,
Как большие пустые комнаты.

С масляной ветвью нет голубя.
У Анатолеграда камнями тонут материнские вздохи
И сутки, хвостами ночей клубя,
Знают лишь лунные ледоходы.

Почему же по облачным шпалам
Все ползут и ползут к нему человеческие
муравейники?
Говорю: в каждом дереве грозой разодранном
пополам,
Во всяком вывороченном камне — откровение.

5

Безумья пес, безумья лапу дай,
О дай умалишенье тихое.
Какая золотая падаль
Мои во времени гниющие стихи.

Когда обгложет кость голодное наследье
И выкатит белки отравленное ядом
Другое знание в облачной ладье
К вам приплывет из Анатолеграда.

Еще не раз в мужицкой распре
Пропольхну над свистом топора,
Не раз еще ребенка смраднй прах
Повторит вещей бред.

8

А эти — идущие никуда а ниоткуда,
Только ступнями целовать асфальты,
Разве удастся им из кармана пальто
Первой встречной тоску отдать.

А женщина, что на стальной оси
Вращает глаза, как синие глобусы
Разве в ночи сумасшедше не голосит
Перед улыбающимся с креста Иисусом.

Всеми ими любви не растоптан пепел,
Сладчайшая боль не выкурена до ваты.
Вижу — какое благолепие —
Повесили лик мой над детской кроваткой.

9

По глыбам тиши вечеров
Обвился слух лозой,
Морщин страдальные полозья
По луку мудрого чела.

Из небосвода выпит воздух
И нечем чашу вновь наполнить,
Копыта падающих звезд
Из сини выбивают молнии.

Кто говорит: быть кораблю на дне,
По борту крысы ряд за рядом?
Слепые, зрите — ястребы огней
Уже плывут из Анатолеграда.

Октябрь 1919

РАЗВРАТНИЧАЮ С ВДОХНОВЕНЬЕМ

30. РАЗВРАТНИЧАЮ С ВДОХНОВЕНЬЕМ

1

Друзья и вороги
Исповедуйте веру иную
Веруйте в благовест моего вранья.

Как мертвую тушу лошадиную
Поэтов насаживаю на рога
Своего вдохновенья.

Стаей вороньей,
Тучей
Кружит над павшими бойца слава.

Только крылья о звезды звенят
И ухает,
Материков вздымая черное брюхо, — уллюлю!

А скромный биограф уже стучит
Молотом воспоминаний по металлу слов,
Венец кует победителю.

2

В вазах белков вянют синие лилии,
Осыпаются листья век,

Под шагами ласк грустно шурша.
Переломил стан девий
И вылилась
Зажатая в бедрах чаша.

Рот мой розовый, как вымя,
Осушил последнюю влагу.
Глупая, не задушила петлей ног!..

Вчера — как свеча белая и нагая
И я наг,
А сегодня не помню твоего имени.

Люди, слушайте клятву, что речет язык:
Отныне и во веки не склоню над женщиной
мудрого лба

Ибо:

Это самая скучная из всех прочитанных мною книг.

3

Настежь рта гардероб
И язык,
Как красное платье.

Кому, кому серебро
Моей пепелящей плоти,
Кому глаза страдальные, как язвы?..

Тело закутайте саваном тишины,
Поставь луна погребальные свечи
А вы —

Чернорабочие молвы
Словами сочными, как вишня,

Зачните сказ:

«В некотором царстве, некотором государстве
жил человек»

«Точил он серебряные лясы
«Имя ему при рождении дали...»

И т. д.

4

Город — асфальтовый колокол —
О чем люто
В ночи гудишь?

Тебе стихи, белей чем молоко,
Мои мужские груди
Льют...

Толп вал
Пощади, во имя Новейшего Завета,
Меня развратничающего с вдохновеньем.

Веруйте: сокровенного сокровенней
Девятью девять месяцев зарю в животе
Мариенгоф вынашивал.

А когда рожал, раздирая стены криком,
И уже младенец теплое темя высунул,
Тут же за пологом грешила поэзия со стариком
Брюсовым.

Точит пурга
Снежный клюв
О железную спину Петербурга.

(Кажется или не кажется?)
Корчится, как живая,
Спина мертвеца...

Голову
В тишину закинув
Именем не называть!..

Зверя устанут челюсти,
Птицы костями набьют зобы,
А иноземные гости

Будут на папертях трупы жечь.
Мне ли любовь блюсти,
Каменной вазой быть?..

Каждая уроненная слеза океана глубже.

Не мечут за врагом в погоню
Мои упрямо стянутые луки
Скул

Стрелу
Монгольской яри
И гребень в волосах не бег коней

По желтому
Песку
Татарии.

Ах, почему
Суров и так тяжеловесен
Сегодня шаг ветров

И барабанных перепонок струны,
Как в бурю омут
И песен

Звук уныл и ломан метр.

7

Над белой, белой как яйцо, луной
Наседка кудахчет — облако
Или вьюга?

Недруги,
Пощадите голову — это мудрое веретено,
Что прядет такую прекрасную пряжу стихов.

Каждый проулок логовище.
Стальными клыками бряцает
Густая, как шерсть медведя, толпа воинов.

И вся Русь разбойно
В четыре пальца
Свищет.

Удаль, удаль
Не заколдовали тебя веков ворожей!..
Где же я, с кем буду,

Положу себя на ладони чьи?

Город к городу каменным задом,
Хвостами окраин
Окраины.

Любуйтесь, граждане, величественнейшей случкой!
Гиганты, безумия хлебнувши яд,
Языками фонарей зализывают раны.

Молюся о них молитвой такой:
(Вздымая руки
Тяжелые, как якоря):

«Социалистический боже, даруй
«Счастливейшее им потомство —
«Сынов, внуков и правнуков.

«В черные зубы фабрик гаванскую сигару,
«Ладони пригородных мостовых
«В асфальтовые перчатки втисни

«И еще тысячу т. п. маленьких радостей.

Камень Вавилонской башни
Усеяли
Твои зерна

Скифии вчерашней
Поля.
Черна ладонь твоего сеятеля.

Нет серпов
Для этого восхода,

Жнеца нет.

Гранитной тропой
На цепи, что в железной руке,
Невская бежит вода.

Волн металлическое бряцание,
Валов ржание
Поет миру о новой каторге.

Солнце, вода и ветер вы сегодня почетные
каторжане.

10

Счастье, обыкновенное как весна,
Неужели все еще мало
Тебе человеческой пищи.

Виснут, все длиннее виснут
Над голубыми щеками далее
Черные уши кладбищ.

Кончено. Все кончено.
Степная тишь в городе.
Долинное безмолвие движется по проспектам.

Рыдайте матери. Розовая говядина
Ваших сыновей печется на солнечной
Сковороде.
Один иду. Великих идей на плечах котомка,
Заря в животе
И во лбу семь пядей.

Ужасно тоскливо последнему Величеству на белом свете!

Как к кувшину в горячий полдень
 Ко мне приди и молодой и старый
 Студеные кусать сосцы.

Наполню
 Новыми дарами
 Мешочки дряблые скопцов.

Из целомудренного ковша
 Серебряного семя
 Каплю.

Касаньями
 Сурово опалю
 Уста наивно возалкавшие

И, наконец, под хриплый петли лай,
 Потайные слепые двери
 Откроет тело.

О как легко, как сладостно нести мне материнские
 вериги!..

Не правда ли, забавно,
 Что первый младенческий крик мой
 Прозвенел в Н.-Новгороде на Лыковой Дамбе.

Случилось это в 1897 году в ночь
 Под Ивана Купало,
 Как раз —

Когда зацветает
 Папоротник

В бесовской яме.

С восьми лет
Стал я точить
Серебряные ляды.

Отсюда и все беды.
Имя мне при рождении дали
Ну — и т. д.

И проч. проч.

Сентябрь 1919

Ноябрь 1920

РАЗОЧАРОВАНИЕ

31. ДРУЗЬЯ

1

Улица дохнула вином
И болью.
Чумная или пьяная?
По ней ли она шатается?

Девушка, кому несешь в дар
Татарские
Кувшины
Узких грудей?

Чьи
Плечи-фонтаны
Белые струи
Рук
На них прольют?
Кос золотая цепь,
А голова словно мертвый жемчуг.

Писал: не склоню над женщиной мудрого лба.
И вдруг — через ритмические ухабы
По черному тракту строк
Любовь мчу.

Разве угадаешь?
Дни

Как песок.
(Так, кажется, говорил Заратустра).

Город, я верный посох
В твоей асфальтовой ладони.

2

Друзья, друзья,
Простите мне измену эту.

Развеял над площадью апрель
Голубые стяги
И безумием вычеканил
Минуту.

А вечером —
Оттуда, из Замоскворечья
Привезут розовые кони
Зари
Другое небо.

Оно будет
В черном фраке.
Когда фрак улыбнется
Высверкнет золотая челюсть
И эта челюсть зловеще
Отразится во всяком непроглядном колодце
Зрачка
И еще
В реке
Которая — то ползет на карачках,
То прыгает качелью
На железных канатах мостов.

Именно в этот час,
Я по всей вероятности,
Вспомню
Про утреннее путешествие
За коротким счастьем
На Буян-Остров

И захожочу.
Потому что:
Завтра
Полдень опять развеет голубые бездымчатые
Стяги
И безумием вычеканит минуту.

По черному тракту
Строк
Любовь мчу.

3

Встретились.
Пургу,
А не взоры горстью метнули глаза ваши.

Повисла пурга:
Серьгой
В ушах,
Браслетами на руках,
Кандалами у щиколоток,
Ожерельем на шее.

Донести ли
Телу
Железа, золота и жемчуга столько?

С тяжестью этой идти по тротуарам как?

В молитве (которой молился самому себе)
Сегодня не могу вознести ладони,
А еще вчера взлетали они,
Как белые лебеди.

В блистательной карете головы
По черному тракту
Строк
Вас мчу.

4

Всё с пестрыми ручьями
Протечет
И судеб карандаш
Точь-в-точь
Повторит
Орнамент встреч.
Так повторяется вчерашний снег,
Так ландыш повторяет ландыш
И в метре
Песню песнь.
Быть может через год
(А будто
Было то
Давным давно
Неведомо когда)
За дружеской вечерней болтовней
Без грусти вспомню приключенье.

Вадим, Сергей
И легкие приятельницы возле

На стеклах лдяные ковры
Мятущегося января
(Нам нравится персидский их узор),
В стаканах золотой апрель.

А в рюмках юльский зной.
Все хорошо. Лишь ветер злей и злей
Бьет локтем в переплеты рам
Шутливый прерывая разговор,
И кажется — один он верен той,
О ком заговорил
Развязно
Седой насмешник ямб.

.....
Опять вино
И нескончаемая лента
Немеркнувших стихов.

Есенин с навыком степного пастуха
Пасет столетья звонкой хворостиной.

Чуть опаляя кровь и мозг
Жонглирует словами Шершеневич
И чудится, что меркнут канделябровые свечи
Когда взвивается ракетой парадокс.

Не глаз мерцание, а старой русской гривны:
В них Грозного Ивана грусть
И схимнической плоти буйство
(Не тридцать им, а триста лет), —
Стихи глаголет
Ивнев,

Как псалмы,
Псалмы поет как богохульства...
Но кто красивой крупной птицей, вдруг, метнулся
От кресла и до люстр:
Под Мариенгофским черным вымпелом
На северный безгласный полюс
Флот образов
Сурово держит курс.
И чопорен и строг словесный экипаж.

Мы знаем — любострастно внуки скажут:
В то время лиры пели,
Как гроза.

Март 1921

32. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Есенину

1

Как черный дождь
Стекает ночь с звезды.
По водосточным желобам стекает
И пенится на тротуарах.

В такую темь:
С невест снимаются одежды
Вплоть до серебряного костяка.

В такую темь:
Мечом

Сечет
Фонарь
С прохожих головы и кости у метели.

В такую темь:
Раннее
Разочарование
Хрустальным бокалом зрачка
О зрачок
Чокается

2

«Что слава?»
— Арабской крови жеребец:
В копытах ветер.
Хвост и грива коршуновы крылья.
Умей, ловец,
Крутую шею опоясать ремённым ожерельем.
Любимую так опоясываешь ты: жемчужным.

Всему есть свой черед
(Я думаю его установило солнце)
И опытный ловец
В конце концов
Приводит на аркане
В конюшню
Ветрокопытного коня.

Не потому, что беспорядочная грусть
Раскинулась случайным бивуаком,
Я говорю, что ловля скакуна
Пустая и ненужная забава.
Так скажет всякий, кто вел опасную игру:

Из костяного кувшина
Рассудок разливая по стаканам
Чтобы пьянее пенилось вино....

Уже не ранит сердце недруг
Стрелой тупой.
Не согревает стынущие руки
Давнишней дружбы розовый очаг,
Товарищам, по любознательной охоте,
Я уступаю
Легкую добычу.

3

Холодная страна с холодным серым небом
Что говорит чужая песнь тебе?

О, я не льщу себя приятным упованьем
Что нежной дочерью
Беречь ты станешь
Память обо мне.

Пусть золотые буквы имени
Осыпятся сентябрьской листвой,
Пусть ветряной метлой
Их разметет жестокое потомство.

В сереброносном промысле спокойно вечерет
Такая узкая нерусская рука...

А может быть, — не за горой прощанье
И сумрачный привет
Привычной тишине
Промашут выцветшими серыми платками

Спокойные глаза.
Не мать, но родина, — ужели бросишь вслед мне
Камень.

Ах, с каждым днем растут колонны
Прозрачных выпуклых висков
И все редет и белеет незавивающийся плющ
Волос.
О том же
Гробе золотом
Из золотых песков
Стареющему кораблю
Вещает
Серебряными всплесками
Волна...

Зачем же знать кокотке и лакею,
Что тот худой высокий иностранец
И днем и ночью в фрачной паре
(Он говорит на ломаном английском языке
И вечно греется
Абсентом и сигарой)
Зачем же знать лакею, наконец,
Что этот гость:
Великий русский стихотворец...

4

Еще
Два неизменных собеседника
Широкоплечий ветер и звезда
Немыми разговорами томят
Меня...

А осень
На груды груды громоздя
Заваливает облаками мозг
И голубую площадь
Неба.

Не так ли дворники
Широкими
Лопатами
Сгребают
По утрам снега.

5

Кто говорит про лютые морозы
И лютые метели
Необычайных встреч...

Суровый разум
На плечи накинул крылатую шинель...
Старинный друг — седой бобер
Тебе ли
Меня не уберечь...

И в желтый лист и в желтый плод,
Как в жалобно поющих канареек
Холодной дробью
Стреляет августовский дождь

Кто зарится еще
Из замерзающей реки
Моей утихшей плоти
Любовно зачерпнуть блистающее серебро
Пусть девственные чаши разобьет...

Итак, отныне:
Карандашами острыми ресниц
Чертить не буду
Овал
Лица
И узкой шеи стебель
И плеч углы.
Зеленый лоб рабочего стола
Я в верности
Тебе
Клянусь.
Клянусь:
Лишь в хриплый голос
Острого пера влюбляться
И тусклые глаза чернильниц
Целовать.

Август 1921

СТИХИ И ПОЭМЫ

Анне Никритиной

I. ПАРИЖСКИЕ СТИХИ

*Кто разберет — черт ногу сломит
В смешной поэтовой душе.*

33

Что родина?
Воспоминаний дым.
Без радости вернусь.
Ушел не сожалея.
Кажись:
Пустое слово — Русь,
А все же с ним
Мне на земле жилось теплее.

Теперь же, право, всё едино:
Париж, тамбовское село.
Эх, наплевать, в какую яму лечь.
Везде зоря распушит хвост павлиний,
Везде тепло,
Где есть любовь, поэзия и печь.

Болтают:
Берегись! славянская тоска

Замучает тебя, мол, в сновиденьях.
Такие чудачки:
Им будто худо в Рейне
На спинке плыть, посвистывая в облака.

Но в том беда:
Вдруг стихотворным даром
Ты обнищаешь, домик мой.
Венчают славою коварной
Писанья глупости святой.

Вот и брожу в столицах чужеземных,
Собачусь с древнею тоской
И спорю (чуть ли не с березовым поленом),
Что и луна такая ж над Москвой.

Что родина?
Воспоминаний дым.
Кажись:
Пустое слово — Русь,
А все же с ним
Жилось теплее.
Да, я ушел не сожалея,
Но знаю: со слезой вернусь.

1925

34

Столб полосатый, всадник, камень
И пограничная межа.
На сердце руку положи,
Скажу:
Я матюгал тогда Германию
И все чужбинные края.

Приятель, дева, комнатуха —
Вот все,
Что позади осталось.
Ах, мы заложим черту душу
За эту сладостную малость.

«Что Русь!» (смеялись, налегке
Садясь в вагон красноперинный)
«Плевал я в бороду твою!»
А на Монмартре в кабаке
Заказываю
С огурцом ботвинью.

Вот дурали! Вот непоседы!
Мальчишье сердце,
Синий глаз.
Без толку шляемся по свету,
Собачьей верностью томясь.

1924
Париж

35

Степи, звезды и воды —
Вот ведь она какая!
Ни за что ни про что
Ей душу отдал
И тело по Европе таскаю.
Скоро заговорю по-собачьи.
Жру
Омаров и крабов.
Я по тебе не плачу,
Как вологодская баба.

На Монмартре светлые ночи,
Губы у девчонок в крови.
Иноземной последней сволочи
Поют цыгане
Песни твои.

Птицы, звезды и степи,
Желтые зори.
И трава.
Тридцать три переедешь моря,
А в сердце:
Пепел
И маленькая Москва.

1924
Париж

36

Опять безжизненное поле,
Безжизненная вдаль тропа.
Верст шесть осталось
(Не боле)
До пограничного столба.

Такой ли представлялась встреча?
Какие грустные края!
И огненные (ах!) противоречья
Любовь и ненависть таят.

Где сердце?
В суете ль проклятой?
(Неужто ж я такая дрянь).
Мила ли:

Пенза толстопятая
И косопузая Рязань?..

А вот:
И столб,
И пограничный домик,
И всадник в шлеме на меже.
Кто разберет?
Черт ногу сломит
В смешной поэтовой душе.

1924

37

Куда бы разумом холодным ни ушли,
На тройках времени куда бы ни умчались
(О, сколько есть погибельных дорог),
Не пересохнет древний тот исток
Сомнений,
Радостей,
Печалей.

Коней и ворогов не ловим на арканы,
К полярным льдам медведь и лось бежал.
Но если сбудется предчувствие обмана,
И я заговорю
На языке ножа.

О, варварский, о, дикий хмель!
Как древле, покупаем бабу
И умыкаем деву так же.
Бежим
За тридевять земель,
Чтоб совершить любовную покражу.

С французским сифилисом северную кровь
Мешают россы
В кабаках Монмартра.
Москва! Россия! Ветхий кров!
Там девы рассыпают косы,
Как листья августовский сад.

От радостей, сомнений и скорбей
Нам не избавить наши души.
Осенний день,
Осенний чад,
Осенний ветер у тополей
(Как дед у озорных мальчат)
Сердито треплет золотые уши.

1924

II. ПОСЛЕ ГРОЗЫ

38

Не много есть у вольности друзей.
Друзья веселые
У купли и продажи.
На головы нам время сыплет соль,
И зрелая любовь
Нас в крепкий узел вяжет.

Уже чуть слышны песен голоса.
Так звонкая коса
Навряд ли слышит
Вздых предсмертный луга.
Нас оправдают голубые небеса:

Мы были вольности и родине верны
И только неверны подругам.

Уйдем — останется стихов тетрадь,
В ней мы судьбу воспели нашу.
Счастливый был удел:
В дому — всегда пустая чаша
И чаша сердца вечно через край.

<Ноябрь> 1922

39

Наш стол сегодня бедностью накрыт:
Едим — увядшей славы горькие плоды,
Пьем — лести жидкий чай, не обжигая рот.
Не нашим именем волнуются народы,
Не наши песни улица поет.

Ночь закрывает стекла черной ставней,
Мы утешаемся злословьем.
Тот говорит, что в мире все не вечно,
А этот замышляет месть.
Однообразное повествованье:
У побежденных отнимают меч,
У полоненных — честь,
У нас — высокое призванье.

Я говорю: не стоит сожалеть,
Мы обменяли медь
На золото.
Чужую песнь пусть улица поет.
Не нашим именем волнуются народы!
Что юность, слава и почет?

В стакане комнатной воды
Шипенье кислоты и соды.

<Декабрь> 1922

40

Не нам построить жизнь
С суровостью прямолинейной,
Не таковы сердца у наших дев,
Друзья не таковы!
Пока мы молоды — нам чужды люди Рейна
С презрением к праздности, к нелепице,
К мечте.

Когда ж придет конец
(А он придет, увы!),
Старушка ель в декабрьском чепце
Нас встретит у погоста
Поклоном белой головы.

Мы не завидуем тому, кто здесь повелевает;
Народы клятвам не верны,
Как не верны цари народам,
Судьба степей — быть многодымным городом.
А городов судьба —
Стать златошерстой степью.

Зачем же строить жизнь по чертежу,
Как дом.

Крестьянская изба
И та тяжеловесна!
Вот почему до полдня я лежу
И до утра сижу над песней.

<Сентябрь> 1922

Я не хочу, чтобы печалились и сожалели.
 Законы времени законов человечьих тяжелей.
 Как ни противься, ни упорствуй, —
 В огне годов любовь горит, что хворост,
 И туркестанской шалью
 Сентябрь вяжет головы аллеяй.

Вчера еще:
 Пыль кирпича оскабливала сталь со щек,

Сегодня (неутешна весть!):
 Блистающую бритву посеребрила известь.

О сверстники мои!
 Бунтовщики!
 Друзья!
 Мне ль видеть вас в покорном равнодушии?
 Печальна осень на Руси:
 Здесь клен топорщит багровеющие уши,
 Там хлопает осина
 В желтые ладоши.

Неповоротливо смотрю.
 Неповоротливое сердце
 Дурные вести холодно приемлет
 Мой друг сейчас в гостях у иностранцев
 Пьет рейнское вино.
 А может быть, обоим нам уже присуждено
 Занять черед среди иных гостей,
 Равно желанных матери-земле.

1922

Мы сладостные чтим привычки,
 О старушонке-музе толк ведем,
 Воспоминаем деда Апполона
 И говорим:
 О величавой лире.
 Легко поджечь — народа сердце —
 шведской спичкой

И трудно разойтись нам раньше, чем свеча
 Растает в золоте зари.
 Вначале жизнь легка,
 И бездна — мельче чайной чашки.
 Увы, один закон для зверя
 И
 Для человека:
 Я стану в песнях хром
 И к нежной ласке глух,
 Путь до кафе покажется мне беспредельным.
 (Скажите, милые друзья:
 Есть богадельня для пророков?)
 Кричи, звезда,
 Кричи, мой золотой петух,
 Что тихий вечер на пороге.

1922

Друзья (как быть?), не любят стихотворцев ныне.
 Ах, не высок ли песен слог?
 Не высоко ль чело?
 Мы в городе нашли свою пустыню,
 Питье, настоящее на полыни,
 И в хлебе буден пепел и песок.

Не много дней, а будто бы республика не та.
Она ли
Золотопенным пенилась бесчинством!
О други, нам земля отказывает в материнстве.
Пусть будем мы в своей стране чужими.
Делить досуги с ними мудрено, —
Они целуют в губы нелюбимых,
Они без песен пьют вино.

Не говорите ж стихотворцам горьких слов.
В пустыне жизнь что легкий дым,
Но хлеб черствее, чем каменья.
Мы сами предадим
Торжественному запустенью
Любимые сады стихов.

<Октябрь> 1922

44

Взгляд человеческий короток и мал.
Смотрю в начало — вижу колыбель,
А впереди:
Не глядя вижу дроги.
Для размышления устроить бы привал,
Когда перевалю за полдороги.

Была любовь и молодая дружба.
Прошли — и ладно,
Пусть прошло.
Лишь рогатей и мямля тужит,
Не наше это ремесло.

О жизнь, ты словно пруд заросший.
С ружьем иду.
Тут притаилась дичь,
Ведь счастье бьем мы пулею хорошей,
Умеем метким выстрелом настичь.

Бывает все:
Бывает жалкий промах.
Придешь домой поникнуть головой,
Кому беда такая незнакома,
Кто не бранился по ночам с судьбой?

Пусть нынче нет моим стихам ответа.
(Что значит камень, вложенный в пращу?)
Но все ж:
Нет сладостней звезды поэта,
На этой дури дух свой испущу.

1923

45

Анне Никритиной

Мы катим жизнь,
Как дети обруч тонкий.
Того гляди —
На камушке споткнувшись, упадет.
О счастье!
О любовь!
О слава! — мелкая речонка,
Тебя мальчишки переходят вброд
Каким-нибудь четверостишьем звонким.

Для суетных умов здесь много праздной пищи,
Что вор и что поэт? —
Случайный в мире гость.
Ведь и в мое последнее жилище
Вобьет
(Насвистывая плясовую)
Тамбовский мужичонка нищий

Железный гвоздь.
Вот почему не надо жить иначе,
Сама пойдет дорожка вкривь и вкось.
Любите!
Убивайте!
Плачьте!
(Неверную, что курицу зарезать).
Подругу в жизни раз найдешь,
А друга и того, пожалуй, реже.
Катись же песнь.
В стакане пенься пена.
У истины второе имя ложь.
Все так же за сердце хватает нас измена
И ревность втискивает в руку нож.
1925—<1923>

46. ПОЭМА БЕЗ ШЛЯПЫ

1

Ворона, ворон, ворон и ворона
(Нам кажется:
Ночное небо хлопьями упало,

Упало снегом черным),
Ворона, ворон, ворон и ворона
Покрыли крыши всех домов
И все
Серебряные вазы куполов.

С тех пор как вытекли из глаз
Апрельские гремучие ручьи,
Глаза не видят в небе голубого.
Где легкость та, с которой
Бежало юное перо
По неизведанной дороге —
На узенькой стальной ноге
Блистала
Лакированная туфля.

Что ждет нас по пути?
Кого-то келья и скуфья,
Кого-то славы жаркая перина,
Кого-то тяжкое отдохновенье
С публичной девкой и в вине.

Любовь нальет, как в розовые крынки,
Любимой в груди
Страсть и молоко,
А время белыми губами
Шутя
И то и то осушит.
Другое солнце в декабре, чем в мае,
Иные звезды, иные облака.
Зима!
Зима!

Метелей визг
И визг в виске мигрени,
На площадях и в сердце снегу по колени.

2

Текут, звенят серебряными родниками
Поэта безалаберные дни —
Не так ли
По широким русским трактам,
Как будто бы совсем еще недавно,
Горланила
(Расплескивая буйство и вино),
Песнь ямщика,
Горланили:
Ямщицких троек бубенцы.
Ах, не успели оглянуться,
Потухла песнь, а кони стали немые.

Что смерть?
Беда ли,
Помощь ли в беде?
Когда вольется в жилы ледяная медь
И упадут два белых месяца в зрачки,
Крылами рассечет
Пугливый лебедь
Покой и стынь
И ребер жолтые кусты.
Его не остановишь и не спросишь.
Он словно парус при тугом норд-осте:
Единый миг,
А точки белой нет уже вдали.

Вот точно так
Утихла Русь.
Волнение народа опочило.
А лишь вчера
Стояли на юру.

Должно быть, потому и запеклись
Горячечной слюной чернила
На остром языке пера
И снеговой нехоженой поляной
Лежит бумага на столе.
Как ни ищи — не разглядишь следов
Легчайшего оленя:
Волнение народа опочило,
И рядом опочило вдохновенье...

Я видел, как скатилась синяя слеза
С ресниц стеклянных фонаря,
Как плакал водосточный желоб
(О, неутешное железо!)
А после распускались около
Большие ледяные ландыши.

3

Прозрачней улицы.
На улицах ясней.
Над улицей:
Туманней млечная межа.
Не помяни нас лихом, революция.
Тебя встречали мы, какой умели, песней.
Тебя любили кровью
Той, что течет от дедов и отцов.
С поэм снимая

Траурные шляпы,
Провожаем.

Зима!
Зима!
Вороний карк,
Метелей визг
И визг в виске мигрени,
На площадях и в сердце снегу по колени.

Поэта безалаберные дни,
Вас, кажется, осталось ныне
Меньше впереди,
Чем листьев на сентябрьской осине.

1922
Тифлис

III. СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

47

Не раз судьбу пытали мы вопросом:
Тебе ли,
Мне,
На плачущих руках,
Прославленный любимый прах
Нести придется до погоста.

И, вдаль отодвигая сроки,
Казалось:
В увяданье, на покой

Когда-нибудь мы с сердцем легким
Уйдем с тобой.

Рядили так.
И никогда бы
Я не поверил темным снам.
Но жизнь, Сережа, гаже бабы,
Что шляется в ночи по хахалям.

На бабу плеть.
По морде сапогом.
А что на жизнь? — какая есть расправа?
Ты в рожу ей плевал стихом
И мстишь теперь ей
Долговечной славой.

Кто по шагам узнает лесь? —
Ах, в ночь декабрьскую не она ли
Пришла к тебе
И, обещая утолить печали,
Веревку укрепила на трубе.

Потом:
Чтоб утвердить решенье,
Тебе она сказала в смех,
Что где-то будет продолженье
Земных свиданий и утех.

Сергун чудесный! клен мой златолистый!
Там червь,
Там гибель,
Тленье там.
Как мог поверить ты корыстным
Ее речам.

Наш краток путь под ветром синевы.
Зачем же делать жизнь еще короче?
А кто хотел
У дома отчего
Лист уронить отцветшей головы?

Но знают девы,
И друзья,
И стены
Поэтов ветрены слова.
И вот:
Ты холоднее, чем Нева,
Декабрьским окованная пленом.

Что мать? что милая? что друг?
(Мне совестно ревмя реветь в стихах).
России плачущие руки
Несут прославленный твой прах.

30 декабря 1925

48

И нас сотрут, как золотую пыль.
И каменной покроют тишиной.
Как Пушкин с Дельвигом дружили,
Так дружим мы теперь с тобой.

Семья поэтов чтит обычай:
Связует времена стихом.
Любовь нам согревает печи
И нежность освещает дом.

Простая вера и простые чувства:
Страх перед смертью,
К петуху зарезанному жалость.
Безумие и безрассудство
Мы носим как шикарный галстук.

А жизнь творим — как песнь, как стих.
Тот хорошо, а этот плохо.

Один:

Спесиво цедит ром,

Другой:

Пьет жиденькое пиво

С кусочком воблы и с горохом.

1923

49

Какая тяжесть!

Тяжесть!

Тяжесть!

Как будто в головы

Разлука наливает медь

Тебе и мне.

О, эти головы.

О, черная и золотая.

В тот вечер ветренное небо

И над тобой,

И надо мной

Подобно ворону летало.

Надолго ли?

О, нет.

По мостовым, как дикие степные кони,

Проскачет рыжая вода.
Еще быстрее и легкокрылей
Бегут по кручам дни.
Лишь самый лучший всадник
Ни разу не ослабит повода.

Но все же страшно:
Всякое бывало.
Меняли друга на подругу.
Сжимали недруга в объятьях.
Случалось, что поэт
Из громкой стихотворной славы
Шил женщине сверкающее платье...

А вдруг —
По возвращеньи
В твоей руке моя захладевает
И оборвется встречный поцелуй!
Так обрывает на гитаре
Хмельной цыган струну.

Здесь все неведомо:
Такой народ,
Такая сторона.

<Середина> 1922

50. ВОСПОМИНАНИЯ

Немало чувств остыло и тревог,
Немало в море тонет кораблей.
В дни разбежавшихся дорог
Мы усумнились в верности друзей.

Что жизнь?
Суровое течение
Широких, непреклонных рек.
Ни мужество, ни страсть, ни вдохновенье
Не остановят хладный бег.

Плохая муза желчь и месть
(Поэзии сварливые соседки).
Воспоминаний праздник редкий
Себе устраиваю здесь.

.....

Однажды (шел в исход февраль)
Лохматая пурга крутила девять дней.
Ни улиц,
Ни дорог,
Ни площадей.
Была:
Пустынный снежный холм Москва.
Но солнце выплеснуло розовую крынку,
И в древнем граде не найти
Одной затерянной снежинки.
Пусть суетная скажет мне молва,
Что и любовь не такова.
А дружба?
Чудаки, кто верят,
Клянутся за бутылками вина.
Пустое!
Золотой монетой лицемерья
Со всеми рассчитается она.

Сказать ли мне о том, что миновало,
Что обратилось
В пепел,
В прах,
О днях,
Когда:
Форсили мы
Вдвоем в одних штанах
(Ах, жизнь воспоминаньями мила).
Подумайте:
При градусе тепла
Нам было как в печи
Под ветхим одеялом.
Тогда мне был Есенин верным другом,
Молва сплетала наши имена.
Но что душа?

Её, как поле,
Рвут
Железным зубом плуга
И в рану черную бросают семена.

Я слышал, в землях Бессарабии
Не то, что во Твери:
Сам-семь или сам-пять.
Там колос словно пузо бабье,
Когда двойню под сердцем носит мать.
Вот и поэта сравниваю с пашней.
Любовь — сам-пятьдесят,
А ненависть — трещите закрома!
И тычет в яд перо
Твой нежный друг вчерашний,
И мечет языком грома...

.....

Дышу —
И легкие мне серебрит зола.
Гляжу —
И будто не на что глядеть на этом свете.
Зачем, упрямая ты память, завела
Меня в глухие переулки эти.

.....

У древних был
Крылатый конь Пегас.
Чуть что —
И мчит их к юни пылкой.
Какая ж, впрямь, жизнь зрящая у нас —
Тащись под облака
На хроменькой кобылке.

Дни милые!
Тогда и я, ей-богу, был хороший.
Твой голос в прошлом мне
Что из-за речки звон.
Вот шляпу рдяную уже напялил клен,
Вот липа шлепает обтрепанной калошей.

Я у окна.
Сентябрь.
Темь.
Не ты ли под окном
Стоишь, мой нежный друг, желтеющей
березкой?..
Давно ли — спрашиваю — песней и
вином
Встречали ранний день

На тихом Богословском?

.....
«Садись же!

Вот стакан.

Гони из сердца стужу.

А вот:

Печеная картошка вся в золе...»

И вновь

Мы разделили с ним

Тепло и ужин,

Беседы соль и дружбы хлеб.

.....
Немало чувств остыло и тревог,

Немало в море тонет кораблей.

Измены — девам,

Верность — для друзей.

Таков последний был у нас зарок.

1925

IV. ШУТОЧНЫЕ

51

Пора, друзья, остепениться.

Ведь каждому из нас

Уже под тридцать лет.

У каждого стихов на тысячу страниц

(«Собрание полное» в три тома),

Вкруг глаз рассыпались морщинки,

А самовара в доме
Нет.

Вчера платили сердцу дань,
Теперь тащи оброк уму.
Есть позавидовать чему:
Черт побери, от пирога благоуханен пар
как!
Квартирку хорошо бы комнат в пять
И толстую кухарку.

Вот трезвые мечты
И трезвые досуги!
Снимай-ка с квинты нос,
О мой непьющий гений!
Оставив шалости пера
И дурость нежную воображенья,
Давайте жен искать, друзья.
А вам пора
Искать мужей, прелестные подруги.

1923

52

Что за семья без самовара,
Без бабушки
И — жизни корабля — под парусом
качающейся колыбели.

У нас презренный дар
(Презренные ремесла есть).
Вот почему
У стихотворцев ядовиты губы:

Мы в люльке нянчим честолюбье,
У нас в дому
Сияет тульской медью спесь.

Когда-нибудь пошлю все это к черту.
Блестя крахмалом, лаком и в глазу стеклом,
Я буду говорить о том:
Что вдохновенья ищут не в стихах,
А у цыган от «Яра»,
Что Пушкина отда́л бы за рейнвейн
И Гейне
За гаванскую сигару.

Все чепуха:
Воображенья золотые горы
И низкой яви чёрный день.

53

Смешным стихом бакуши бью
(Какая сладостная пытка!).
Любовь тонка,
Как шелковая нитка,
Пугливостью подобна воробью.

Бойтся сквозняков,
Огня
И мокроты
(Сиди, как идиот, и нежность стереги).
Враги! враги!
Кругом враждебный мир:
Родня,

Кастрюли,
Кошка
И клистир.

Ах, милая, не верь поэту.
Чуть что — он соберет пожитки:
Два словаря, одну манжетку,
Мечты
И томные печали,
А ты:
Вздыхай, тоскуй
И
Поминай как звали.
О жизнь — набитый пустяками чемодан!
Любовь (вся на один манер,
Все в тех же перепевах),
Ты никогда не канешь в Лету.
Когда-нибудь я напишу роман
О легких девах
И поэтах.
<Февраль> 1924

54

Ах, милый плут!
Ах, дорогой сынишка!
Ты продолжаешь славный род,
Как солнышко любовь печет.
Но что это?
Мой юный друг
Уже разинул рот.
(Прощай стихи

И вдохновенью крышка!)
Сейчас каналья заорет.

<Март> 1924

55

Как встарь — в подвальном кабачке невзрачном
(Соорудив бутылочный реду),
О музах,
О судьбе,
О славе врут,
О похождениях с девами судачат
России знаменитые поэты.

Что им
Народов громкие удачи
И черни низкая любовь!
Презрительную вскинув бровь
(Какие ж
Умилительные морды!)
Ночному небу вызов гордый
Бросают славные поэты.

Бледнел трусливый рок,
Когда:
Обглоданная кость котлеты
С надменностью летела в потолок...

Что мир без песен и вина?
Кто кроме их бессмертен нынче?
Воображенья пышет дар.
Полтинник строчка гонорар

И судомойка в Беатриче

За полчаса обращена.

Кабак невзрачный

Слава!

Девы!

О годы суетные, где вы?

Попойка — времени метла

(И старец молод за пирушкой).

А там:

Холодная заря

Уже на город пролила

Пивные золотые кружки.

<Февраль> 1924

56

А ну вас, братцы, к черту в зубы,

Не почитаю старину.

До дней последних юность будет любя

Со всею прытью к дружбе и вину.

Кто из певцов не ночевал в канаве,

О славе не мечтал в обнимку с фонарем!

Живем без мудрости лукавой,

Влюбившись по уши, поем.

Горят сердца, когда родному краю

Железо шлет суровый враг.

Поэтам вольность молодая

Дороже всех житейских благ.

1925

И ты, птенец, мое творенье,
 Любимый том в собрание сочинений,
 Гони, вали
 Веселым писком музу,
 Из рукописей делай корабли.
 Катая на закорках карапуза,
 Я говорю:
 Спасибо за птенца
 Тебе,
 Подруга-аист,
 Я от него — от пузыря — понабираюсь
 Великой мудрости земли.

1925

V. ПОЭМА ЧЕТЫРЕХ ГЛАВ

58. ПОЭМА ЧЕТЫРЕХ ГЛАВ

I

У ЖОЛТЫХ РЕК

Ну, скряга! Ну, судьба!
 Здорово, ведьма, — старая меняла!
 Пришла:
 Так черт с тобой, дурная благодать.
 Россия хнычет ли, что имя потеряла
 Чего страшиться махонькое потерять.

Друзья мои, наш краток век.
 Короче века,

Горести и беды.
Я вас собрал
У жолтых чужеземных рек,
Чтоб пролилось вино
И разлилась беседа.

Ах, край далекий.
Вислоухий месяц.
С тобою врозь
Не бабе в шею дать.
Без родины,
Без имени,
Без песни —
Ну, говори:
Завыть? залаять? застонать?

Пустое, ведьма! дар высокий
Не пиво в кружке (чтобы расплескать),
Не девка (чтоб менять кровать),
Не медный грош (чтоб спер воришка).
Покуда:
Видишь,
Слышишь,
Дышишь,
Покуда сердцу трепетать,
Покуда тело носят ноги,
Во мне, со мною дар высокий.

...«Высокий дар? какая прелесть!»
И тут:
Халтуры метр
Презрительно отвесил челюсть.
Потом:

Сквозь зубы, трубку, через дым,
Промямлил веско:

» Бестолковый!..
» Его поэзия не дойная корова,
» Он ей не выжимает вымя,
» Не дергает за розовые сиськи,
» Глубокие не наполняет миски
» Звенящим жолтым молоком.
— Но я не дойницей родился, а певцом.

А тот с кудластой черной головой?
Был некогда отмечен, как избранник,
Но днями с песней разлучен.
Мне горестно смотреть на жалкие писанья,
На то,
Как с каждым днем
Нищает он душой
(Свою ли гибель видел в сновиденьях?)
И вот теперь
Трясущейся рукой
Каракули выводит вдохновенья.

Почто — скажи поэта тень —
Ты нынче точишь злость на крутом камне
И косишь зависть, как траву,
И кормишь ложью низкую молву?
Запомнились проклятые слова мне:
» Пусть степь рычит,
» Пусть лает птица,
» Он родины своей стыдится,
» Он чужеземные воспел столицы,
» Чужого неба синеву
» И древнюю презрел Москву.

— Я твой, Россия.
В славе ль ты, в позоре.
Я тень люблю, что падает на милое лицо.
Но голос мой ты не услышишь в хоре
Подобострастников, льстецов.
Пусть лижут руки псы
За плошку жирной пищи,
Перед другими золото расточай.
Гони меня,
Сожги мое жилище,
Я не скажу:
Вольнолюбивый край.
Всяк знает:
Бешеный поток
Дубы ломает, как солому.
Что я?
Не златоуст и не пророк,
Но чуден человеческий дар
Любить и ненавидеть по-земному.
Все в этом.
Только зверь и бог
Не ведают простейшей тайны.
Так в жизни серебром дорог
Идем на огонек случайный.
Но кто же — спрашиваю — кто ж
С хулой предстанет пред народом?
Не те ль,
Кто в сердце носят ложь
И чей язык лишь жало с медом?
О, племя древнее, ты страж
Блюдешь Европы день суровый.
Теперь уйдешь?

Теперь предашь
Кочевнику и зверолову?
Прочь жолтый!
Прочь от нас восток!
Пустынь дыханье,
Мерзлой хвои.
Молниеносною стрелой
Века летели
Для того ли,
Чтоб вновь уйти:
В снега, в песок.
Я твой, Россия.
Плавятся ли зори,
Смыкает ночь ли черное кольцо.
Но голос мой ты не услышишь в хоре
Подобострастников, льстецов.

II

ВСТРЕЧА

Сегодня день считать утраты.
Воспоминание ползет, как черный жук.
Сейчас я
За бутылку
С пламенем проклятым
Вам об одной утрате расскажу.
Недавняя она.
Я временем ее еще не выжег.
Не нахлебалась память яда.
Два месяца назад
На рю де-Сен
В Париже
Встретил друга, — имени не надо.

Ах, сладостней не помню встречи,
Такого радования не видал.
Казалось:
Что вернулись издалече
Из Нижнего
С Варварки
Институтские года.
О, юность! юность!
Сон мой сладкий,
Друзья и девы,
Высь легка.
А дни лупили так,
Что лишь сверкали пятки
У юных дней издалека.

Как сжалось сердце!
Легкая пора:
И пышны замыслы
И речь вольнолюбива.
Но время,
Что налетчик, что пират:
В дому найдет,
В открытом море,
В городе шумливом.
Мы копим нежность.
(Пряча в сундуки)
Воспоминания...
(В брюхатые комоды)
Дрянь! барахло!
А если бы:
Громиле отдал —
Скапутился б
От грусти, от тоски...

За словом слово.
(В памяти есть щели).
Валит сквозь щелочки тепло.
Куда ты нас воспоминанье завело?..
— На маленькое рю-Кало.
Добро!
Тут славно кормят у гасконца.
А ну, хозяин, нам графинчик солнца!
И вот:
Мы в кабачке засели.

Темнело небо.
Медленный язык
Волок слова без сил.
Он догадался раньше, чем спросил.
И сенский ветер в кость проник.
И вместо солнца
В кровь вошла простуда.
В живот:
С кусками ростбифа — беда.
«Скажи мне, Анатолий, ты оттуда?»
— Да.

Он отвернул глаза.
Ушла душа.
Ногтем сухарь кроша,
Стал говорить.
Не мне,
А так
С самим собой.
Два месяца стоит уже в ушах
Собачий, жалкий, злобный этот вой:
» Паршивый пес.

- » Блохастая порода.
- » Рычу от зависти.
- » Сгораю от стыда.
- » Быть сыном этого народа
- » Такая несчастливая звезда.
- » Москва! Москва! картузный город.
- » Ревет под песню,
- » Плачет в плач.
- » А у Кремля на Лобном Месте
- » Четвертый век стоит палач.
- » Счастливый дар, свободный дар
- » Негодовать и возмущаться.
- » Ей
- » Золотой Перун не помогал,
- » Не помогли святцы
- » И не поможет бородатый Карл.
- » Спина холопья,
- » Рабья шея,
- » В ярме и упряжи вола
- » Своя судьба жестокая мила
- » И всех милее Аракчеев.
- » Так что ж:
- » Проклясть?
- » И от Руси отречься?
- » Коль спросят — кто? — потупить очи.
- » Я плавил на нее картечь
- » И бранью вспоминал извозщицей.
- » Потом поход.
- » Я шел в строю
- » Железных иноземных армий.
- » Я родину отдал свою
- » На поруганье западным татарам!

- » Любовь, любовь она бывает всякая.
- » На ненависть похожая подчас.
- » Ну, что же делать, коль родили нас
- » Под этим глупым Зодиаком.

Он поднял глаз, отяжеленный злобой.
Я опустил — отяжеленный думой.

И кабачок веселого гасконца

Стал утрюмым,

И стойка с яствами

Мне показалась гробом.

Он продолжал:

- » Глупец, глупец, почто свою судьбу
- » Ты с варварским связал народом?
- » Ведь и тебя, как Петербург,
- » Поглотят бешеные воды.
- » И пред тобой, смешная голова,
- » Как ненасытная Нева,
- » Разверзнет пасть кровав и зол,
- » Из чингизханских орд монгол.
- » Беги, поэт.
- » Спасайся бегством.
- » Где топи — пробирайся вглавь.
- » Воспоминанья юности и детства
- » На жолтых пастбищах оставь.
- » Пусть тощая пожрет корова
- » Твое пророческое слово,
- » Не вложишь пламени стиха
- » В завшивевшего пастуха.
- » О чем печалиться?
- » Погост
- » Отыщешь в чужеземных странах,

- » И дева с сентябрем волос
- » С такой же легкостью обманет.
- » Друзья?
- » Найдутся.
- » Истина стара:
- » Где ухо слышит звон металла,
- » Где пенятся веселые бокалы,
- » Не мало этого добра.
- » И вот — ты зритель.
- » Наблюдай
- » За варварами черствым оком —
- » Как с исступленностью пророка
- » Европу учит дикий край.
- » Европа, старая пройдоха,
- » Что ей
- » Ваш горклый запах тьмы.
- » От большевистской ли чумы
- » Пройдохе каменной подохнуть!
- » Мне часто мнится:
- » Лишь воображеньем
- » Любил снега и пашен пепел.
- » Одних приковывают цепью,
- » Других береза легкой тенью.
- » Но малым рекам к морю течь.
- » И пальцы тянет к небу ива
- » И стихотворцев дух строптивый
- » Чужая укрощает речь.

Остановился.

Трудно дышит грудь.

В земле бы тлеть опавшим листьям,

Но гонит вихорь жолтый труп.

Здесь вчуже будет камень грызть,
Чулок вязать и сети плести.
Плодится, как свинья, корысть
И разъедает душу лесь.

— Пичужка в коршуновой стае,
Кому твой воробьиный гнев?
Стремглав бежит пугливый заяц,
Когда в пустыне бродит лев.
Чернь царственная, ты не внемлешь
Холодным доводам ума.
Тогда Христос,
Теперь:
Московская чума
Очистит черной язвой землю.

Легко уселись, тяжело поднялись.
Как цирковой жонглер, уже играл Париж
Вечерними огнями.
Гасконец просопел.
Дверь кабачка протявкала за нами.
Стаканы вслед издали злобный визг.
Он вверх пошел по улочке, я вниз.
Друзья, братва,
Вас спрашиваю —
Отвечайте с сметкой:
У кабачка
Тогда
Четыре лакированных штиблеты разошлись
Или России две судьбы?
Две русские души,
Или четыре кожаных подметки?..

III

СТЕКЛЯННЫЙ ШАР

Что было — сплыло.
Эх, тоска,
Не щипать солить тобой в скитаньях!
Вот, други, вам:
Бутыль на рыло,
Рука
И сиг копченый на прощанье.

Печалитесь?
И я печалюсь.
Как пламя в печке,
В проводах есть грусть.
Беда,
Кто взбудоражен синеокой далью
Из-за нее
Я с вами расстаюсь.

Не говори мне, друг, что это расставанье
Лишь тень от проводов иных.
Я уйду
В соленые просторы океана,
А не в долины смертной тишины.

Ты грустен:
Нероссийский дуб,
Нерусский седобровый ворон
За изгородь печального забора
Проводят стихотворца труп.

Тебе мерещится:
Мне с жизнью распротиться
Не на высоком волжском берегу —
У жолтых чужеземных рек.
Ах, милый друг,
Не все ль равно
Какое дерево,
Стеклянный шар
Иль птица
Переживет мой век.

И вот:
По-пушкински
Завидую
Я дубу, милый друг.
Тебе завидую, суровый ворон.
О, почему я не ношу зеленую корону
И не закован в толстую древесную кору?

IV

ПРОЩАЛЬНЫЙ КРУГ

Смотри, смотри, как расфуфырилась заря
У наших дев на юбках меньше кружев!
Тот сукин сын,
Кому
В носу поковырять,
Одно и то ж,
Что распротиться с дружбой.

А вот и солнце
(Как вареный краб),
Хмельное хлебало,

Чего не лезешь в пузо?
Эх, милые,
Легко ль сказать:
Соседку юности — болтушку музу
Поэт меняет на корабль.

Тут хошь не хошь
Смахнешь слезу
(Кого обманешь грохотом сморканья)
А море ляжки бьет о камень,
Ворочаясь, как баба на возу.

Ты ждешь меня?
Приду, небось.
Ты мне всех краше синяя подруга.
За утром — полдень
Голубая пасть
Уже рыгает раскаленным углем.

Но круг прощальный так же тесен.
Стаканов звонок хоровод.
А ну —
Матросскую!
Пусть солнышко и песня
Нас по квартирам разведет.

- » С кем крутил? с порядочной?
- » С курвой обнимися.
- » Жизнь моя загадочная,
- » Будто месяц в высях.

- » Отдал черту душу я,
- » Но не отдал волю.

» Не возьмешь на пушку ты
» Меня черной бровью.

Заткнись, браток! заткнись, ну!
Мне очень больно.
Вот как больно.
Нехитрой песенкой застойной
Ты в сердце
Будто нож воткнул...

О, жизнь единственная.
Жаль, что их не две.
Вторую юность прожил бы иначе,
Но упадет душа,
Как сломанная ветвь,
И даже пес цепной
Слезой собачьей не оплачет.

Без лишних слов тебе покаюсь, брат.
Сочувствие друзей
Нам то же,
Что коню
Ременная подруга.
Я дрянь,
Я не любил своих щенят,
Что рыжекося таскала мне подруга.

Был до погоста путь далек.
Не примерял в раздумьях саван.
По-человечески любить!
Всегда простое невдомек.
Другие видел сны воображением

тщеславным.

Не потому ль душа, что сломанная ветвь.
Я сердцем слушаю прохладу.
Валяй, браток.
Затягивай свою руладу.
Струна гитарная, хлещи меня на смерть.

«Что лежишь, как барыня?
«Не сопишь, не млеешь,
«Как звезда Полярная
«Далека Расея.

«Где вы тятка с маменькой,
«На погосте, что ли?
«Стало сердце каменным
«От тоски, от боли.

Всё про Расею!
Ах, стервец,
Вина не лил —
В стакане ж прибыль.
Слезой пополнился стакан.
Пустое, брат.
Ведь на железной рыбе
Раз плюнуть
Переплыть Великий Океан.

И снова:
Месяц,
Степь,
Столица деревень — Москва.
Вразвалку жизнь.
И смерть придет вразвалку.
На нежных дев походят дерева,

У толстозадых баб
Глаза похожи на фиалки.

Исчезни ж Русь!
Скачурься! смойся! сгинь!
С тобой
Губительной не жажду встречи
Ни во хмелю,
Ни в легких снах.
Пусть океан
Ворочается в жолтых берегах.
Пусть камня финского приподнятые плечи
Пусть ветер,
Соль
И синь.

1925. Берлин

59. ДЕНИС ДАВЫДОВ

Тебе — певцу! Тебе — герою!

Пушкин

Вы по веку своему
Проскакали по-гусарски,
А летели в кутерьму
В век тот
С карты государства.
Были бури.
Бурям — бури!
Закусили удила.
Вы, при вашем-то аллоре,
Не махнули из седла.
Русский первый партизан
В зипуне поверх мундира,
Славен пенный ваш стакан,
Только где ж ему до лиры!

Вот так лира!
Мало-мало.
Позавидуешь, ей-ей,
Этой лире генерала
Легкоконных усачей.

«Стукнем чашу с чашей дружно,
Нынче пить еще досужно.

Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда нибудь
Шаг уступим, поблднеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастье оробеем,
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,
Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце отдадим».

Что за лира!
Что за струны!
Вы и с белой головой
Были в песнях так же юны,
Как при сшибке боевой.

Ваша песня,
Ваша рубка,
Ваша сабля,
Ваша трубка,
Ваша пуншевая чаша, —
Что милей нам?
Что нам краше?
Разве только сердце ваше
Да еще гусарский дух!
Вихри дули — не потух.
Беды всяческие были,
Но они вас не скрутили.
Эполетные чинуши

Не заляксили в штабах
Царедворческие души
Не зашаркали в дворцах.

Вы — при Марсе,
Вы — для муз,
Вы — птенец Багратиона.
У Давыдова француз
Сколько раз просил пардона!

Ох, в наперстке больше капель,
Больше смысла в дураках,
Чем вам дал фельдмаршал сабель
Для смятения в тылах.

Но Давыдов — он Давыдов!
Он Васильевич Денис!
И, досад своих не выдав,
Стал рубить
От шапки вниз —
С кивера и до седла.
Вот гусарские дела!

Вы сказали:
— Други, братцы,
Русь поганит супостат.
Ну-тка, Клим,
А ну, Мишутка,
За него б всем миром взяться,
Чтобы жизни был не рад.

Ваше слово пало в души.
На Руси сочтешь ли храбрых?

— Ну-тка Клим,
А ну, Мишутка,
Императора — за жабры!
И тряхнем его, как грушу,
Чтобы жизни был не рад
Бонапарте-супостат.

Велики великороссы:
В деле — вилы,
В деле — косы,
С кольями и с топором.
Помяни-ка нас добром!

Честь — гусарскому мундиру!
Топору и сабле — честь!
Эстафетам, фуражирам
Было так:
Ни статья ни сесть.

Ведь в тылах Давыдов рыщет
Так, как рыщем мы сегодня.
Вот уж пленных — тыщи, тыщи
И зарубленных — не сотни.

А потом дымятся трубки,
А потом гуляют чаши.
Ваши сшибки, ваши рубки,
Ваше сердце — сердце наше.
Русский век
Всегда таков:
Был — Давыдов,
Есть — Белов.

1942

***СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ
В ПРИЖИЗНЕННЫЕ СБОРНИКИ***

Из рукописного сборника
«ЭТО ЛЮБОВЬ»
(1919 — 1921)

60

Ты — лед, ты — солнце, ты — вода,
С тобой всегда и никогда.
Ты — лес, равнина, ты — моря.
Ты — жар, ты — холод января.
Ты — мошка, ты — планета наша.
Я в душу женщины смотрю, как в чашу.
С тобой позорно дни влачу,
С тобой в бессмертие лечу.

1919

61

Идешь.
Как первый луч, тебя встречаю.
Поют, как девушки, ступени.
Я голову — крылом балтийской чайки —
Тебе кладу на острые колени.

1919

62

Прикажет и лягу проспектом у ног,
Выгяну руки панелями.
Только бы целыми днями,

Неделями
Собирать молчания
Золотое руно,
Никакого отчаяния!
Это и есть любовь —
Собирать с тобой
Золотое молчание.

1919

63

Не было вас
И не было сумерек,
Не вздымал вечер.
Я вышел на улицу,
Разговаривающую шумом рек.
Глаза, как оплывшие свечи,
Ветер!
Нет, на Кузнецком я вас не встретил.
Только блудниц.
Я,
Как птичница
Без птиц.
Нет человека на свете
Грустней Мариенгофа,
Пришлось одному есть яичницу
И пить кофе.

1919

64

Темная ночь на земле.
Как машинистка, луна

Сокращена.
Нет, это я ослеп!
Кривыми губами клоуна
Целую лицо, белое, как молоко.
Это она перепудрилась.
Это понять легко,
Случай не единичный,
Любовь бывает слепа и трагична.

1919

65

Как хорошо, что кровь
Не бьет в мой лоб,
Как в колокол,
Тяжелым языком страстей!..
Ты — около.
Хочу спокойно чистоту растить.

1920

66

Дышу, как родиной, тобой.
Нашествие.
Чреда кровавых дней.
В России ржание коней —
Поджарых, длинных, иностранных.
Я выйду в бой
Со словом «Анна!..»
Дышу, как родиной, тобой.

1921

Из рукописного сборника
«АННЕ НИКРИТИНОЙ»
(1926—1939)

67. РОМАНС

Листья стекают в августе
Пеною легких вин.
Милая,
Милая,
Милая,
Ты мне скажи, пожалуйста,
Я у тебя один?

Ветер луну молодую
Вывез на серых конях.
Милая,
Милая,
Милая,
Ты никого не целуешь,
Кроме меня?

Небо, как черная птица
Станет к заре золотой.
Милая,
Милая,
Милая,
Я не хочу делиться
Счастьем своим и тобой!

Жалею я, что письма не хранил
 От ласковых подруг
 И преданных друзей.
 Как были б утешительны они
 В суровой тишине моей.

Мне говорил бы много всякий почерк,
 Бумаги цвет
 И шепоток листа.
 Чем жизни путешествие короче,
 Вокзальная милее суета.

На станциях стоим
 Две-три минуты,
 По расписанью и судьбе.
 Я, вместе с письмами, как будто
 И сердце разорвал себе.

Москва

69. ЭПИГРАММА

Причем тут левый фронт и фланг,
 Куда Владим Владимыч прете?
 На правый, дылда, встань!
 На правый встань, болван!
 Да не в поэзии, а в роте.

Был у Вадима?.. Рюрика?..
 У Эрдмана на Генеральной?
 Иль у кого еще окрест?

Мне по душе твой шелестящий голос
И желтизна редеющих кудрей,
Голубоватых глаз нерезкий холод,
Суждений вдумчивость,
Размеренность речей.

Попробуем вместе суетную славу —
Пути проезжие пылят!
Ты знаешь цену нежности лукавой,
И дружеству,
И вечных клятв.

Еще ты знаешь —
Та грознее туча,
Что прячет в складки молнии кинжал,
И всех возлюбленных та лучше,
Которую еще не целовал.

71

Вот каверзы судьбы!
Насмешливый подвох!
Мы стали к девам хладнодушны.
Развесив в небе золотые уши,
Луна не слышит наш любовный вздох.

Пиры походят больше на обеды,
И зрелость, соблюдая чин,
Не песнь; но вялые беседы,
В стаканы льет
Струею теплых вин.

А там, где б ярость
Расхлесталась вьюгой —

Рябь иронических губ.
Берет жену
У нежного единственного друга
И крепко руку жмет врагу.

72

И не заметишь,
Не заметишь
В кипении разброда и тревог,
Как через каменный порог
Перешагнет десяток третий.

Добро пожаловать!
Добро!
Повторим день неповторимый,
Но, чур, не сыпать серебро
На волосы моей любимой.

Мне нипочем — стареть, сесть,
Стихом уверенным
О юности рассказывать.
Так величавей делаются вязы,
Когда их одевает
Август
В медь.

Но милая — ей юность дорога.
Мне счастья больше нет,
Как милую беречь и радовать.
Твоя пусть не осмелится рука
Снять с милой юности наряды.

А я готов.
Пожаловать добро!
Я не страшусь тебя нимало.
Сыпь на меня пригоршней серебро,
Но чтоб на милую снежинки не попало.

1927

73

Как будто я в степном уезде,
Но только странно говорят,
Да среброкрылей чуть созвездья,
И краснокрылей чуть заря.

Отсюда до Мадрида ближе,
Чем в старый Новгород и Псков.
Играет ветер гривой рыжей
Коней — песков.

У нас земля — остывший пепел,
Да и сердца похолодней,
Но так же плачут ночью степи,
Как сосны желтых Пиреней.

И так же с меднотелым баском
Играем в рюхи на меже,
А после песнями и пляской
Рассказываем о душе.

И вот я сердцем холодею:
Трястись куда? Бежать куда?
Когда в косматых Пиренеях
Из Пензы милая звезда.

Capbreton 1927

Что хорошо бы, вдруг оторопев,
 Как возчик тот, оторопевший,
 Полюбоваться увяданьем дев,
 Брюшком приятельским и плешью.

Друзья считают:
 Тридцать семь.
 А мне все двадцать! двадцать! двадцать!
 Такие сны не каждый день,
 А лишь по воскресеньям снятся.

Ну брат,
 Нелегкая в Воронеж занесла.
 Спроси — «какая статья?»
 Руками разведу.

Любовь смешная села у весла,
 А дружба, значит, за рулем.
 И вот —
 Глазея на звезду,
 Пльвем.

Не ты, мой друг, Америку открыл:
 С приятелями в меру мил,
 Чуть больше меры
 К первой юбке.
 Предпочитаешь
 Кресло — душегубке,
 «Герцоговину Флору» — трубке.

Жизнь штука тонкая,
Узнай, поди-ка на,
Ее туманные концы.
Тут тополя, что огурцы,
Кладбищенская улиц тишина...
Где боль найдешь?
Где счастье оборонишь?
Мне даже, знаешь, нравится Воронеж.

Хожу, как по луне,
Знакомых ни души.
Ишь, слава наша какова!
Трамвайчик крохотный шуршит,
На дворике зеленая трава
И деревянные клозетики,
Где с музами беседуют поэтики.

А, может быть, (кому пишу! кому!)
Веселое припомнишь ремесло,
Посадишь юность за весло,
А дружбу, значит, на корму...
Где боль найдешь?
Где жизнь свою обронишь?

А ну-ка, брат,
Вали ко мне в Воронеж.

1928

76. ШУТОЧНОЕ

Ты старый сердцеед, Кавказ!
А мы, поэты, будто девы.
К тебе от Пушкина у нас
Любви и нежности напевы.

И даже, клявшись в неприступность,
Мы неприступность не храним
И прижимаем нежно губы
К усам щетинистым твоим.

Пусть наш разгневанный супруг
Метелями ревнует север.
Милей легкосердечной деве
Горячий черноморский друг.

И, возвратившись в край равнинный
На ложе белое снегов,
О нашей нежности взаимной
Напишем несколько стихов.

Сочи, 1926

77

Мы любим меньше.
Плачем реже.
У девок дремлем на груди.
Серебряное побережье
В конце веселого пути.

Но жаловаться мы не станем,
Юнцов сюда же приведут —

На это черное свиданье,
Под эту белую звезду.

Когда все песни перепеты
И пересказаны слова, —
Наполнит сердце новым светом
Вечеровая синева.

Увидим мы
Ясней и дале,
Что не видали в те года,
О чем еще не рассказали —
Не рассказали никогда.

1927. Côte d'Argent

78

И вы совсем уже не те,
Поэтов легкие подруги.
Где наша юность с вами?
Где?
Одни и те ж
Серебряные выюги
Запорошили,
Боже мой!
Нас этой грустной сединой.

1926. Пушкино

79

В теле любовь, как выюга.
Кровь,

Огонь
И зола.
Самого нежного друга
Ты у меня отняла.

Все, дорогая, прощаю.
Все наперед простил.
Чтоб до конца и без краю
Был тебе ласков и мил.

Пламень,
Пепел
И вьюга.
В диких сугробах путь.
Только вот нежного друга
Мне никогда не вернуть.

1926

80. ШУТОЧНОЕ

Я шел, ворча, к черте неумолимой.
Казалось — прожит день мой золотой.
Вдруг:
Ливнем солнце.
— Дуня, где ж пальто?
— Ах, в сундуке...
— Как в сундуке?
И в миг
Под инеем я нафталинным.
Смотрю в окно,
А в голове,
В ушах,

В зрачках
Веселый звон.
Готов вздыхать «о Шиллере, о славе».
Ну что за превосходный драп портной поставил!
Как знаменито выдумал фасон!
Который год ношу,
И все износа нет,
Не отцвела серебряная искра.
Уж если драп какой-то
Терпит столько лет,
Неужто молодость улепетнет так быстро?
Улепетнула, друг.
Улепетнула!
Взгляни-ка вот сюда —
Ведь локоток протерт.
Весна — веселым обманула гулом,
Голубизной — распахнутый простор.

1926

Из рукописного сборника
«СТИХИ О ЛЮБВИ»
(1934—1939)

81

В 0.30 отходит курьерский.
Сказала ты:
— Приеду на вокзал.
Но дождь, холодный дождь хлестал
По поезду
И по надежде дерзкой.
Я был, как помню, сам не свой
Средь суетной толпы вокзальной.
Когда ж прощался с встречей прощальной,
Явилась ты
С зонтом над головой.

О, как мне нравится, кто не послушен
Надменности слепых страстей.
А сам!
А сам целую руки ей,
Красивой, лживой и бездушной.

Безумцы верят женщинам
И сну.
— Спасибо, что пришла. Я тронут.
И мы ходили по перрону,
Друг к другу трепетно прильнув.
Да!
В те минуты мы особенно нежны

И женщина нам кажется мучительно
красивой,
Когда душе предчувствия ясны
Неотвратимого разрыва.

1939

82. ВНЕЗАПНЫЙ УЖАС БУРЖУА

Вот мысль несчастная! Она мне не являлась отроду.
Не надо мне ее, не надобно, не надо...
Хожу полжизни с этой дамой под руку,
И даже сплю я с этой дамой рядом,
И ссорюсь, и мирюсь, и вместе утоляю голод,
Имею сына от нее, кончающего школу,
И дочь с развратными глазами, —
И ничего не знаю в этой даме.

1939

83

Вот и нашей любви капут.
Не она ли была безмерной?
Я сказал:
— Что ж, так все живут.
Ты сказала:
— Не все, наверно.
Рядом,
Тут,
За стеной,
За окном
Шум весенний

И жизни топот.
Счастье можно, конечно, подштопать,
Только будет ли счастьем оно?

Как же быть-то?
Расстаться что ли?
Ну ударь!
Закричи!
Что-нибудь разбей.
Ты моя до физической боли,
До мозга моих костей.

Будь же проклята поздняя страсть,
На закате смертельная встреча.
Как уйти,
Если ты меня часть,
Без тебя мне дышать нечем.

Ты рука моя,
И нога одна,
И неверной души две трети.
Ты не слушаешь,
Ты холодна
Нет тебя холодней на свете.

1939

84

Все хорошо, что человечно,
Вот почему, друг дорогой,
Ты мне простишь,
Простишь, конечно,
На миг потерянный покой.

Мою мгновенную измену,
Пятно на совести моей,
Все это так обыкновенно
Средь сутолки обыкновенных дней.

Терять с беспечностью дурацкой,
Быть может, счастье жизни всей,
Потом не плакать,
А смеяться
В кругу немолодых друзей.

И я тебе простил бы верно...
Нет,
Не прощу, друг дорогой,
В несправедливости безмерной
И дикой гордости мужской.

1939

85

Где тут беда?! Это полбеда,
Знаю: утетишься скоро.
Это, как буря в стакане воды, —
Наша ревнивая ссора.

Кроме любви — для тебя, для нас
Что-то еще есть в мире.
Мир, дорогая, в несколько раз
Комнаты нашей шире.

Если расстанемся, то без вражды,
Только глаза сощура,
Это же буря в стакане воды —
Наша любовная буря.

1939

Есть в природе буря и гнев,
 Бушующие отлично.
 Хорошо тем, кто, раз сгорев,
 Не хотят зеленеть вторично.

Юность, юность, изволь, скажи:
 Ты в душе моей отсияла?
 Ну, а если на целую жизнь
 Нам одной только юности мало?

1937

Живу то ненавидя,
 То любя,
 То полон веры,
 То сомненья, —
 Мне кажется, что ты мое творенье,
 Мне кажется, я выдумал тебя.

Будь справедлива!
 Ложью не греши.
 Тебе что здесь принадлежит по праву?
 Одна прекрасная оправа
 Низколетающей души.

Ну чем, ну чем ты так горда:
 Ногами длинными?
 И пальцами худыми?
 Что голова, как в сером дыме?
 И круглыми глазами цвета льда?

А падать, жертвовать, страдать тебе дано?
Дай за соломинку схватиться, утопая.
Как стало вокруг тебя темно,
Когда прозрела страсть слепая.

88

И ты такая же,
И ты.
Боюсь подумать
И сказать.
Какие чистые черты!
Какие ясные глаза!

Как черный узел развязать?
Я не сумею,
Не смогу,
И эти губы тоже лгут,
И эти тоже лгут глаза.

Уж ты поведай мне,
Открой.
Большое ль счастье принесло
Тобой содеянное зло,
Боль, причиненная тобой?

Но только не смотри назад —
Не оставляют тени след.
Но почему же счастья нет
В твоих безжалостных глазах?

1939

Казалось,
 Что взяла свое усталость,
 А мы все говорим и говорим.
 Казалось,
 Слов уж больше не осталось.
 А мы все говорим и говорим.

И не осталось слез,
 Чтобы заплакать,
 И крика,
 Чтобы закричать, —
 Спасительна молчания печать, —
 А мы все говорим и говорим.

И нет на мир надежды самой робкой,
 И папирос в истерзанных коробках,
 И на разрыв мучительной отваги,
 В кофейнике и капли черной влаги.
 Все кончилось!
 А мы все говорим.

.....
 Едва покинет нежность взоры,
 И душу сумасбродка-страсть,
 Они приходят в дом
 И забирают власть —
 Опустошающие разговоры.

Как Пушкин, осени я рад,
 Есть в ней туманные надежды,

Когда шуршащие одежды
Примеривает Летний сад.

И ты какая-то другая —
Лиричней,
Строже
И умней,
Чуть-чуть как будто золотая
Под сенью золотых ветвей

1939

91

Как холодно,
Как неудобно
С хозяйкой чванной и скупой,
Когда рассеянной рукой
Стакан неполный подают нам.

А жизнь?
Ее я так же понимаю —
Струя широкая, сверкай!
Когда наполнишь нас до края,
Переливайся через край.

1934

92

Не умеем мы
(И слава Богу),
Не умеем жить легко,
Потому что чувствуем глубоко,
Потому что видим далеко.

Это дар и это наказание,
Это наша русская стезя,
Кто родился в Пензе и в Рязани,
Падают,
Бредут,
Но не скользят.
И не будем,
Мы не будем жить иначе,
Вероятно, многие века.
Ведь у нас мужчины плачут,
Женщины работают в ЧК.

1939

93

Нет, не легко ее найти,
Она нежна,
Она сурова,
Она не камень на пути,
Не лошадиная подкова.

Но если ты ее найдешь,
Но если ты ее поднимешь,
Путь жизни будет так хорош,
День — золотым,
А вечер — синим.

Мы знаем, что добро,
Что зло,
И многое другое знаем.
Ведь наше время протекло
Весельем,
Кровью
И слезами.

И вот,
Совсем не поучая,
Но горьким опытом делясь,
Хочу понять за чашкой чая
Любовь и страсть.

Кто смеет их разъединять!
На двух крылах летает птица,
И плахой будет тем кровать,
Кто не любя в нее ложится.

94

Ну что ж, сентябрь мой, захаживай,
Захаживай на огонек.
Чем потчевать?
Беседой легкою,
Могу стихами даже,
Вино,
Чаяк.

Я с юностью был в славных отношеньях,
Прителем желаю быть с тобой.
Поговорим о страсти
И о вдохновенье,
И о политике, мой золотой.

Мне по душе твой шелестящий голос
И желтизна редящих кудрей,
Голубоватых глаз нерезкий холод,
Суждений вдумчивость,
Размеренность речей.

Посплетничаем о любимцах славы,
Хоть сплетничать и не велят.
Ты знаешь цену нежности лукавой,
Застольной дружбе
И любовных клятв.

Ты говоришь,
Что жизнь — прекрасный случай,
А мир иной —
Слова, слова, слова;
Что всех возлюбленных та лучше,
Которую еще не целовал.

Ну, значит, жду.
Захаживай, мой золотой.
Есть к чаю у меня
Клубничное варенье.
Я с юностью был в чудных отношениях,
Приятелем желаю быть с тобой.

М<осква>

95. 27 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА

Сижу как будто на иголках,
Душа как будто не на месте,
И разговариваю колко,
И жду «последние известья».

Ты смотришь в темное окно.
Нас связывает нитка,
Волос.
А были — существо одно,
Оно печально расколось.

И падает рука с колена.
Куда?
Наверно, в безнадежность.
Я не могу жить страстью нежной,
Когда качает ветер стены.

И сердце,
Женщина смешная,
Не принесешь сегодня в дар ты.
Все наши мысли занимает
Географическая карта.

96

Сказал в дверях:
— Ну вот, война.
И закурил.
И лег на сердце камень.
Ты отвечала:
— Да... она
Идет и между нами.
И это было так по-женски —
Ответ твой
И твои слова.
Над городом плыл месяц деревенский,
За ним плыла ночная синева.

Плыл облак рыбиной библейской
В серебряной пучине звезд,
Плыл мужественный марш
красноармейский
Через Литейный мост.

Плыла Нева,
Без дрожи и без плеска,
И Запад плыл... но к берегам каким?
И в суете своей житейской
Мы смешивали малое с большим.

97

Ты мучаешь меня невероятно,
Ты для меня, как кошка, непонятна:
Глупа, горда или упряма,
Зеленоглазая, с хвостом пушистым, дама?
Нет, древний скульптор лучше понимал
Характер кошки, сердце и породу,
Когда ее, как некий символ, клал
В ногах у статуи свободы.

98

Ты ходишь медленней
И смотришь пристальней.
И в настроении таком
Как будто наш похолодевший дом
Стал для обоих тихой пристанью.

Но это все —
Воображенья плод,
Как никогда живем страстями,
Хотя целуешь только в лоб
Меня ты, сжатыми устами.

1939

Хотел бы я в серебряные годы
 Старинной дружбою согреться
 И умереть в хорошую погоду
 За шахматами
 От разрыва сердца.
 И чтобы женщины
 С пучочками фиалок,
 По улицам,
 Бульварам,
 Переулкам
 Шли за моим веселым катафалком
 Под ручку,
 Будто на прогулке.
 И чтобы многочисленные внуки,
 В час окончательной разлуки,
 Шумели, словно сад ветвями,
 Своими молодыми языками.

1939

Что лучше — знать или не знать,
 Жить утешительным обманом,
 Считать: какая белизна!
 Где проклято и окаянно;

 Или, сорвав лукавую повязку,
 Измену встретить глаз на глаз,
 Потом стонать, зубами лязгать
 И люто ненавидеть вас, —

Что лучше?
Это в тыщу раз.

1939

101

Сергею Александровичу Сорокину

Что-то дождик в Ленинграде.
Хорошо купить бы зонтик.
Друг Сорокин, дружбы ради,
Сердце песней урезоньте.

Я люблю гитару вашу,
У нее душа большая,
Ни о чем меня не спрашивает,
Только очень утешает.

Роковые ближе сроки,
А живу все между прочим.
Дружбы ради, друг Сорокин,
Спойте мне
Про голубые очи.

102

Это был урок, урок суровый,
И сейчас еще нам не до смеха.
Хорошо бы в сентябре уехать,
Если будем живы и здоровы.

К тишине березовой, напевной,
Под крыло соломенного крова,

Мы поедем обязательно в деревню,
Если будем живы и здоровы.

Просыпаться с озером и птицей.
Что за час, когда идут коровы!
И любовь из пепла возродится,
Если будем живы и здоровы.

103

Я им в глаза смотрю с испугом,
А плюнуть можешь? Не могу.
Они берут жену у друга
И крепко руку жмут врагу.
Мы знаем числа, время, меры
И птиц полет,
И моря глубину,
Но знаем ли мы душу лицемера
Иль скорлупу его одну?

Он наш,
Он наш,
Он человеческого ряда,
И так же спит,
И ходит так.
Когда он был бы из собак,
Он не выдерживал бы взгляда.

104

Я не люблю сердца пустые,
Пленительнее молодых пиров

Седые свадьбы золотые
И нежность верных стариков.

Целуя ветреные губы,
Пускают по ветру любовь.
Была у хитрых однолюбов
Водою не разбавленная кровь.

105

Я стал насмешливым и вздорным.
И кофею пью слишком много.
Под сорок. Зрелость нам дорогу
Перебегает кошкой черной.

Ты, милая, красива очень,
Ты юностью красива глуповатой.
Какой-нибудь безлунной ночью
От ревности я стану бесноватым.

Не надо клясться, милая, не надо:
Я знаю все,
Как этот тополь желтый:
Когда язык неопытный солжет твой,
Глаза заговорят правдивую прохладой.

И все поняв, познав и обнаружив,
Что сделаю,
Что сделаю тогда я?
О если б мог в сердечной стуже
Сказать тебе:
— Прощайте, дорогая.

Но этого не будет, не бывает,
И, право, не большое преступленье —
Когда скажу:
— Останься, дорогая,
И обниму твои колени

1939

Из цикла
«СОВРЕМЕННЫЕ РОМАНСЫ»
(1938)

106. ВАРЕНЬКА-ВАРВАРУШКА

В небе месяц старенький,
Сколько ему лет?
Варя — Варя — Варенька
Краше тебя нет!
Жить нам надо парочкой,
А душой — одной,
Варенька-Варварочка
Друг сердечный мой!
Звезды словно камушки —
Яхонт и алмаз,
Варенька-Варварушка
Полюбила нас.

1938

**107. МОЙ ПАРНИШКА
(ШУТОЧНАЯ)**

Я читала в старой книжке,
Как любил гусар лихой.
Куда лучше мой парнишка,
Мой парнишка — вот герой!
А гусар — не для примера!
Он был лодырь хоть куда,

Никаких у кавалера
Показателей труда.
А парнишка мой со взлетом!
«Норма?..» «Втрое!..» Наших знай.
Приходи к доске почета —
Имя милого читай.
Не в обиду старой книжке:
«Ох, отстал гусар лихой!»
Куда лучше мой парнишка,
Мой парнишка — вот герой!

1938

ИЗ РУКОПИСНОГО СБОРНИКА
«ПОСЛЕ ЭТОГО» (1940—1955)

4-го марта сорокового года Кира сделал
то же, что Есенин, его крестный.

(из книги)

Могут ли мои стихи после этого быть
весельями?

(из той же книги)

108

Собратья! Собратья! Собратья!
Не смею молчать и соврать я.

109

Друг мой, живу, как во сне.
Не разговаривай строго.
Вот бы поверить мне
В этого глупого бога!

110

Я мертв и жив. В душе чума.
О, Господи, сойду с ума!

111

Мы с тобою потеряли бога,
И у нас холодная душа.
Ну, давай собираться не спеша
В самую далекую дорогу.

112

Нет, жизнь не улица. Чтоб перейти её,
Чтоб перейти в высокое небытие,
Куда зовет нас смертная природа,
Искать не надо перехода,
Он сам тебя властительно найдет,
Трагический твой переход.

113

На скотобойне бык ревет.
Мы, друг мой, — нет!
Мы мужественный скот.

114

С тобою, нежная подруга
И верный друг,
Как цирковые лошади по кругу,
Мы проскакали жьизни круг.

115

Жизнь пробежав с горы на лыжах,
Нехитрый понял я закон:
Чем ближе человек к животному, чем ближе, —
Тем и счастливей, бедный, он.

116

Ну, вот, дочитываю жизни книгу.
 Всего осталось несколько страниц.
 Что за толкучка дней, событий, лиц!
 А под конец: На, выкуси-ка фигу!

117

Конец, мой друг. Тебя спустили в яму.
 Спасибо. Вырыга на ять.
 Я — мертв. И не имею сраму,
 Мне под землей легко дышать.

118

Судьба, я знаю, ты примерно зла.
 Твоя рука не жалуется, а косит.
 На «пан или пропал» сыграем-ка в
«козла».

Сыграем, баба, в кости.
 Но только честно! Впрочем, я не знаю!
 На свете бабы честные бывают?

119

Пути, распутья, перепутья...
 Ветрище жизни шутики шутит.
 Как жалкой пылью мною крутит.
 Он в бедный ум мой заключен —
 Веселый ветер похорон.

120

И я умру по всей вероятности.
Чушь! В жизни бывают и покрупней неприятности.

121

Где кухня горя? Сверху, снизу иль откуда
Приносят мне дымящееся блюдо?

122

Вокруг себя я зло искал.
Вдруг заглянул на дно зеркал.
И увидал его в себе.
И в морду дал своей судьбе.

123

Разруха, мой милый, разруха!
Душа переехала в брюхо.
Чтоб нежиться в сале и в жире
На этой на новой квартире.

124

Мир в затемненье. Черное в окне.
И жизнь моя напоминает мне
Обед, что получаю по талону.
Из милости дарованный обед.
К нему, признаюсь вкуса нет.

125

— Эй, человек, это ты звучишь гордо?
И — в морду! в морду! в морду!

126

Мой век мне кажется смешным немножко,
Когда кончается бомбежка.

127

От свиста этого меча
Потух
Мой дух,
Как в сквозняке свеча.
Осталось стеариновое тело.
Ему ни до чего нет дела.

128. ВОЙНЕ

Давайте так условимся, мадам:
Свою вам жизнь, извольте, я отдам.
Но руку — нет! Простите, не подам.

Пусть нас рассудит время и потомство.
С убийцами я не веду знакомство.

129

Когда война легла,
Как мгла;
Когда легла на век мой тенью,
И я пришел к высокому презренью.

130

«Эй, человек!..»
И человек летит со счетом.

И человеку платит этот век
С широкой щедростью из пулемета.

131

Разверзлась хлябь сомнительных веков.
Припал. Гляжу. Меня бросает в дрожь:
Горилла лязгает костяшками клыков.
О, как же я на пращура похож!

132

«Понять — простить...» Но я не внемлю.
Бог не дал мне тишайших сил.
Я понял все и не простил
Мою запятнанную землю.

Так не простил бы я жену,
Мне изменившую однажды,
Так не прощаю я войну
С ее неукротимой жаждой.

133. ПОЭТУ В СЛАВЕ

Ну, что — сбываются мечты?..
Сверкаешь? Ну, сверкай.

А мне сверкать тоска.

Знакомо все. Сверкал, как ты.
Как пятка из дырявого носка.

Это не ваша — моя беда...
Вы-то ведь были счастливой.

138

Наплевать мне, что вы красавица.
Дело, друг мой, не только в роже.
В этот век говорят: «Он мне нравится».
А сказать: «Я люблю!» — вы не можете.

139

Вот эти горькие слова:
Живут писатели в гостинице «Москва»,
Окружены официантской службой,
Любовью без любви и дружбою без
дружбы.
А чтоб витать под облаками,
Закусывают водку балыками.

140

В глазах синева чистоты.
И вот... вы кругом хороши!
Они же — слепые кроты
В потемках вашей души.

141

Послушайте, господин чудак,
Иже еси на небеси,
Ведь этот сотворили вы бардак?..
Мерси!

СТИХИ 1917—1939 ГОДОВ

142

Дикие кочевые
Орды Азии
Выплеснули огонь из кадок!
Отомщена казнь Разина
И Пугачева
Бороды выдранный клочок.
Копытами
Прокоптыен
Столетиями стылый
Земли затылок
И ангельское небо, как чулок
С продранной пяткой,
Вынуто из прачешного корыта
Совершенно чистеньким.

1917

143

Слыхано ль было, чтоб ковальщик
Рельсовых шару земному браслет
Дымил важно так махоркой,
Как офицер шпорами звякал?

Спрашиваете, — а дальше?
А дальше пляшущих сотни лет,
Во все двери торкнемся
И никто не скажет: выкуси на-ка.

Мы! мы! мы всюду
У самой рампы, на авансцене,
Не тихие лирики,
А пламенные паяцы.

Ветошь, всю ветошь в груди
И, как Савонаролла, под песнопенья
Огню!.. Что нам! кого бояться,
Когда стали мирами крохотных душ мирики.

1918

144

Очень рад. Очень!
Как телеграфный столб прям
Спинной позвоночник
У всех
Горбатых столетьями россиян.
Кто нас теперь звонче?
Ни столбов верстовых, ни вех.
А вы: «Бедлам!»
К сатане! к чертям!
Вы — хам.

1918

145

Кровью плюем зазорно
Богу в юродивый взор.
Вот на красном черным:
— Массовый террор.
Метлами ветру будет
Говядину чью подместь.

В этой черепов груди
Наша красная месь.
По тысяче голов сразу
С плахи к пречистой тайне.
Боженька, сам Ты за пазухой
Выносил Каина,
Сам попригрел периной
Мужицкий топор, —
Молимся Тебе матершиной
За рабьих годов позор.

1918

146. ОКТЯБРЬ

Покорность топчем сыновью,
Взяли вот и в шапке
Нахально сели,
Ногу на ногу задрав.

Вам не нравится, что хохочем кровью,
Не перестирываем стиранные миллион раз
тряпки,

Что вдруг осмели
Оглушительное тьякнуть — тьяв!

Да-с, спинной позвоночник,
Как телеграфный столб прям,
Не у меня — у всех
Горбатых века, россиян.

Кто на земле нас теперь звонче?..
Говорите — Бедлам,

Ни столбов верстовых, ни вех, —
К дьяволу! На паперти великолепен
наш красный канкан.

Что — не верите, — вот оравы,
Табуны туч по приказу людскому
И небо, как бабий салоп,
И ни одной солнца реснички...

Опять Иисус на кресте, а Варавву
Под руки и по Тверскому...
Кто оборвет, кто? — скифских коней
галоп?
Поющие марсельезы смьчки?

147

К тебе, смерти зев,
Простираю длани,
К тебе на закляние
Из хлевов
Табуны гоню.
Слышишь косы
И костей хруст?
Слышишь пожаров рев?
Живот давлю гадий;
Тысячелетьями прелый
Огню
Предаю навоз;
Земли потрясаю
Тело;
Взрывами гроз
Разорванных уст

К пощаде
Звериный глушу зов.

1918

148. РОССИИ

Чаяния
Твои изрыгают недра,
А ты под нож
Подставляешь живот с отчаяния...

Еще зачатъя
Будут на красном ложе,
Еще роды...

Твои щедро
Тела богатства
Разделить надо во имя братства...

Скоро
К сосцам твоим присосутся,
Как братья,
Новые своры
Народов...

Еще не одна революция
Нянчиться будет в твоей зыбке...

Пламени море
С твоих кровель
Кинется зверем
На небоскребов
Ржавые спины...

Из твоего чрева,
Из твоего ада,
Пьяному кровью
Миру вынут
Новую дочь,
Новую Еву...

Ах,
Первая, Россия, ты
Вчерашнюю
Сдобу
Истории
С высоты башни
Анафеме предала...

Мах
У какого косца при косьбе больше?

Разве не ты
Поганую в жертву овцу
Из поганого стада
Отцу
Принесла?

Разве не ты
Побежденная
Победительницей с поля
Бежала брани?

О, доколе же
Россия, доколе,
Пламенем ослепленные
Не увидят, что недра твои изрыгают чаяния?

1918

149. ДНЕСЬ

Отчаяние
Бьется пусть, как об лед лещ;
Пусть в печалях земли сугулятся плечи.
Что днесь
Вопь любви, раздавленной танками?..
Головы человечьи,
Как мешочки
Фунтиков так по десять,
Разгрузчик барж
Сотнями лови на!
Кровь, кровь, кровь в миру хлещет,
Как вода в бане
Из перевернутой разом лоханки,
Как из опрокинутой виночерпием
На пиру вина
Бочки.

Воины...
Жертвы...
Мертвые...
Нам ли повадно
Траурный трубить марш,
Упокойные
Ставить свечи,
Гнусавить похоронные песни,
Истечь
В надгробных рыданиях?
Нам — кричащим:
Тресни,
Как мусорный ящик,
Надвое земли череп.

Нам — губами жадно
Припадающим к дымящейся ране, —
Понявшим истинно небывалую в мире
трагедию.

Что убиенные!..
Мимо идем мы, мимо —
Красной пылая медью,
Близятся стены
Нового Иерусалима.

1918

150

Скоро новые будут роды
И к соседям России
Присосутся, как братья,
Новые рати
Голоштаных
Народов.
Пламени волны хлынут
С ревом коровы
На небоскребов горбатые спины,
Вижу,
Предвижу:
Живут семьей единой
Этой планеты
Работники и поэты.

1918

Я пришел к тебе, древнее вече,
 Темный люд разбудил медным гудом,
 Бросил зов, как собакам печень,
 Во имя красного чуда.

Назови же меня посадником,
 Дай право казнить и миловать,
 Иль других не владею ладней
 Словом, мечом и вилами.

Застонет народ чистый
 От суда моего правого —
 С вами вместе пойдем на приступ
 Московии златоглавой.

Затопим боярьей кровью
 Погребя с добром и подвалы,
 Ушкуйничать поплывем на низовья
 И Волги и к гребням Урала.

Я и сам из темного люда,
 Аль, не сажень косая плечи?
 Я зову колокольным гудом
 За собой тебя, древнее вече.

Я из помойки солнце ладонями выгроб,
 Лунные пейсы седые обрезал у Бога и камилавку
 С черепа мудрого сдернул.
 О, как, земля, бесконечно я рад
 Тебе принести все это в дар!..

Я не цыган-конокрад
В таборе
Гордый конем уведенным.
Я, как игрок, высшую ставку
Взявший в игре
У шулеров, в доме игорном
Без подтасованных карт
И без единой крапленой.
Верьте, я только счастливый безумец, поставивший
все на октябрь.
О, октябрь! октябрь! октябрь!

153

Толпы, толпы, как неумные рощи,
В вороньем клетоте, —
Кто-то Бога схватил за локти
И бросил под колеса извозчику.

Тут и тут кровавые сгустки,
Площади, как платки туберкулезного, —
В небо ударил копытами грозно
Разнузданный конь русский.

Архангелы гневно трубы пригубили:
— Небесное воинство на азиатскую волю!
Артиллерия била по Метрополю,
Выкусывая клочья из Врубеля.

«Второго Христа пришествие...»
Зловеще: «Антихриста окаянного...»
На перекрестках, углах горланно:
— Вечерние, вечерние известия!

Хлюпали коня подковы
В жиже мочи и крови...
В эти самые дни в Московии
Родился Саваоф новый.

154

Каждый наш день — новая глава Библии.
Каждая страница тысячам поколений будет
Великой.

Мы те, о которых скажут:
— Счастливы в 1917 году жили.
А вы все еще вопите: погибли!
Все еще расточаете хныки!
Глупые головы,
Разве вчерашнее не раздавлено, как голубь
Автомобилем
Бешено выпрыгнувшим из гаража?!

155

Багровый мятежа палец тычет
В карту
Обоих полушарий:
— Здесь!.. Здесь!.. Здесь!..
В каждой дыре смерть венником
Шарит:
— Эй! к стенке, вы, там, все — пленники...
И земля словно мясника фартук
В человечесьей крови, как в бычьей...
— Христос Воскресе!

Василию Каменскому.

Эй! Берегитесь — во все концы
С пожарища алые головни...
Кони! Кони! Колокольчики, бубенцы,
По ухабам, ухабам, ухабам дровни.

Кто там кучер? Не надо кучера!
Какая узда и какие вожжи!..
Только вольность волюю сердца навьючила,
Только рыгвинами и бездорожьем.

Удаль? — Удаль. — Да еще забубенная,
Да еще соколиная, а не воронья!
Бубенцы, колокольчики, бубенчите ж, червонные!
Эй вы, дьяволы!.. Кони!.. Кони!..

Твердь, твердь за вихры зыбим
Святость хлещем свистящей нагайкой
И хилое тело Христа на дыбе
Вздыбливаем в Чрезвычайке.

Что же, что же, прощай нам грешным,
Спасай, как на Голгофе разбойника, —
Кровь Твою, кровь бешено
Выплескиваем, как воду из рукомойника.

Кричу: «Мария, Мария, кого вынашивала! —
Пыль бы у ног твоих целовал за аборт!..»
Зато теперь: на распеленутой земле нашей
Только Я — человек горд.

Разве прилично, глупая,
 В наш век фабричной трубы,
 Подагры и плеши,
 Когда чувства, как старые девы, скупы, —
 Целоваться так бешено
 И, как лошадь, вставать на дыбы.

1918

159. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЛОМ

В каждом взгляде,
 Как на эфесе шпаги,
 Темляк,
 Город полосует,
 Как в корыте, в небе
 Краснущие простыни.
 Ныне:
 Солнце съедобно,
 Как оладьи,
 Ныне:
 Земля шатается пьяная,
 Будто
 Залпом выхлестала коньяк
 Из огненной фляги,
 Никогда не было,
 Чтобы:
 Всякая пядь
 — Красная площадь.
 Всякая пядь
 — Место Лобное.

Знаете,
Еще вчера заплясали трепак,
(Да еще как круто:
С притопом)
Сапожки из сафьяна
В Скоропадии.
Знаете,
Сегодня в Германии, Австрии и
Болгарии

(А завтра в Италии
И Испании)
Человечки от радости, как сенсация
И даже — еще горланей!..
Нет, не смешно и не странно,
Что закорузлые, старые
Женщины и мужчины
Незнакомые
И вдруг
Стали
Друг
Другу на шею бросаться.
— Это
Лапит не Иван Иванович
Ивана Ивановича,
А волю.
Это
Льдины
Ледовитого Океана
У Северного Полюса
Расколоты огненным, как ракеты,
Революции ломом.

Небу, небу я сделаю выкидьш
 И выжму из сосцов Луны молоко —
 А город сквозь каменные клыки дышит,
 Застланный простынью облаков.

Только ветер в вывесках по-кобыльи фыркает,
 Только в зрачки ложится печаль, как в гроб.
 Какие, какие приват доценты в пробирках
 Выносили Божеской злости микроб?

Словно так надо — лижут, лижут
 Проститутки телами тротуаров проборы
 И рвет шофер изнасилованным мотором
 Мостовых вонючую жижу.

Ах, не хочу я такого города
 Дай алкоголь мне твоих цветов, Ницца!
 Еще час — и души станут зелеными, как любовница
 После аборта.

Выгканными страстью ночами
 Душа, словно скатерть, сальнится, —
 Выложена красными кирпичами
 Моей чистоты усыпальница.

Вытоптаны печалью любимой
 Змеющиеся вокруг тропинки, —
 Каблуками поцелуев дробим мы
 Нежности льдинки.

Руки царя Ирода
 Нежные, как женщина на заре,
 Почему вы, почему не нашли выродка,
 Родившегося в Назарете!

Матери, рыдающие над теми,
 Чьи холодны были тельца,
 Вы тогда, тогда уже, в Вифлееме,
 Возненавидели будущего рабовладельца.

Ведь недаром же крестные муки
 Разделил Он с двумя разбойниками!..
 Ирода нежные руки
 Вам простили крохотные покойники.

Январь 1919

Как в чулане над сваленной рухлядью паутина,
 Над городом всадник на черном коне навис,
 А в зрачках беззубая мечется ненависть,
 Как на ложе греховная плоть инока.

Нож и нож над сыном и домочадцами,
 В черепах, словно в ступках, селитра месится, —
 Всю ли жизнь под желтым куполом месяца
 Языком набата качаться мне?

Разве ранее Русь не перла
 На дворянские скопом вотчины?
 Разве хрипом казачьего горла
 Целый край не бывал всклокочен?

Не одним лишь холопам плети
 На задах высекали раны —
 Величало Петром Третьим
 Полстраны мужика Емельяна...

Как ни мажь Москву — всю не выбелишь.
 Кровь, что ржавь и бояр, и холопья, —
 Кто ж теперь заскулит о погибели
 В засмердевшей нашей Европе?

1919

Возьми мою душу, как паникадило,
 Возьми и расплескай голубой фимиам,
 А улицы пахнут цветочным мылом
 И кровью, липнущей к каблукам.

Кто это сваливал вчера на нас-то
 Пламени глыбы ударами кирк, —
 Небо в красном трико гимнаста,
 А город — обезумевший цирк.

Ладонями в двери! Кулаками! Но в чьи?
 Каждая была ведь на американский замок.
 Бесстыден, как любовница в лифчике,
 Выживший из ума рок.

Кучки оборвышей. Казачья сотня.
Неужели у каждого сухарь в груди?
Всякий задворок, всякую подворотню
Ладаном души моей окади.

1919

166

Словно навозные кучи кабан
Разворачивает души отчаяние —
И как не лопнули перепонки барабанные
У земли от визга стальных гортаней?!

Смотрите, смотрите, одни горбатые,
16-летние безобразней старух —
Только шрапнели кувыркаются акробатами
Под треск космических оплеух.

Какие юродивые накликали миру
Ширококрылых когтистых вьюг;
Разве можно сегодня спокойно галопировать
Даже на выдрессированной кобыле по кругу?!

Ах, не привыкнуть к жужжанию пуль
(Уху верста, а не мили и ярды).
Какой же, какой цирюльник
Обреет пожарами рыжие бакенбарды?

Неужели только глаза ребенка
Увижу в доме душевнобольных;
И как не лопнули барабанные перепонки
У земли от визга гортаней стальных.

1919

167. ТЮК ЗВЕЗД

(из поэмы)

Гнусавый вечер — старый дьяк,
Поет октябрьские службы.
Созвездий золотые гроздья
Свисают в городские лужи.

Пью жадными глотками дни,
Соленые мочой и кровью.
Не по цветам путь, не по гравию —
По трупам в звездный виноградник...

Пастух ли приведет стада?
За стадом ли придет пастух?
В дни молневого листопада
Юродивый над Русью дух.

168. МАРШ РЕВОЛЮЦИЙ

Конь революций буйно вскачь,
Верст миллионы в пространствах рвы,
Каждый волос хвоста и гривы —
Знамя восстаний, бунта кумач.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы снарядов.
Плечи в плечи Север и Юг,

Свяжем души в один моток,
Буйно пляшет на стягах заря;
Плечи в плечи Запад и Восток,
Брюхо шпорам режь ездок.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы снарядов.

Плечи в плечи Север и Юг
Западу подал Восток знак;
Плечи в плечи, за рядом ряд
Ровен и грозен шеренг шаг,
Старому на шею петлей кушак.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы снарядов.

Плечи в плечи Север и Юг,
Вражьему стану свинца плевков,
Ярче костров сердца горят,
Плечи в плечи Запад и Восток,
Бурю воет каждый гудок.

Громами перекликается копыт стук,
В тучах перецеловываются губы снарядов.

Конь революций буйно вскачь,
Верст миллионы в пространствах рвы,
Каждый волос хвоста и гривы —
Знамя восстаний, бунта кумач.

169. ПАМЯТИ ОТЦА

Острым холодным прорежу килем
Тяжелую волну соленых дней, —
Все равно друзья ли, враги ли,
Лягут всплущими трупами на желтом дне.

Я не оплачу слезой полевой
Пулями зацелованного отца.

Пусть ржавая кровью волна хлынет,
И в ней годовалый брат захлебнется.

И даже стихов серебряную чешую
Я не окрашу в багряный цвет, —
А когда все зарыдают, спокойно на пробор расчешу
Холеные волосы на своей всезнающей голове.

1919

170

Как пилами пополам бревна
Последней любви плоть, —
Не хочу революции бескровной
Всаживать штык в тряпло.

Пожаров обнаженные десна,
Пепел по ветру — лафа!
Тысячелетья крушу, как Давид Голиафа,
Камушком молниеносным.

Веду в рукавицах ежовых
Времени вперед мотоцикл,
А город гаубицами изжеван
И, как выбитые зубы, торцы.

1918

171

Когда осенний пламень вспенивает лес,
Его не потушить
Сентябрьским дождем
(В воде пылает

Красная и золотая
Шелуха).
Когда душа запыльхает,
Пылают кости в теле
И кровь вскипает в нем.

О, дни сумятицы и суматохи
(Жить в эти дни —
Такое счастье и такая честь).
Мы были молоды и безрассудны,
Мы называли страстью — похоть
И гневом — месть.

Ах, непривычен для очей
Холодный лик тишающей страны
(Нам кажется: мы,
Мы чужды ей,
Мы ей враждебны).
Прощай, дух ветра и богемы.
Тупыми языками красных кирпичей
Зализывает город раны,
Вставляя щегольской монокль
В пустые веки рам.

И вот: как бы нетопленая печь,
Мое обложенное изразцами тело.
(Должно быть,
Не вскипает кровь и кость не польхает,
Когда недвижима душа.
Должно быть,
Тогда в небо
Дышит
Дыханьем
Ледяного погреба)...

Уже:
Любовной грусти вороха
Завьюживают
Зрелые сердца
(У нас еще
Они немолчно тараторят,
А кое у кого —
Остужены и немые) —
Любовной грусти вороха,
Когда вспоминаем мы
О днях сумятицы и суматохи.

172. ВЕТРА МАРШ

Вытряс ветер
Стекла и стены,
Выгтер синюю мглу из глаз.
 (Стали глаза у девушек
 Что серебряные рубли;
 У веселых юношей
 Что серебряные полтинники).
Маленькие люди сметены
С земли,
У больших людей
Только щеки заветрены.

А там —
По дорогам,
По рельсам,
По рекам
К нам:
Вприпрыжку пыль,
Ползком туман.

(Шеренга дней — солдатский строй:
Кто крепче —
В омут вниз башкой,
Кто слабже — в водочный стакан).

Ветер, не шаркай шваброй
О стены и стекла!
Молотом по городу,
Чтоб охал и ёкал.
Стены и стекла
В желтые степи!
Молотом ветер
Железным,
Чтоб:
Камень в щебень,
Пополам в лоб.

1923

173. НОЧНОЕ КАФЕ

К тебе: ад города, веселый и золотозвездный,
Безумный остров, стиснутый озерами зеркал,
К твоим брегам
Меня
(Ежевечерне)
Приносит улица. (О черная безводная река!)
В тот час, когда смыкает вежды чернь,
Мой теплый труп,
Ты оживаешь в бездне.

Подошла. Взяла под локоток.
Непрезентабельный рок!

Вместо лица — носовой платок.
Вместо рта — дыра в пятачок.
«Завернем, пророк!»

А на улице собачий холод,
Один одноглазый фонарь на целую версту,
Ветер
И ночь.
Вот он! Вот он: гибели берег!..
Может быть, все это:
Сон мне,
Отвратительный сон.
— Двери! Двери!
Войдем
И премудрость возьмем.

Тут лица — мел, глаза — слюда,
Со стен огонь стекает липкий.
Кто в дверь вошел,
Того хватает
Стул
И стол,
Стакан дорогу пересекает.
(Отдайся в руки! Никогда
Тебе уж не уйти отсюда),
Тут лица — мел, глаза — слюда,
В бутылках кровь. Меж ребер:
Мясо и вода,
А воздух в сновиденьях зыбких,
Тут стихотворцы увядают,
И воют по-румынски скрипки.

«Что прикажете?»

— Кто вы такой?

«Мы-с: человек».

— Что это значит?

«Человек, по-нашему, официант»

— Очень мудрый ответ, трансцендентальный,

Поэтому:

Будьте добры, котлетку марешаль.

О бархатный! О мягкий гроб!

Пурпуровая простыня дивана.

(О дыба сердца! Мозга! Кожи!)

Перед тобой:

Доска и камень, сладостное ложе.

Пустынный жребий легок был пророкам.

Мой теплый труп

Глохает дым гаваны

И смотрит в пустоту моноклем.

У осени: волоса медь

А небо осени:

Словно огромный черный глаз,

Из которого падают слезы.

Ах, какие бывают легкие смерти!

Лучше всего убийцам:

Их

В степи на ветру

Берут и вешают

Поближе к солнцу и птицам.

Воткнула в меня зеленый зрачок,

Вместо лица — носовой платок.

Вместо рта — дыра в пяточок,
Ты мой, пророк!
Рот разорвал в улыбку,
Два глаза, как вскрытые вены.
— Сгинь! Провались!
Или я полезу на стены.
«Поправьте монокль, дэнди!»

«Молодой человек — глиста за скрипкой —
Почему вы не воете на своем инструменте?»

Нет ничего этого мира страшней
(Бежал от него и не убежал).
Кофейный зал.
Торжественный церемониал:
«От имени котов и блядей,
Единственных почитателей пророков,
Разрешите сказать надгробное слово
В три этажа...»

А на улице:
Ветер,
Ночь,
Революция
И один одноглазый фонарь на целую версту.
Вонзила зеленый зрачок:
«Выпей один глоток!»
Вместо лица — носовой платок,
Вместо рта — дыра в пяточок:
«На дне стакана смерть, пророк».
У осени: волоса медь.
А небо осени:

Словно огромный чёрный глаз,
Из которого падают слезы.

Январь 1924

174

Торгую нынче золотым товаром
(Чтоб эти песни вечно пели) —
Про бабушку за самоваром
И крикуна за шкапом в колыбели.
О, бог ты мой,
Чертовски рад —
Женат!
Зарегистрировались в Загсе!
Теперь:
Официально, милая, ласкайся.

1924

175

Ох, струсил, ох, дрожу — отмстит мне Русь,
Когда вернусь!
Неужто правда — стихотворным даром
Ты обнищаешь домик мой?
Венчают славою коварной
Писанья глупости святой,
И зашагает дурь надменно,
Как адмирал по кораблю,
Клянусь: минутную измену
Стихом усердным замолю.

1924

176. ОТЪЕЗД И ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Ну, до свидания!..
Я, как во сне, был.
Склоняем головы.
Вот черная.
Вот золотая.
Над нами пасмурное небо
Подобно ворону летает.
— Надолго ли?..
— О, нет!..
— А может, «да»?..
— Проскачут дни, как вешняя вода,
И снова встретимся,
— Конечно, на платформе,
Целуясь досыта по православной форме?

.....

Дни проскакали, будто кони.
Ты к нам вернулся в голубом вагоне.
— Сережа!..
— Анатоль!..
Чужое слово. Голос чужоват:
— Я счастлив, милый... Я ужасно рад...
С чего же вдруг — в руке рука захладела
И оборвался поцелуй?
— Шофер!
Мы на Пречистенке,
И поднимаю чашу я устало.
«Пируй, пируй. Невесело пируй,
Когда уж оборвался дружбы поцелуй».

1924

Друзья мои, наш дар высокий
 Не пиво в кружке,
 Чтобы расплескать;
 Не девка,
 Чтоб менять кровать;
 Не медный грош,
 Чтоб спер воришка.
 Покуда видим,
 Сльшим,
 Дьшим,
 Покуда сердцу трепетать,
 Покуда тело носят ноги,
 Он в нас, он с нами, дар высокий.

1925

178. МЕЦЕНАТУ

Ты миф,
 Ты сон,
 Ты тень
 Воспоминаний безрассудных.
 Не верю так же собственным глазам,
 Как если бы:
 Среди улиц многолюдных
 Мне встретился гиппопотам.

Ты выхолен и кругл.
 И с ленью русских бар,
 Что обретались в переулочках Арбата.
 Ну, словом:

Самый чистокровный экземпляр
Из замечательной породы меценатов.

Таращатся глаза
На мирный сон и сень.
Не грохотали разве грозы...
Целехоньким цела
Фарфоровая дребедень
И рябоватая карельская береза.

А впрочем:
Наплевать.
Мне вкусен твой обед,
Приятно тонкое твое суждение...
Я шуточное посвящу тебе,
Мой странный друг, стихотворенье.

1926

179

— Прощай!..
И стала ты тиха,
Как в поле камень.
Померкла, как звезда
Перед рассветными лучами.
Ресницами не повела ни разу
И пропускала мимо фразы,
Как громыхающие поезда.

— Стой, стой! Вернись!.. Сказал тебе не то...
Ты улыбнулась и сняла пальто.

И поднял я ковши любимых глаз.
О господи, поймешь ли нас?

1935

Вы голову несли, как вымпел,
 Загадочны,
 Как незнакомое, чуть освещенное окно.
 А тот наглец с усмешкою вас выпил,
 Как за обедом легкое вино.

1936

Сел на подоконник
 Привезли вечер серые кони.
 И он прогуливался по узкой панели.
 А в сквере
 Городские ели
 Синели.

Я взял со стола перо.
 И взял листы,
 Раскрывшиеся как ладони.
 Это хорошо,
 Что привезли вечер кони, —
 Значит скоро придешь ты
 Я обожал твои длинные лапы
 И волос октябрьские кусты.
 Милая,
 Ты перекистью мыла их?

Вбежала.
 Неожиданная, как рок.
 И сняла фетровые боты.
 И пальцы твои проплыли

По пене строк.
— Сядь, помолчи.
Ты мне мешаешь работать.

Она сказала:
— Дурак!
И надела боты,
И ушла,
Как из кастрюли вскипевшее молоко.
Ушла далеко-далеко.
Может быть, навсегда.

Ну, конечно, — «дурак!»
Ушла.
Но остался кто-то.
Где?
В сердце.
Кто?
Мрак.

1937

182

«Мой город спит, как пес,
Набегавшись, утих».
— Прелестный стих!..
«Погасла поздняя заря,
Перед окном два фонаря —
Два пальца.
На них рубиновые перстни»
— Великолепный стих!
И даже носом хорошея
И розовея от груди,

И асфальты
В июле
Покрылись льдом.
Ушла,
Ушла ты.
Прямая,
Злая,
Будто закованная в латы.
А когда в январе вернулась,
Лисьей сверкая шубой,
Расцвели серебряные цветы.
Это потому —
Что вернулась ты.

1933

185

Его пожрала эта страсть,
Он будет ночью счастье красть,
Бояться шороха, как птица,
Лгать, красться, трепетать, таиться,
Он потерял над сердцем власть,
Его пожрала эта страсть.

1939

186. ШЛЯПА

(из полушуточной поэмы)

Любимая, как хороша ты!
У наших ног скамья горбатая.
Садись.
Я подстелю тебе пиджак.

Уж этот благодатный мрак
Вкруг нас воздвигнул свои стены,
Уж набухают кровью вены,
И наверху померкло злато,
И кто-то мелкий из пернатых
Флейтистом нашим быть согласен,
И ты молчишь,
И я безгласен.
Садись...

Иними, пожалуйста, шляпу,
она мешает целоваться.

Итак, нам, милая, с тобой,
Горбатый корень стал скамьей,
Возлюбленных скамьей чудесной.
Что это:
Клен?
Иль дуб?
Иль вяз?
Сидит, любимая, облокотясь
На непонятный ствол древесный...

А с шляпой дело будет как?

Хоть сели мы довольно низко,
Но близко, дорогая, близко,
С тобою близко до небес нам.
Которые, как всем известно,
Лишь для возлюбленных сияют,
Возлюбленных благословляют
Благословляют только нас,
Для наших существуют глаз...

Дорогая, сними шляпу.

Свидетель мой, чертовски мхастый,
Я все же думаю, что вяз ты...

Вот видишь, я укололся о шпильку.

Ах, деревянный брат мой по планете,
Как нам чудесно жить на свете —
Тебе шуметь в ночи ветвями,
Мне пересохшими губами
Мою возлюбленную пить...

Черт побери, эту проклятую шляпу!

Любовь, ты что:
Природа?
Или над природой?
Таинственное продолженье рода?
Иль пир греха?
И блеск стиха?
Конец?
Начало?
Смерть?
Рождение?
Иль только плод воображенья?

Надень, дорогая, шляпу.

1939

СТИХИ 1940—1962 ГОДОВ

187

Вот у вас и глаза, как темные сливы,
И легкие волосы — дым от костра,
Все как будто дано, чтобы стать счастливой,
А ведь вы несчастливой звезды сестра.

Для кого ж, не пойму, счастье странное это?
На какой это улице его выдают?
Не за душу,
Не за сердце,
Не за песни поэта,
Не за ласковых рук материнский уют.

1941

188. ЕСЕНИНУ

Что ни говорите,
А на самом деле
Человеку надо
Помирать в постели.

Тело не обидится.
Кончился — и в сторону.
Ну, а мне не хочется,
Чтоб клевали вороны.

Нам с тобою место,
Друг мой, на погосте,
Под зеленым холмиком
Чтоб лежали кости.

Тут же и скамейка,
Клен. И солнце позднее,
Вдруг придут влюбленные,
Чтоб любить серьезнее.

189

Если б тот, кто землю создал,
Подобрей немножко был,
Человек бы пел о звездах,
А не по небу палил.

Если...
Если б...
К черту «если!»
Мир таков, а не иной.
Матершину вместо песни
Получай на адрес свой.

190

Жили долго, знаем мало.
А быть может, в самый раз.
Друг мой, счастье убежало,
Легконогое, от нас.

191

И поднял руки: вот, мишень я,
Твоя мишень, неумный рок.

Мне дырка в сердце — утешенье.
Спускай курок.

1940

192. К ЖИЗНИ

В шизофреническом бреду
Какую гнусную беду
В запасе держишь для меня еще ты?
Я пистолетным выстрелом сведу
С тобою мстительные счета.

1941

193. К ПРИРОДЕ

Ты существуешь, благостью кичась,
А мы уходим с горечью проклятья.
На миг рожденья, миг зачатья
И глупой жизни длинный час.

Тебя и я назвал бы: мать...
Но лишь с хорошим русским добавленьем,
За то, что ты с одним сплошным мученьем
Сумела человека обвенчать.

1941

194

Когда не воскресают чувства
И бездыханна алчущая страсть,
Тогда, мой друг, и там смертельно пусто,
Где яблоку на землю не упасть.

195. КОЛЕ ГЛАЗКОВУ

— Выпьем водки!
— Лучше чаю.
Я давно уж примечаю,
Что от чаю
Не скучаю.
После ж водки — грусть такая!..
— Выпьем, Коля, лучше чаю.

196. ЛИРИЧЕСКОМУ ПОЭТУ

Ты песенки свирельные играй,
О нежной страсти сочини стихи.
И я, дружище, рад бы в рай,
Да не пускают темные грехи.

197

Нам нравятся вот именно такие:
Со строгим ликом,
С глазами схимницы святой,
И чтобы грешницей была великой,
И в Дантов ад взяла меня с собой.

198

О, друг мой, жизнь моя не та,
Быть человеком очень нелегко.
Мне нравится,
Как ласточки летают,
И синей вечности мне нравится покой.
Но жаль расстаться с шумною душой,
Которая почти что отшумела,

Чтоб получить летающее тело,
Конечно, с птичьей головой.

199

О, жизнь моя, ты так поспешна!
А там, у станции далекой,
Мы улыбнемся неутешно
На человеческие сроки.

«Приехали?»
«О, да. Уже».
Как быстрота невероятна!
И даже мне чуть-чуть не по душе,
Что не купить билет обратный.

1944

200

О, сверстники, как это благородно!..
Как красиво!
Как к лицу! —
Все ваши головы
Давно уж в мыльной пене.
А у меня нет мудрого терпенья
Спокойным шагом подойти к концу.

201. О СЕБЕ

Тут все размеренно и строго.
«К чертям собачьим!.. Бунт!..»
Ну, побунтуй немного,

Расколоти у жизни чашки.

А кончил, как и все, в смирительной рубашке.

1941

202

Он благостен, тот путь без возвращенья.

Нет, милая, не надо — слез не лей!

Ведь я останусь легкой тенью

В глубокой памяти твоей.

203

Рожденные из ничего,

Дни сумрачного века моего,

Деритесь, сволочи, как львы:

— Иду на вы.

204. РОМАНС НИНЫ

(мещанский)

Я твоя девочка,

Я твоя крошка,

Любишь ли, милый,

Крошку немножко?

Милый, мой милый,

Светик в окошке,

По лунной дорожке

С тобою вдвоем

К счастью, мой милый,

Вдвоем уплывем.

По лунной дорожке,
По лунной дорожке,
С тобою вдвоем,
Вдвоем уплывем.

Тонкие ручки,
Резвые ножки,
Любишь их, милый,
Множко?.. Немножко?..

Милый, мой милый,
Резвые ножки
По горной дорожке,
Где маки цветут,
К счастью, мой милый,
С тобой убегут.

И сердце и ножки
По горной дорожке,
Где маки цветут,
С тобой убегут.

205. СМЕРТЬ (I)

День,
Ночь
Точь-в точь.

Сколько их:
Тысяча... три... пять?

Если б уметь рыдать,
Если б поменьше любви!

Ты разрываешь сердца?
— Разорви.

1940

206. СМЕРТЬ (II)

Если прижимаешь к сердцу тень,
Если стал бесплотным милый облик,
Ночь бела, бессонная, как день;
Черен день, который солнцем облит.

1940

207

Спросите
И скажет вам каждый,
Серебряный и умудренный,
Что сердце непременно подскажет:
«Больше не будешь влюбленным;

«Друг мой, последнее это,
«Это к тебе не вернется.
«Как маленькая монета
«С черного дна колодца.

1941

208. СУДЬБА

Напала ты из-за угла.
В руке был нож,
Был мутный глаз.
Сообщниками:

Март и мгла
И ночи третий час.
И я упал,
И кровь лила...
О если б вся до капли пролилась!

1940

209

Счастье, друг мой, не в квартире,
Не в штиблетах,
Не в рубашках.
Если было б счастье в мире,
Можно жить и в мебелирашках.

Если б зависть в дружбе тесной
Не восхитила победу,
Можно, плохо пообедав,
Чувствовать себя чудесно.

И пьянеть бы очень мило
Без убийственного коньяка,
Если б милая рука
По рукам бы не ходила.

210

Там место не открытое,
Над белой вазой клен.
Душа моя зарыта там,
Где сын мой погребен.

Все кончено.
Отказано

Волненью горьких лет:
Ведь я лежу под вазою,
Гуляя по земле.

211

Теряй, что хочешь.
Все теряй.
Жену и славу,
Юность и друзей,
Теряй любовь,
Теряй детей,
Но совесть...
Нет!
Прошу тебя,
Молю тебя,
Ее не потеряй...

212

Тогда мне было двадцать пять
И грустный возраст ощущался далью.
Вот Киев,
И опять
Машина подвезла к «Континенталу»:
И тот же номер,
Маленький балкон
Повис над садом ресторана.
И я завидую судьбе знакомого каштана,
Почти совсем не изменился он.
Нет, нет!
Он стал повыше,
Я — потише,

Богаче он болтливою листвою,
Беднее я стихами и душой.

1940

213

Ты ведь жизни моей подруга,
Спим в одной неширокой кровати.
А что знаем мы друг про друга?
О душе что я знаю твоей?
Она в длинном застегнутом платье
С рукавами до тонких кистей.

214

Ты скажи мне, дорогая,
Синевою чистых глаз:
Значит — счастье убегает,
Легконогое, от нас?
Значит — что же — я с тобою
Говорю в последний раз?
Значит, я — дурак — без боя
Отдаю тебя сейчас?

215

Ты смотришь в окна, городская птица,
А как живут в других домах:
Смеются?
Плачут?
Ненавидят?
Лгут?
Что лунными ночами снится?

Что от мигрени принимают?
Все верные мужья и жены изменяют?
А судят по-соседски строго?
Поэтов любят?
А счастливых много?

1940

216

Цинична зрелость — возраст мой.
И как же ей не быть циничной,
Когда — владычествует деспотично
Слепое тело над душой.

217—218. ШУТОЧНЫЕ

1. ПОНЯЛА

Отойдя в тишину и в зарю,
Голову положив на колени ей,
Потеряв представление времени,
Говорю:
«Нет ничего лучше любви!»
«Милый, да...
Только страшно забеременеть».

2. СТАРОМУ ЭЙХУ

(басня об ордене)

Ты говоришь:
— Мечтаю я о нем не очень.
И вдруг:
Как рыбка —

Хвать свой орденочек!

Не смейся, Эйх, над карасем,
Себя, как в зеркале, увидишь в нем.

219. ТАМ

Кстати ли, не кстати ли,
Только вспомнил я:
Здесь мои приятели,
Там мои друзья.

Тут какие речи?
Скучные, ей богу!
Для желанной встречи
Соберусь в дорогу.

Там и выпить гоже.
Там вино, как пламень.
— Золотой Сережа,
Угости стихами.

Память не уснула,
Не опали листья,
Там и Жорж Якулов
При бессмертной кисти.

Речь картечи мечет.
Брызжут солнцем краски.
Что за человеке
Пикассо кавказский!

А в военный вечер,
В буревую пору

Прибыл Шершеневич
Для горячих споров.

Профиль древних римлян.
Яд сарказма в тосте.
Слышу я Вадима:
Зазывает в гости.

Где уж им до холода?
Пьют ведром искристым.
Это ж наша молодость —
Все имажинисты.

Там и мой Кируха.
Мой Кируха с вами.
Но об этом глухо:
Это страшный камень.

Кто здесь стон услышит?
Смерть не переспоришь.
Где успел, малыш ты,
Нахлебаться горя?

Ведь совсем зелененький.
А таланту было!
Ну а в здешнем звоне
К черту все постыло.

Может быть, им вспомнится
Наша дружба тесная,
Наша юность дерзкая
И дорога крестная.

Вот как мне сегодня
Вспомнился твой голос
И, скажу по правде,
Сердце расколосось.

Поднял твою лиру,
Тронул твои струны,
Моего далёкого,
Моего Сергуна.

Та ль повадка стройная?
Так ли я? Похоже ли?
Ах, какие струны
Были у Сережи!

А какое сердце!
Что за сердце было!
И такое сердце
Баба погубила.

В вашу честь, хорошие,
(Не было чудесней!)
На мотив Сережи я
Складываю песни.

Будет все, как было.
Лира золотая!
За столом вам, милые,
Сам и прочитаю.

1940-е

220

Я понимаю:
Время такое.

Счастье пошло на убыль.
Даже вот эта юная парочка
Тут,
На скамейке,
Возле левкоев,
Разве целуется?
Нет,
Выдает по карточке
Сердце свое и губы.

221. ЧТО?

Как дьявол, нынче зла.
— Молчишь?
Снег сбрасывают с крыш.
Весна пришла.

— Что? Втюрилась в кого-то кобла?
— Да.

1959

222

В пути. Еще в пути. Опять в пути.
Идти, идти, идти.
Что значит жить?
Быть может, это значит пережить?
И пережить уметь?
Найти и потерять. И потерять уметь.
С улыбкой о беде рассказывать,
Так, величавей делаются вязы,
Когда сентябрь их одевает в медь.

<1961>

ЗАГОВОР ДУРАКОВ

223. ЗАГОВОР ДУРАКОВ

ТРАГЕДИЯ

Действуют:

Анна Ивановна.

Герцог Бирон.

Граф Остерман, кабинет-министр иностранных дел.

Миних, фельдмаршал.

Ушаков, правитель канцелярии тайных розыскных дел.

Князь Черкасский.

В. К. Третьяковский.

Первый дурак.

Второй дурак.

Третий дурак.

Четвертый дурак.

Пятый дурак.

Шестой дурак.

Первая дура.

Вторая дура.

Третья дура.

Свита, гвардейцы, кавалергарды, карлы, карлицы, негры,

попугаи, таксы и пр.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Дворцовая зала. Гроб. В гробу лошадь.

1-й дурак

Веселые похороны! Замечательно веселые похороны!
Ручаюсь, что ни одна человеческая рожа не видела
В гробу такое огромное мертвое тело,
Такого величественного покойника.

2-й дурак

Смотрите, словно черные крылья воронов
Эти черные ленты венков.

3-й дурак

Любезные дураки, давайте надписи читать.
Сокрушается кто, о чем и как.

1-я дура

Ах, это была не лошадь, а узконогая мечта.

4-й дурак

И вдруг сдохла...

5-й дурак

Дохлая мечта!..

6-й дурак

Вы слышите, оказывается мечты тоже околевают.

2-я дура

Она скончалась у императрицы Анны на руках.

3-я дура

Императрица сняла гипсовую маску
С ее прекрасной лошадиной головы.

1-я дура

И благоуханнейшим бальзамом
Сама
Натерла мертвое лошадиное мясо.

2-й дурак

Будут потомки говорить: ну и дела творились
Во времена оны.

3-й дурак

Внимание, дурацкая камарилья!
Читаю надпись на ленте венка Бирона:
Хлыст и свинец человечесьему стаду —
Розы и привилегии дворянские
Конскому классу.

1-й дурак

Не мысль, а громада.

4-й дурак

Только в Муромском лесу
Возрастают такие дубы.

5-й дурак

Лжете, коллега, Бирон — дерево Курляндское.

2-й дурак

Как стрелы в колчан,
Как меч в ножны,
Язык за зубы.

6-й дурак

И я советую, почтеннейшие дураки,
До времени помолчать,
Небось не ахти как хочется виселицу в жены.

3-и дуры (вместе)

Кук-карреку кук-карреку кук-карреку.

3-и дуры (другие)

Кудах-кудах-кудах-ах.

3-й дурак

Живо, хвосты по швам,
Брюхом и полушариями не шевелиться,
Читаю вам
Надпись на венке императрицы:
Было радостней мне восседать на седле,
Когда нежно качал твой тугой хребет,
Чем на троне,
Который на Русской земле
Нерушимо стоит девятый год.

4-й дурак

Мне думается, что за звездным пологом

В голубой стране
Из орбиты от ужаса вылезает глаз у Петра,
Как синий медведь
Из ледяной берлоги.

5-й дурак

Разве не достойнейшая государыня несет скипетр,
Полный народными слезами, тяжелыми, как олово.

1-я дура

Гляньте, какая огромная упала звезда!

1-й дурак

Потому и огромная, что не звезда, а Петрово
Матерное слово.

6-й дурак

Сегодня языки, как красные тряпки треплются,
А завтра спины и ягодицы
Под кнутами будут визжать.

5-й дурак

К сожалению, так на земле водится:
Сначала кровью плачет революция,
Потом революционная вождя
До крови стегает жирные бока.

1-й дурак

Хорошо говорит собака,
Но пророчу, что лучше скажет через сотни лет
Мариенгоф в «Яви»

2-я дура

Откуда такие точные сведения?

1-й дурак

Получены с последней потусторонней почтой.

3-я дура

Я бы тоже вымолвила кое что,

Но очень не хочется околеть.

Три дуры
(вместе)

Ау-ау-ау-ау-ууу!

Три дурака

Тяф, тяф, тяф, тяф, аф!

Дуры и дураки

Тсс...тсс... ссс. он!.. он!.. он!.. он!..

Входит ТрEDIAковский

1-й дурак

Вот тот, кто стихами пьянствует,

Чья лира поет, как гром.

2-й дурак

Приветствуем нижайшими реверансами

Тебя, наездник дикого Пегаса.

Третьяковский

Друзья,
Я чрезвычайно счастлив видеть вас.

3-я дура

Как ты хорош сегодня, Третьяковский,
Твои глаза горят
Червонным золотом зажженных папиросок.

Третьяковский

Я только что от сладостной работы, —
Ковал серебряную цепь великолепной оды, —
На пламени мечты расплавленные звенья
Тяжелым молотом завязывало вдохновенье.

5-й дурак

А вот я бы,
Ей-Богу, не променял тугое пузо
Своей босоногой дворовой бабы
На сухопарый живот солнценосной Музы.

1-я дура

Медам, скорей зажмите уши.
А вы, милые мальчики,
Лучше не говорите таких неприличных вещей,
Иначе мы тут же повиснем у вас на шеях.

Третьяковский

Утишите страсти. Умерьте пыл.
Сегодня день надгробных возрыданий.
Хороним мы прекраснейшую из кобыл —
Любимицу великой государыни.

3-й дурак

Интересно: если протянет ноги
Гениальный Российский стихотворец,
Что будет твориться при дворе.
Будет ли роз и тюльпанов
У гроба так много,
Столь тонким полотном смертельное выслано ложе
И столь глубокий траур
У Анны,
У ея фрейлин и вельмож,
У дураков и дур.

Третьяковский

Не с царской же лошастью соперничать
Тому, кто вечное постиг.
О, судьба, острей точки
Железные мечи
Всенародной неблагодарности
И золотые тернии
На венце славы.

4-й дурак

Таким словам,
Такому смирению позавидует монах.

5-й дурак

Если у поэзии пламя грошовой свечи, —
Лучше идти века и века впотьмах;
Если народ — стриженное стадо овец,
Пусть погонщиком будет Бирон.

2-й дурак

Говорю тебе: будь нем, как
Рыба.

5-й дурак

Вы правы, дурак. Ибо:
Мы все только верноподданные трона,
На котором сидит дородная немка.

4-й дурак

Вы помните, когда Верховного и Тайного Совета
Кондиции

Подписывала императрица,
Когда Голицын с Долгоруким
Над тронем
Чертили ястребиные круги,
Готовясь раскромсать корону,
Как золотоперого бессильного цыпленка, —
Нашептывал вам мудро я и тайно:
Точите, граждане, республиканского оружия клинки —
Самодержавие,
Как беззащитный Авель,
Ждет справедливого удара Каина.

1-я дура

Тебе ведь никто не перечил.
Ну и точил бы и точил бы и точил бы.

2-я дура

Очень люблю слушать дурацкие речи.

4-й дурак

Легче с петлей сорвать
Кованные медью дворцовые двери,
Чем открыть дубовые лбы.

3-я дура

Слов у него сущая прорва:
Говорит и говорит и говорит и говорит...

Третьяковский

Я только рифм и метра опытный фельдмаршал.
Я лишь бумажные равнины чернильной кровью орошал.

3-й дурак

Поэт всегда на поле брани.

Третьяковский

Перо — не меч. Хотя острее бритвы, но не рубит.
Звенит, как сталь, а врага не ранит.

5-й дурак

И звонче,
И громче
Военных труб
Должно петь сердце стихотворца.

1-я дура

А как вы думаете, у стен во дворце
Есть уши или нет ушей?

Третьяковский

Лишь инсургентские войска тонического стихосложения
Умею мудро двигать я на syllabicеские римские полки.

3-я дура

Говорят и говорят и говорят без всякого толку.

2-я дура

Я слыхала, что нашим дуракам веревочные ошейники
Приготовили в награду за острые речи.

1-я дура

И поделом. Не устраивай в государевых покоях
Новгородское Вече.

4-й дурак

У одних язык в гортани как в колоколе:
Будто медь плачет — такая от слова жуть,
У других не поймешь — тряпка ли мокрая, войлок ли;
Говорят, а кажется, что пятки лизут

1-я дура

Не ругайся, милый, сама знаю, что дрянь я.

2-й дурак

Тсссссс... Государыня.

4-й дурак

Напоследок порадуетя пусть:
Дураками, как черным пушистым ковром, пол выслан.

5-й дурак

Важно ступает, а глаза качаются,
Как полные ведра на коромысле:
Так и плещется —
В одном похоть, а в другом глупость.

*Дураки расстилаются. Появляется: Анна,
свита.*

Остерман

Посмотрите, сколь великолепен венок Императрицы,
Каждая белая роза, как пышная слеза,
Того и гляди в печали упадет с зеленых ресниц.

Кн. Черкасский

А хризантемы фаворита.
Каждый цветок сама скорбь развеявшая седые волосы.

Анна

Приступим к молитве.
Дуры и дураки, печальную панихиду возголосите.

ПАНИХИДА

Служат два дурака и хор из дураков и дур

1-й дурак

Помолимся скопом, скопом
Тому, кто лошажьѣ души лопаает;
Помолимся зачатой без семени лошажьей мати
Об оставлении согрешений и о блаженной памяти.
Да простится усопшей всякое брыкание и фыркание
Вольное и невольное;
Да не опалит ее небесного гнева пламень
И присно и ныне
И во веки веков, аминь.
Да вознесется душа ее к страшному престолу,
Престолу славы,
Галопом;
Да уготовится ей на небеси покойное стойло
И сладкие травы.

Хор:

Помолимся лошажьему богу скопом.

2-й дурак

Воистину мятется на земле всяк:
Одному тяжелая кладь и горький знак,
Другому приятный овес
И резвится он задравши яко трубу хвост,
И токмо забудется суета всяческая

По вселении во гроб,
Идеже тогда вкупе рысак и кляча.

Хор:

Помолимся лошажьему богу скопом.

1-й дурак

Помолимся о причтении усопшей в недре, —
Где пасется благочестивый скот,
Где свят, свят, свят всякий мерин, кобыла и жеребец.
Прими же усопшию в лоно свое, лошालюбец,
Яко же ты воскресни и живот.
Молимся и тебе лошажья мати,
Прости усопшей вольные и невольные
Фырканья и брыканья.
Услыши нас творящих надгробное возрыдание
И сотвори: вечную память.

Хор:

Вечная память.

Вывос тела.

Занавес.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Поминальное пиршество

4-й дурак

Государыня, я не видел лучшего всадника, чем ты.
Но все же спросить тебя кое о чем позволишь.

Анна

Спрашивай.

4-й дурак

Почему не остановишь ты грозным тпру
Бревенчатые копыта
Деревень и сел, скачущих из России в Польшу.

Анна

Мой конь — Российская Империя. Его рысь и галоп
Послушен царской узде, мундштукам,
Шпорам и плети,
А ты о дворянских лошадях говоришь, остолоп.

Кн. Черкасский

Государыня, как вы прощаете дураку
Крамольные речи эти.

3-й дурак

Если на языки дуракам наложить колодки,
Милостивые вельможи будут плакать от жалости,
А не ржать
От шутовой щекотки.

5-й дурак

Кандальные песни каторжан
Тогда ползли бы как змеи из наших глоток,
А не веселые арии
В честь государыни
И Ваших Светлостей,
Ея Величества гостей.

Бирон

Ах, черные попоны, что свисают с лошадиных плеч
Траурный креп, в который конюшня успела облечься,
Пустое
Стойло,
Где еще хранятся следы
Ее копыт, закованных в золотые латы, —
Живописует все о бремени беды —
Все говорит о тяжести утраты.

3-й дурак

Каждому известна нежность сердца,
Что бьется под панцирем
Бирона графа Империи Германской —
От малейшего пустяка оно дрожит, как струна
Испанской гитары.
Рассказывали нам,
Что во время поездки по Курляндии, вместо
Испорченных мостовин
Граф приказал положить сенаторов,
Чтобы было мягче ступать коням.

Бирон

А вот и хлыста — шелк.
За слишком высокое обо мне
Мнение,
И осведомленность точную чересчур.

(Бьет дурака).

4-й дурак

Мнение
О Его Светлости не подлежит изменению.
И я на всех перекрестках кричал и еще
Кричу:
— Ей вы таковские дети,
Мудрые и глупые,
Тот кто порот и кто не порот
(Если и такие паче чаяния имеются тут),
Кто смеет не верить в графскую доброту,
Если каждый лошажий выхолненный круп
Тому живой свидетель.

1-й дурак

Граф Миних,
А тебе не требуются талантливые помощники
Бить турок.
По правде сказать, мне
Ужасно надоело звенеть шутовским кокошником
И каждое утро
Рожу штукатурить.

Миних

Расскажи нам,
Чем приумножишь ты императорские силы,
Подвиги мыслишь совершить какие.

1-й дурак

Перво наперво, папуся,
Я примусь
За укрепление Москвы.
Для этого немедленно взорву храм
Блаженного Василия.
Совсем как ты. Помнишь, когда при укреплении Киева
Золотые ворота Великого Князя Ярослава
Швыркнул в воздух.

5-й дурак

У дурака на плечах фельдмаршальская голова.

3-й дурак

Клянусь, велика несправедливость будет,
Если за то серебряную звезду
Тебе не пришпелят к груди.

Миних

И все же: ничтожна награда была б,
Но милостива Государыня на земле
И милосерден на небесах Бог;
Справедливость сегодня же опрокидывает на тебя
Свой Заздравный кубок,
И вино славы проливается на дурацкий лоб.

(Миних обливает дурака вином)

1-й дурак

Вот так же возлюбленный любимую орошает
И любимая становится матерью.
Девять месяцев бережет она во чреве тяжкую,
Но сладостную ношу.
Когда вызреет семя
Розовыми ростками протянутся к свету
Ручонки дитяти, —
Тебе, Миних, возлюбленный мой, я признателен весьма,
Славы плоть ты выплеснул на мою глупую башку.
А разве голова
Не похожа на чрево
И в костяном животе своем
Она
Не вынашивает
Тяжелое слово...
Хотите ли, фельдмаршал, не хотите ли
(Волю Господа не преломит воля ничья) —
Отныне вы стали родителем
Моих будущих дурацких речей.

5-й дурак

Когда плоть голодна —
Страшнее волка
В берлогах кроватей зубами она
Щелкает.
Ей Богу, своими ушами от перин и одеял слышал,
Что любовь один крик знает: мяса и жира.

Всякие нами браки
Видены и перевидены:
Провожали Педрилли с козой за брачный полог,
А потом пьянствовали на крестинах.
В Ледяном доме справляли свадьбу
Русского князя
С калмыцким чучелом,
Но чтобы фельдмаршал Миних
Стал родителем словесных детей дурака,
Мы не —
Слыхали еще о такой оказии.
Вашей графской светлости,
И вашему дурацкому ничтожеству
За гениальную выдумку бью челом.

Анна

Мне нравится эта затея.
Итак:
Я хочу чтобы —
За сегодняшним пиршеством нашим дуры и дураки
Выбирали себе женихов и невест
Из высокопоставленных особ.
Приказываю: не церемониться в комплиментах;
Смело изливаться в любовной лирике.
Дорогие гости, за веселую потеху осушим кубки.

1-я дура

Музыку!

Бирон

Ваше Величество, шутовское поминание

Превратится в словесную рубку.

Анна

Вам ли бояться, герцог,
Кривых сабель дурацких языков.

Бирон

Государыня, у меня
И у кабинет-министров
Очень чувствительные сердца.

2-й дурак

Люблю подобные бракосочетания,
Слава мужу. Слава жене.
Словно со щитом щит
Встречаются два живота.
Губы к губам так же нежно льнут,
Как к мечу меч
Во время сражения.

2-я дура

Объявляется во всеуслышание.
Сегодня:
Вино — сват,
А красноречие —
Сводня.

1-я дура

Государыня,
Тебя хочет спросить об одной малости ничтожная раба.

Анна

Не бойся, дура, точи лясы.

1-я дура

За слишком горячую любовь
Не будет ли
Ушаков,
Правитель Тайной Канцелярии,
Нас таскать
В опочивальню,
Где кровать — дыба,
Подушка — колесо,
Где обнимаются с петлей,
А целуются с розгой.

Анна

Устанавливаю и скрепляю рескриптом монаршим
На сегодняшнее поминальное пиршество наше:
— Свободу слова, совести
И вероисповеданий.

4-й дурак

Отмени, Государыня,
Будет невероятно трудно с первым утренним звоном
Петушинных арий
Сказать: «до свидания».
Нет хуже: «прости!»
Дарованным вольностям.

3-й дурак
(к 1-й дуре и к 1-му дураку):

По приказу Ея Императорского Величества
Тебя дура выбираю в сваты!

1-я дура

Поверь голубчик, уж я-то
Косточки невесты языком переберу
За совесть, а не за страх.

Анна

Предложением сердца и руки
Кому оказываешь великую честь.

3-й дурак

Аппетиты у меня, Государыня,
Шире и глубже поповских карманов.
Зарюсь, не больше, ни меньше, как на кабинет-министра
Иностраннных дел, Графа Остермана.

Анна

Выпьем дорогие гости, за счастливый исход
Дурацкого сватовства.

Остерман
(Кн. Черкасскому)

Знаете, князь, еще не началась потеха,
А уж в горло не лезут императорские яства.

Остерман

Я молвил о том, что чрезвычайно

По нраву
Мне пришлось затеянная Государыней игра.

Кн. Черкасский

Еще говорил граф,
Что никогда не казались ему столь вкусными
Царские кушанья,
И столь приятным царское вино.

1-я дура

Знаешь ли, прекрасная невеста, какое счастье ждет тебя.
Чур, под строжайшим секретом:
— Твой жених владеет несметными сокровищами:
В груди у дурака
Зарыт красный ящик,
Доверху набитый червонцами человеколюбия
Вот здесь — в костяном чердаке
Хранятся древние свитки, пергамент и папирус
Змеиной мудрости.
Его глаза проникают в самые дебри леса
Самой непроходимой души,
Туда, куда не забраться даже самому Ушакову,
Правителю Тайной Канцелярии Розыскных дел
Со своей дыбой и колесом.

4-й дурак

А до меня дошли слухи, что девица Остерман —
бесприданница.
Что 30 тысяч славянских штыков на берегах Рейна,
И гром копыт русской конницы,
Заставивший польский сейм

Избрать угодного нам короля,
Все это не больше, чем маскарадная чепуха.
Я не знаю, быть может, болтают зря,
И девица Остерман храбрее льва.
Передаю, что слышал. Мне говорили: будто арабские
скакуны

Персидского шаха
И кривая сабля
Турецкого визиря
Не раз заставляли втихомолку всплакнуть
Возлюбленную дурака.

Кн. Черкасский

Государыня, в железную силу твоей державы
Смеют не верить
Дураки и дуры.

Бирон

Государыня, они издеваются
Над могуществом великой страны.

Остерман

Слушайте, сват и сваха: сама Небесная Империя
Впервые шлет послов своих в Санкт-Петербург,
Сыны Восходящего Солнца — остроскулые китайцы
Несут дары к подножию Российского трона.

Входит Ушаков

Ушаков

Ваше императорское Величество, имя под приговором
поставь.

Анна

Не хитер ты на выдумки, Ушаков:
Этого четвертовать, того четвертовать,
А ты бы кого —
Ну, частей на восемь разделил что ли,
А экземпляр редкостный можно и на сто.

Ушаков

Твоя, Государыня, воля:
Пиши сто под первым,
Восемь под вторым.

1-я дура

Поди потом собирай
Частички,
Когда воскреснешь из мертвых.

2-я дура

Только бы воскреснуть, а на косточки начихать.

3-я дура

Ушаков,
Я слыхала, что Императрица Анна
Жалует тебе звание:
— Первого поставщика дур
Ада и рая.

Анна смеется. Подписывает приговор.

Ушаков уходит.

Анна

Я видела: за поминальным пиром
Пытался каждый облегчить
Мою печаль
О погребенном друге.
Граф Остерман, фельдмаршал Миних и Бирон
Меня от черной мысли защищали
Кинжалом острой речи.
Когда подкрадывалось осторожным зверем
Воспоминанье —
Капканы шуток расставляли дураки
И хищник гиб.
Лишь ты один, придворный наш пиита,
Как в рот воды набрал.

Тредиаковский

Ах, государыня, сквозь ребра
В грудь,
Как вор, закрадывалось медленное вдохновенье.
Густое алое вино
Оно по каплям, как скупец, вливалось
В коралловый
Стакан.
Но вот, сейчас, трепещущее сердце
Полно до золотых краев.
Позволь же выплеснуть к твоим стопам,
Императрица Анна,
Огонь вдохновенной оды.

Анна

Твои стихи — всегда
Приятны были нам.

Тредиаковский

Звени, звени хрустальный альт стаканов —
То льет восторг покорная держава,
Тебя — сияющей короной увенчанную
Поет на флейте радостная слава.
Не блеском скипетра и митры и порфиры
Сиять в веках правленью Анны.
Поет за доброту тебя серебряная лира,
Поют за разум бубны и тимпаны.
Лишь мудрым рулевым ты встала у кормила —
Средь волн бестрепетно поплыл корабль России.
Несчастную страну счастливо воскормили
Твои, Царица, розовые перси.
Сосцы своих грудей, тяжелых молоком и салом,
Ты вкладывала трем младенцам в нежный рот.
О, Государыня, тебя сосали
Пехота, кавалерия и флот...
Другой любви, иных зачатий пришла весна потом.
И вот — вторично оценилась сука.
Не ты ли греешь теплым животом
Политику, искусство и науку.
Сильна твоя держава.
Широко, как врата, раздвинуты у монархини ноги,
На двух материках ступни стоят,
России царственную тогу
Покорно лижет Балтика и Каспий.

Анна

Иди сюда, безумный стихотворец, и мзду
Достойную
За оду получай.

(дает пощечину)

Третьяковский

О государыня, я благодарность заслужил иную.

Бирон

Глупец, благодари своей судьбы звезду,
Что дело обошлось без палача.

Занавес.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Ложа заговорщиков

1-й дурак

Гнев Государыни, что августовский ветер,
Который опрокидывает пасмурное небо,
Как черное тяжелое ведро.

2-й дурак

Себе на голову. На голову себе.

3-й дурак

Не мелкий дождь, а ливень отомщенья.

4-й дурак

Пусть костяную глыбу царственного черепа
Он смое с белого утеса шею.

Третьяковский

Царица опытный стрелок. Охотничью дробь
Она без промаха вонзает в сердце зверя.

Царица метко бьет тетеревов,

Царица метко бьет оленя,

Но разум — разум человеческий

Не по земле бежит на четырех копытах,

Не вьет гнезда в болотах и на деревьях.

Пусть монархиня попытает

Искусным выстрелом задуть хотя одну свечу

На черном канделябре неба.

Я трижды верую, что огонь вдохновенья

Не погасить позорной оплеухой.

5-й дурак

Умей понять разноязычье Вавилона:
И деревянный шепот хат,
И медный зык суровых колоколен,
И каменную хрипоту казарм.

Тредиаковский

Я слышу скрип ярма,
Я вижу слезный дождь копеек и грошей,
Что падает на жестяное дно тарелок
Под песни странников,
Сбирающих на церковь.

6-й дурак

Пусть брызнет кровь
Из обезглавленной прозрачной шеи
Анны.

1-й дурак

Поставим мы на лобном месте
Сей восхитительный фонтан.

2-й дурак

Солдаты, бедняки, крестьяне —
Как черная метель
Народной мести
Над белыми Московскими стенами.

Тредиаковский

Я мститель.
Но меч из ножен выну не ради угнетенной черни.

Что мне в раскрепощении рабов.
Еще вчера живая грудь —
Сейчас подобно костяному гробу
Обтянутому кожей, как золотой парчой —
В ней оскорбление (не холодный труп,
А естество горячее).
Пятивершковыми гвоздями заколочено.

3-й дурак

Так не годится, вождь.
Для врага:
Кольчуга, щит и шлем.
Перед друзьями ж обнажают грудь и сердце.

4-й дурак

Мы все бы знать хотели:
Почему
Хватаешь зверя ты за острые рога.

5-й дурак

Не рассердись.
Не любопытства ради тебя мы ловим неводом вопроса.
Когда б открылся ты, вдвойне влюбленные
Пошли бы мы и к алтарю и к плахе.

6-й дурак

Мы в страхе:
Пред нами вновь пылает образ
Разноязыкого столпотворенья в Вавилоне.

Тредиаковский

Приходит осень. Жесткой лапищей
Коричневые косы туч суровый ветер рвет.
Средь облачных могил нечеловечьего кладбища
Созвездья как кресты, луна — червонный купол склепа.
Любовь в гробу.
Так возрыдай же кровью
И вознеси свой труп на тот погост, поэт.
Так учит нас с детства вдохновенье,
Такую песнь поет нам муза, качая колыбель.
О, Муза. Муза.
Единственная мать, кормилица и повитуха...
Растет дитя. Запоминает розовое ухо,
Как вешние лучи звенят,
Как радостно играет
Март
На дудочках капелей...
Года идут, как льдины в половодье.
Поэта полноводный разум
Крутые топит берега.
Чтоб сочной зеленью луга
Одеть,
Чтоб напоить дубы и клены и березы...
Как дерево взамен девичьей кожи
Сурово одевает бронь коры —
Так тело юноши оделось в мускулы и мясо
Мужа.
И вот: тяжелое гусиное перо
Подъемлется как легкий скипетр...
Народы как песок:

Их заливают воды бедствий.
Страдания — горячий ветер
Их носит по пустыням на двух горбах.
Лишь Музы сын не в табуне: он сам пасет и ветры
и моря.

Нам горький плач полей и пашен внятен,
Когда по ним проносятся смерчи,
Вздыхая мглу собачьими хвостами.
Давным давно при Грозном Государе
Так рыскала опричнина
Голодной волчьей стаей
По нищенской Руси на бешеных конях...
Нависли горы снежными бровями.
Сосны, кедры, ели,
Как непролазные ресницы.
И все ж: сквозь эту темь поэт провидит мысль,
Которую лучит зеленый взгляд земли...
Какое дело мне, когда ревмя режут
Крестьяне,
Когда дворовых девок порют на конюшнях.

1-й дурак

О, мне понятна мысль твоя:
Пунцовым пламенем свечи
Расцвел румянец оплеухи
Не на щеке Василия Кирилловича,
А на лице стихии.

Тредиаковский

Как человек я оскорбление принял бы тихо,
Невидимо для всех лишь прорыдал бы в подушек пух,
Но тот позор зовет к цареубийству.

2-й дурак

Коль слышал ты в младенческую пору,
Как вешняя капель на дудочках играла,
Сейчас не можешь быть к страданью глух,
Когда оно стучит по человекам, как по дубам топор.

4-й дурак

Воя я: еврей из Португалии.
Бежал от иезуитских лап.
И что же:
Попал прямехонько из польмя в огонь...
Когда озлить хотят цепного пса —
Хозяин рубит хвост ему и уши,
Империю хозяйка отрезала мне бороду и пейсы,
Одежду прадедов сняла,
Чтоб осчастливить шутовскою тогой
И золотым крестом неверного жида.

3-й дурак

Хотя не долог счет
Годов,
Что протекли на родине,
Но все же:
Их память — в сердце берегу я —
Так золото скупец в подвалах бережет
В моей стране снега и льды медведя толще, —
А медведь
Белее снега и белее льдов.
Из самоедской низкой юрты
В одном мешке с щенками
Меня привез боярин в Петербург.

2-й дурак

Простолюдин, прохожий на проспекте
По цвету кожи
Каждому Вам брат.
Скажите: думает ли кто,
Что есть душа и может быть
Она белей
Лебяжьих крыл
И черномазого урода негра.

5-й дурак

Мной забеременела мать на княжеском пуховике,
А родила под розгою на псарне.

6-й дурак

Я сын Венецианской черни.
Предсмертный крик Российской Государыни
Пусть сотрясет палаццо дождей.

1-й дурак

Твой меч за мертвое — наш меч за человека.

2-й дурак

Российский двор за все и вся
Заплатит дорогой ценой.

Дураки одновременно

Да здравствует дурацкий интернационал
Во веки и отныне.

4-й дурак

Содружество поэта с дураками в столетиях грядущих —
Славься.

Тредиаковский

Когда замыслил Петр Первый
Воздвечь Российский флот —
Славянского могущества опору, —
Он царский снял кафтан и на голландских верфях
Учился трудному искусству — молота
И топора.
Вожди и Братья,
Ваш замысел тяжельше во сто крат.
Сучкастые кривые деревья и человеки одно и то ж.
Уверены ли Вы, что Ваша мудрость
Народ построит как корабль.
Из бревен выстругает доски гладкие, как кости.
Из сосен вытешет трепещущие мачты.

Дураки

Мы веруем. Мы веруем. Мы верим.

6-й дурак

Нас шесть и каждый, что гранита глыба.

4-й дурак

При этой твердости телес,
При этой квадратуре лба
Ужели не воздвигнем крепость
Юродивой мечты.

Тредиаковский

По духу братья, по мудрости — вожди.
В знак отвержения гордыни снимите верхние одежды.
Плащ мастера и пеструю хламиду,
Сложите здесь у ног моих мечи.
Чтоб хищная беда,
Предательство и зло
Не заклевали заговор
Свершим обряд святого посвященья
И души свяжем, как гордиевым узлом.

3-й дурак

Мы костяные пчелы. Россия улей.
Храни, поэт, сладчайший мед — дань мудрости
И дань
Труда.

Тредиаковский

Вождь молота и плуга, вождь глобуса, вождь циркуля,
Меча, секиры и креста, —
Приказываю Вам языцы вынуть изо рта,
Как стрелы из колчана.

(Дураки высовывают языки).

Жестоким именем стихии, безгрешным именем народа
Кладу: печать молчания.

*Тредиаковский прикладывает печать молчания,
потом берет с жертвенника молот и возносит
его над головой 4-го дурака.*

Вождь молота и плуга за мною повторяй
Слова ненарушимой клятвы:
— Клянусь быть верным сыном заговора...

4-й дурак

Клянусь быть верным сыном заговора.

Третьяковский

...И жизнь и совесть и отвагу
Бесслезно предаю в царубийственные руки.

4-й дурак

И жизнь и совесть и отвагу
Бесслезно предаю в царубийственные руки.

Третьяковский

...Пусть сгложет сердце тьма,
Пусть сей же миг проломит молот темя,
Коль изменю хоть помыслом
Иль словом
Революции.

4-й дурак

...Пусть сгложет сердце тьма,
Пусть сей же миг проломит молот темя,
Коль изменю хоть помыслом
Иль словом
Революции.

Третьяковский

(приставляя острие меча к груди первого дурака)

Клянись!

1-й дурак

Клянусь в слепой и черной ненависти
К Империи
И трону,
Клянусь быть верным сыном заговора,
И жизнь, и совесть, и отвагу...

При последних словах голос 1-й дуры

Откройте двери, двери, двери.
Будь проклята судьба, что сделала меня вороной
Каркающей
Вести
Роковые.

Входит

1-й дурак

Пусть, как паршивую овцу
Заколет меч
Меня,
Когда хоть помыслом
Иль словом
Восстанью изменю.

1-я дура

Смерть мерзавцу.
Смерть доносчику.

(Толкает первого дурака на меч).

Не взвизгнув сдохла мерзкая собака.

Тредиаковский

Спокойствие, вожди.
Ведь наше тело не желтый июльский колос,
Чтоб пагубная весть
Как ураганный дождь
Его сломать могла.

4-й дурак

Метлой сгребает ветер облака
И чингисхановой татарией
Над Русью виснет туча —
Пламя неудачи
Лишь крепче закалит седую сталь карающих ножей.

1-я дура

Мой полюбовник Ванька-Каин выкрал донос
Из тайной канцелярии.
Дело рук вот этой умытой кровью роби.
Читай...

2-я дура

Несчастье! Несчастье! Несчастье!

(вбегает).

Тредиаковский

Не голоси. Мы все готовы —
К смерти.

2-я дура

Юродивую Анастасию, что веще говорила на
папертях
О смене солнца, народ к дворцу сзывая на девятое,
Сграбастали пострелы Ушакова...
Сейчас они у Спасских проклятых ворот
Говядину с хребта и оголенный зад уже грызут
Беззубым ртом
То батоги, то кнут.

Третьяковский

Народа память почести воздаст
Великомученице Анастасии.
Чернильной слезой ее оплачет
Мое перо.
Но в этот час —
Пустую жалость
Выгоним из сердца прочь.
У каждого из заговорщиков над головой висит
Секира палача.
Твердая рука немедля отвести должна удар.
Иначе хрустнет кость
Тугого позвонка.

3-я дура (вбегая)

Спасайтесь, граждане.
Спешите унести
Отсюда
Свои серебряные кости

И теплую говядину.
К республиканскому гнезду
Летят два коршуна —
Бирон и Ушаков...
Сейчас на площади неиствует толпа:
Двух карлиц смяли графские кобылы.
Чтоб выиграть несколько минут,
Чтоб вас предупредить успела я —
Под тяжкие копыта
Перекрестясь легли святые дуры.

Дураки и дуры стремительно разбегаются.

Несколько секунд Третьяковский один.

*Потом снова по одному, по двое появляются дураки
и дуры.*

2-й дурак

Мы в западне.

3-й дурак

В ловушке мы.

6-й дурак

Всему и всем конец.

Третьяковский

Спокойнее, друзья. Спокойнее, спокойней.
Умели бунтовать, умеете ж встретить смерть
Насмешливо и гордо,
Как подобает то сынам богемы.

5-й дурак

Безумие на что-либо надеяться.

4-й дурак

Хоть раза в три будь меньше и проворней мыши,
Отсюда все равно не вылезешь.
У каждой щели словно кот сидит кавалергард
Или гвардеец.

2-й дурак

Проклятье дьяволу.

3-й дурак

Что говорить:
Искусные ловцы, умелая облава.

4-й дурак

Судьба всегда умна и справедлива —
Красавице
Она
На
Шею
Вешает
Брильянтовое ожерелье
А взбунтовавшимся рабам — ременные арканы.

6-й дурак

Под царские светлые очи
Анны
Нас приведут, держа сурово под уздцы...

1-й дурак

...а может быть под жабры...

6-й дурак

...не кучера, а палачи.

5-й дурак

Должно быть такое же бывает самочувствие
У пойманного степного жеребца:
Копыта распирает гром.
Гриву и хвост гнев пенит,
А ноздри напичканы пламенем.

2-я дура

Чтоб убедиться в обмане:
Советую высморкаться.

Тредиаковский

Говорю вам:
Довольно точить лясы —
Слушайте и повинуйтесь:
Рабочая и мощная рука
Властительного рока
Сурово повернула удачи колесо:
Не более как час тому назад
На страшные весы
Мы череп Анны
Бросили.
Мы взвешивали головы
Бирона, Миниха и Остермана.

Увы.
Дурацкую мечту поэта
Перетянула золотая
Литая чаша
Империи...
Как вылезает змей из чешуи,
Уйдем и мы без слез из праздничных одежд.
С плеч долой пурпуровые мантии
Вождей.
Тяжелый меч пусть не прильнет к бедру.
Расстанемся с кинжалом и пистолетом...
Позвольте, други,
Приветствовать Василию Кирилловичу Тредьяковскому —
Ее Величества Императрицы Анны — стихотворцу,
Придворных дураков — комедиантов.
Вот эти два стола заменят нам подмости...
Кровь и сажа прекрасный грим...
Сюда плащи... чудеснейшая декорация...
Ты арлекин... ты панталоне... коломбина...
Доктор... Дапертутто...
Здесь... тут и тут...
Великолепнейшие мизансцены...
Импровизируем комедию —
Хотя бы... ну — ПОЮЩИЙ
И ТАНЦУЮЩИЙ ЖИВОТ.

(дуры и дураки входят в роли)

Теперь нам некого и нечего бояться.
Ловчие императрицы взамен свирепого медведя
Найдут в берлоге домашний мирный скот.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Опочивальня Анны Иоанновны. В глубине постель
на которой будто бы больная императрица.

4-й дурак

Государыне очень не можется,
Государыня очень нездорова.
Лечили немецкие доктора
Индийскими кореньями и китайской травой,
А государыне все не легчает.
Любезные дураки и дуры,
Его светлостью обер-камергером
Всяческие обещаны нам награды,
Если каким-нибудь дурацким манером
Сделаем так, что станет Государыне лучше...
Жи-во-о-о. Становись для чехарды,
Такие — сякие — чертовы чучелы.

(играют в чехарду).

Дуры
(хором)

Прыгай дьявол, прыгай бес
От земли и до небес,
Бабки-ведьмы рыжий пес,
Прячь в карман рога и хвост.
Прыгай леший, прыгай черт
Через голову и горб.

1-я дура

Если встретишь по дороге
Таракана или муху,
Раздави дурацким брюхом, —
Если встретишь мышь иль крысу,
Придави башкою лысой.

(Хором)

Прыгай дьявол, прыгай черт
Через голову и горб.

2-я дура

Если на пол по несчастью
Сядешь самой задней частью,
Ку-куррекуй на полу
Ерундячую хвалу,
Славославье задней туши
Ку-куррекай по-петушьи.

(Хором)

Прыгай дьявол, прыгай бес
От земли и до небес
Бабки-ведьмы рыжий пес,
Прячь в карман рога и хвост.

4-я дура

Но не вздумай не взмечтай
С высоты пятиаршинной
Землю рыть горбатым носом,

Обративши нос в поднос,
Или в форму пяточка,
Будешь выглядеть свиной,
Хуже нет свинячьей славы.

(Хором)

Прыгай леший, прыгай дьявол
Через голову и горб
Прыгай дьявол, прыгай черт.

2-я дура

Милые дурачки,
Довольно чехардою заниматься.
Как вы там ни старайся,
А таксики Государыни
Даром, что криволапые все,
А куда занятнее вас в прыжках и кувыркании.
Милые дурачки,
Давайте играть в петушков и курочек.

2-й дурак

Я негритянский петух,
А добиваюсь сердца испанской курицы.
Кто желает, дамы моей оспаривая благосклонность,
В поединке бездушном
Искусством бойца помериться.

2-й дурак

Довожу до вашего сведения, что в курицу эту
С давних пор я нежно влюблен.
Господин негритоский петух,
С радостью принимаю вызов ваш петушиный.

5-й дурак

Курица рябенькая, горбатенькая
Самая, что ни на есть, моя законная супруга.
Который год сидим вместе
В одном курятнике,
На одном нашесте, —
Никто, как я законный отец
Ее желтопузых цыпляток.

6-й дурак

Довольно птичье общество морочить.
Заявляю честно и просто,
Я интимный друг вашего курятника.

5-й дурак

Что? Это правда? Ты — мне — законному мужу
Изменяла, проклятая,
С вертихвостом
С вертопрахом этим.
К оружию!

6-й дурак

Видно очень захотелось повариться во щак
Старому петуху.

Ну, что же собирай перья и потроха.

2-я дура

Ду-ду! Ду-ду! Ду-ду!

Дураки, зачинайте петушиное побоище.

Дуры
(хором)

Пикой — клюв, хвост — трубой,

Петухи вступили в бой.

Даме сердца рыцарь верен,

Не жалеет пух и перья.

Честь спасая петуха,

Не жалеет потроха.

Пикой — клюв, хвост — трубой,

Петухи вступили в бой.

Птичья страсть горяча,

Льется кровь в три ручья.

Колют сверху, снизу, сбоку,

Льется кровь в три потока,

Славься! славься! славься, Анна,

Льется кровь в три фонтана.

5-й дурак

Рана, смертельная, рана!

(Падает на спину)

О доблестный победитель

Услыши мольбу, что шепчут бледные губы
Сраженного врага:
Наступи каблуком на петушиное пузо,
А если любишь турецкую музыку,
Бей по нему как по барабану —
Это же, право, занятие гораздо более веселое,
Чем всаживать прямо в пуп
Победоносную шпагу.

3-й дурак

Я тоже сражен.
О, победитель, вложи свой меч
В ножны.
Что тебе в смерти
Ничтожного дурака императрицы Анны,
Когда его живот
Также обладает всеми достоинствами
Турецкого барабана.
Отчего бы
И не попробовать извлечь
Из инструмента того
Мелодию нежного мэнгуэта
В честь обер-камергера Бирона.

2-й дурак

Любезный дурак, как тебе нравится затея эта.

6-й дурак

Я никогда не жаждал смерти и крови.

2-й дурак

Итак, побежденные, мы принимаем ваши условия.

*(Садятся верхом на дураков и на их животах
играют менуэт. Дуры танцуют).*

4-й дурак

(У окна с 1-й душой)

Смотри: течет, течет
Бурливая толпа народа
Из мрачных рукавов, и улиц, и проулков.

1-я дура

Как пастухи стада,
Пригнали их пророческой клюкой
Сюда
Юродивые и кликуши наши.

4-й дурак

Мне кажется, что прогибается спина моста
Под тяжестью многоголовой ноши.

1-я дура

Так травы облаков
И вилами и граблями ветров
В единый стог
Сбирает буря.

4-й дурак

Когда ладони черные, вдруг, возлагает

Грозовая туча
На голубое темя небосвода —
Ползут оттуда и отсюда
К широкой гавани
Рыбацкие суда...
Предупреди вождей, что близок час.
Спокойно брошу железный якорь я
В багряный омут сердца
Императрицы Анны.

1-я дура

Дай Господи удачу!

4-й дурак

Необычайное спокойствие и тишина
Сегодня во дворце.
Я осмотрел посты и караулы.
Как всегда: кавалергарды и гвардейцы.
Растягивая в дурацкую гримасу скулы,
Я с ними заговаривал о их любви и преданности
Трону
И короне —
И вот всегда насторожившиеся уши
В ответ впивались с жадностью и наслаждением.
Баранью мозговую кость
Голодный пес смакует меньше.
Почти что все,
Как дождевые бочки в сентябре,
Стоят полным-полнехоньки:
Желчью.

1-я дура

Ненавистью,
Недовольством.
Ты думаешь, что нож меж ребер...

4-й дурак

Сдохнет —
И ни единая слеза...

1-я дура

Молчи!

4-й дурак

Иди-скажи,
Что это шутотрагическое представление
Последнее.
Пусть твердо помнят мизансцены
И всякий жест,
И всякое размеренное па
Танцующего над головой ножа, —
А завтра — заседание в сенате,
Дела в коллегиях...
Ступай.

(Вдруг: три гула от трех ружейных залпов)

4-й дурак

В них... по народу... О, Господи, три раза...

3-й дурак
(подбегая)

Черт побери,
Как будто бы не вовремя открыла занавес
Какая-то невидимая черная рука.

4-й дурак

О, этот крик!

3-й дурак

Так не ревет коровье стадо, застигнутое бурей...

4-й дурак

Глуши грозу гроза!

(4-й дурак делает знак дурам и дуракам — должно совершиться убийство Анны Иоанновны, но в тот момент когда два дурака подбегают к постели императрицы, вместо нее из-под одеяла выскакивает Ушаков: на голове парик, под женской рубашкой кольчуга. Ушаков в воздух стреляет из пистолета. Сейчас же выскакивают из шкапов, из-под кровати и диванов гвардейские офицеры).

Ушаков

Цареубийц хватать живьем!
Живьем их брать!
Гвардейцы, вы отвечаете

За кости их и мясо...
Что вздумали проклятые рабы —
Священной царской кровью
Ножи омыть.

2-й дурак

вскакивая на подоконник

Братья! братья!
Сюда!
Пламя ярого восстания
Рвёт
Императорские стены...

5-й дурак

Что мы — мы только хворост и солома.
Раздувшееся брюхо пожарища
Хочет пищи...
Сюда, на помощь!

Ушаков

Заткнуть им пасти,
Пасти волчьи
Их заткнуть...
Ту сволочь
Выстегают всласть
Свинцовыми кнутами
Преображенцы.
А с этими хочу иметь особый разговор в застенке.
Пусть переженятся:

Колеса с дурами, а дураки на дыбах.
О, это будет замечательная свадьба.

(Дураки и дуры сопротивляются, — ранят несколько гвардейцев. 5-й дурак выбрасывается из окна, 4-й закалывается — все остальные, в конце концов, связанными сваливаются гвардейцами в одну кучу).

На кабанов, козюль, волков, оленей
Охотится Ее Величество в лесах своей Империи.
Случается, что не слезает
По 36 часов с коней
Ни государыня, ни ловчие, ни свита —
Зато в Европе нет монарха,
Которым самолично было бы убито
Такое множество зверей.
Так вот, любезные — я Ушаков,
Правитель тайной канцелярии,
Тоже: ловчий
Ее Величества Императрицы Анны.
Двуногих хищников выслеживают и загоняют
Мои борзые лягаши
И понтера.
Не 36 часов, а 36 ночей и дней
Выслеживая вас я не сходил с коня.
Случалось так, что лапу или хвост
Защелкивал капкан,
Но — острыми зубами железные клещи
Перегрызали вы
И по-добру-здорову уносили ноги.
Однажды мой собачий нюх и соколиные глаза

Нащупали берлогу.
Думалось, к желанному концу вот вот приходит травля.
Ан — нет:
Конец оказывался — в небе журавлем.
Меня
И обер-камергера вы соизволили тогда
Комедией потешить очень.
Что говорить, двуногая лисица
Перехитрила замечательно
Собак и ловчего.
Зато теперь...
Идите, капитан, просить Императрицу
Принять добычу.

Конец трагедии

Закончена 4-го августа 1921 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

Творческое наследие Анатолия Мариенгофа весьма обширно, и поэзия занимает в нем важнейшее место. Начав публиковаться в Пензе, в 1918 году, он вскоре стал одним из наиболее издаваемых поэтов Москвы. В послереволюционные годы, когда бумажный голод ощущался даже в государственных учреждениях, одна за другой выходили его книги. К середине 20-х годов он уже был автором 9 книг стихов:

Витрина сердца. [Пенза]: «Див», 1918.

Магдалина, М.: «Имажинисты», 1919.

Кондитерская солнц. М.: «Имажинисты», 1919.

Стихами чванствую: Лирические поэмы. М.: «Имажинисты», 1920.

Руки галстуком. [М.]: «Имажинисты», 1920.

Тучелет: Книга поэм. М.: «Имажинисты», 1921.

Развратничаю с вдохновеньем. Поэма. М.: «Имажинисты», 1921. (Загл. на обложке: «Мариенгоф развратничает с вдохновеньем»).

Разочарование. [М.]: «Имажинисты», 1921 (на обложке указано «1922», датируется по помете В. М. Жирмунского на принадлежавшем ему экземпляре поэмы, хранящемся в настоящее время в библиотеке ИРЛИ («Пушкинский Дом»).

Стихи и поэмы: 1922—1926. М.: «Современная Россия», 1926. (Загл. На обложке: «Новый Мариенгоф»), — а также трагедии в стихах «Заговор дураков» (М., 1922), нескольких книг детских стихов и многочисленных публикаций в поэтических сборниках, журналах и газетах: «Явь», «Жизнь и творчество русской молодежи», «Сирена» (Воронеж), «Гостиница для путешественников в прекрасном», «Золотой кипяток», «Знамя», «Известия», «Конница бурь», «Имажинисты», «Харчевня зорь» и др.

С середины 1920-х годов Мариенгофу становится все труднее печатать свои стихи. Он переключается на прозу и драматургию. Однако стихи продолжает писать. Во время войны, в эвакуации, он издает две книги с поэмами и балладами военного времени (обе — Киров, 1942).

Поэтическая работа Мариенгофа продолжается и после войны. Однако вплоть до самой смерти, последовавшей в 1962 году, ему так ничего и не удается опубликовать из своих стихов. Эти стихи, писавшиеся «в стол», хранятся, в основном, в РГА-ЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства, Москва, ф. 2269) и в ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, ф. 465).

Из посмертных публикаций стихов Мариенгофа необходимо назвать книгу: *Неизвестный Мариенгоф: Избранные стихи и поэмы 1916—1962 годов / сост., подгот. текста, примеч., послесловие Александра Ласкина. СПб., 1996* — и подборку стихов Мариенгофа в книге: *Поэты-имажинисты / сост., подгот. текста, биографич. заметки и примеч. Э. Д. Шнейдермана. СПб., 1997. С. 195—290 (Б-ка поэта. Б. С.)*.

В настоящее издание, являющееся на сегодняшний день наиболее полным собранием стихотворных произведений Мариенгофа, вошли его стихотворения, поэмы и трагедия — как вошедшие в его основные сборники, так и оставшиеся в рукописях. Все его довоенные книги стихов публикуются полностью (за исключением текстов, которые к тому времени уже были напечатаны в более ранних книгах поэта).

В последние десятилетия своей жизни Мариенгоф часто занимался работой над своим поэтическим архивом. Он создавал рукописные сборники и циклы стихов, а также вносил серьезные исправления в свои ранние тексты. Эти исправления зачастую приводили к тому, что произведения оказывались вырванными из контекста, элементы разных стилей механически накладывались друг на друга. Поэтому, следуя выработанным для Малой серии текстологическим нормам, мы

публикуем стихи Мариенгофа в том виде, в котором они были напечатаны в его книгах, как их видел современник. При этом в книгах сохраняется авторский порядок расположения стихов. Тексты произведений, не печатавшихся при жизни поэта, выверены по рукописям. Датировки составителя заключены в ломаные скобки.

Тексты публикуются по хронологическому принципу. Стихотворения и поэмы в особые разделы не выделяются, поскольку зачастую грань между этими понятиями в творчестве Мариенгофа провести оказывается весьма затруднительно.

Ряд стихотворений публикуется впервые.

Тексты публикуются в современной орфографии, за исключением случаев, когда было необходимо сохранение авторского написания (в частности, сохранено авторское написание слов «бог», «в бозе» со строчной буквы).

1. «Сказка, присказка, бэль...» *Тильтиль и Митиль*. Брат и сестра, персонажи пьесы М. Метерлинка «Синяя птица» (1908).

6. «Из сердца в ладонях...». В первой публикации (Исход. Альм. 1-й. [Пенза], 1918) стихотворение было посвящено «Эльзе фон Модрах» (неустановленное лицо). В книге посвящение снято. *Как голову Иоканана*. Иоканан (Иоанн Креститель, Иоанн Предтеча) пророк, проповедовавший крещение и возвещавший о грядущем приходе Иисуса Христа. Согласно Евангелию, Иоанн Креститель, осуждавший царя Иудеи Ирода Антипу за то, что он отнял у своего брата жену Иродиаду, был казнен; Саломея, ее дочь, получив от Ирода в награду за свою пляску обещание исполнить любое ее желание, по наущению матери, потребовала голову Иоанна Крестителя. *Как голову Олоферна*. Согласно апокрифической библейской Книге Юдифи, прекрасная израильтянка Юдифь пришла к ассирийскому полководцу Олоферну, осаждавшему еврейскую крепость Ветулию, обольстила

его и отрубила ему голову мечом, после чего смогла вернуться в крепость. Голову Олоферна осажденные выставили на стене крепости, после чего ассирийцы сняли осаду и бежали. *Как нож гильотины — Марату.* Марат Жан Поль (1743—1793) был заколот кинжалом Шарлоттой Корде. Гильотина широко применялась в период французской революции с 1792 года. *Как Еве — змий.* Речь идет о библейской истории грехопадения Адама, которая началась с того, что змий соблазнил Еву вкусить от запретного плода с дерева познания добра и зла. *Иуде — осины сук.* По одной из легенд, Иуда, один из двенадцати апостолов, предавший Иисуса Христа, повесился на осине.

7. «Опять же: — Что истина?..» *Что есть Истина?* Знаменитый вопрос, заданный римским прокуратором Иудеи Понтием Пилатом Иисусу Христу во время допроса.

11. «Даже грязными, как торговок...» В последующей публикации в альманахе «Явь» (М., 1919) стихотворение имеет посвящение Ивану Старцеву (1896—1967), соученику Мариенгофа по Пензенской гимназии, участнику пензенской имажинистской группы. *Савонарола, Джироламо (1452—1498)* — настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Обличал папство, устраивал сожжение произведений искусства. Отлучен от церкви и казнен.

13. «Куда вы?» *Боже, избави меня от лукавого.* Заключительные слова молитвы «Отче наш» («...но избави нас от лукавого»). (Мф. 6. 9—13).

14. «Ночь, как слеза...» *Встала печаль, как Лазарь.* Метафора, восходящая к евангельскому эпизоду воскрешения Иисусом Христом Лазаря. (Иоан. 11).

15. «Приду. Протяну ладони...» *У Магдалины... кинь, как булыжник...* Отсылка к евангельскому эпизоду защиты Христом блудницы: Христос предложил толпе, собиравшейся побить ее камнями: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин. 8, 3—11).

16. **Рюрику Ивневу.** *Рюрик Ивнев* (настоящее имя — Михаил Ковалев) (1891—1981), поэт-имажинист, член Ордена имажинистов.

17. **Магдалина.** «*Катенька*» — дореволюционная российская ассигнация достоинством в 100 рублей, называемая так за изображение Екатерины II. *В реве трубы Иерихонской.* Иерихон — первый город, осажденный евреями после их прибытия в землю обетованную. Был взят после того, как по знаку священников, затрубивших в трубы (роги), осаждавшие громко воскликнули, в результате чего стены города рухнули. *Четвертым / Анатолию / Предложили воссесть одесную.* Вероятно, аллюзия на евангельский сюжет о матери сыновей Зеведеевых, которая просила у Христа «чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем» (Мф. 20. 21). — *Смеее-й-ся, паяц...* Слова арии Канио из оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». *Скинния.* Имеется в виду Скинния Завета — временный походный храм у древних евреев, в котором находились скрижали, полученные Моисеем на Синае. *Казакин* — верхняя одежда, короткий кафтан. *Разве можно о любви, как Иисусик вздыхать?* — евангельская аллюзия («Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Иоан. 13. 34)). *Вадим Шершеневич (1893—1942).* Поэт-имажинист, член Ордена имажинистов, друг Мариенгофа и Есенина. *Ave Maria!..* — католическая молитва, соответствующая православной «Богородица, Дево, радуйся!...». *Эдем* — рай. *Глетчер* — ледник.

18. **Кондитерская солнц.** В поэму вошли отдельные строфы и строки стихотворения «Будем капища старых вер жечь...» (Конница бурь. Сб. 1. М., 1920). *Святополк I Окаянный* (ок. 980—1019) — князь Туровский, а затем Киевский (1015—1019), убил трех своих братьев и завладел их уделами. Вошел в русскую историю в качестве олицетворения братоубийства и клятвопреступления. *Стаканы* —

здесь: снаряды. Ср. также соединение мотива стакана с семантикой смерти в пьесе В. Хлебникова «Ошибка смерти» (1915). *Мир на земле и в человецех благоволение* — евангельская цитата, относящаяся к эпизоду Благовещения, когда сразу после рождения Иисуса Христа к вифлеемским пастухам явился «Ангел с многочисленным небесным воинством», славящим Бога: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение». (Лк. 2, 13—14). *Канкан* — французский эстрадный танец с характерными вскидываниями ног.

21. *Руки галстуком. Чалки* — канаты, используемые для швартовки судов.

22. *Кувшины памяти. Словно руки омыл Пилат* — согласно Евангелию, Понтий Пилат перед вынесением окончательного приговора Иисусу Христу умыл руки, пытаясь таким образом снять с себя ответственность за происходящее.

23. *Встреча. Вавилон* — здесь: огромный город, в котором смешиваются языки и народы. *Собор Исаакия* — Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге. *Колокольня Ивана* (Ивана Великого) — знаменитая колокольня на территории Московского Кремля. *Анатолию и Сергею* — т. е. Мариенгофу и Есенину.

25. *Застольная беседа. Лоренцо Медичи* (Великолепный, 1449—1492), правитель Флоренции (с 1469 года), поэт, писатель, меценат, покровитель искусств и наук. — *Октябрь сразил / смертями каркающую птицу*. Аллегория царской России, на гербе которой изображался двуглавый орел.

26. *Тучелет. Иннаф* — возможно, перевернутое «Фанни».

27. *Слепые ноги. Авраамов Арсений Михайлович* (1886—1944) — композитор и критик, был близок имажинистам, автор «Героической симфонии (Симфонии гудков)». Написал книгу: Авраамов А. Воплощение: Есенин — Мариенгоф. М., 1921. *Ницше Фридрих* (1844—1900) — немецкий философ, автор классических работ, оказавших силь-

нейшее влияние на литературу и искусство XX века. В конце жизни заболел психическим расстройством. *Острог* — здесь: частокол из заостренных сверху свай. *Фиакр* — легкий наемный экипаж. *И тысячи кормить единым песни хлебом...* — аллюзия на евангельскую притчу о том, как Иисус Христос насытил огромную толпу пятью хлебами. *В раскрытую рану какую, / Неверия трепещущие персты* — согласно Евангелию, апостол Фома не мог поверить воскресению Христа до тех пор, пока не вложил персты в его раны. *Страстной монастырь* — возможно, намек на роспись имажинистами цитатами и лозунгами из своих стихов действующего московского Страстного монастыря. *Кухмистерская* — небольшое кафе.

28. Фонтаны седины. *Тяжелым яблоком свисает стих... августовский Спас* — августовский Спас иначе называется «яблочным».

29. Анатолеград. *Безумья пес, безумья лапу дай...* Строка послужила отправной точкой для стихотворения С. Есенина «Собаке Качалова» (1925). *Из небосвода выпит воздух.* Ср. у О. Мандельштама «Отравлен хлеб и воздух выпит...» (1913).

30. Развратничаю с вдохновеньем. *Уллюю* — возможно, аллюзия на балладу Э. По «Улялюм». *Лыкова Дамба* — район Нижнего Новгорода.

31. Друзья. *Писал: не склоню над женщиной мудрого лба.* Ср.: в поэме «Развратничаю с вдохновеньем» (№ 30): «Отныне и вовеки не склоню над женщиной мудрого лба». *Заратустра* (Заратуштра, Зороастр) (между X и VI вв. до н. э.) — пророк и основатель религии зороастрийцев в Древнем Иране. Автор древнейшей части «Авесты», впоследствии герой знаменитой поэмы Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». *Буян-остров* — название взято из сказки А. Пушкина «Сказка о царе Салтане». «Буян-остров» — название собственной книги Мариенгофа (М., 1920), в которой он теоре-

тически обосновывает поэтику имажинизма. *Вадим, Сергей* — Вадим Шершеневич, Сергей Есенин. *Гривна* — здесь: древнерусская денежная единица.

32. Разочарование. На обложке отдельного издания указан 1922 год. Датируется 1921 годом по помете В. М. Жирмунского на экземпляре, хранящемся в ИРЛИ (Пушкинский Дом). *Абсент* — очень горький изумрудно-зелёный алкогольный напиток, приготовленный из экстракта полыни горькой (*Artemisia absinthium*). Традиционно наливается через ситечко с сахаром в стакан с водой. После этого напиток становится мутно-белым, так как эфирные масла выпадают из спиртового раствора. Абсент некогда был очень популярным в среде художественной богемы, долгое время был запрещен.

40. «Не нам построить жизнь...» Впоследствии Мариенгоф посвятил стихотворение Анне Никритиной. *Никритина Анна Борисовна* (1900—1982) — актриса Камерного (Москва), а затем Большого Драматического (Ленинград) театров. С 1922 года — жена Мариенгофа.

47. «Не раз судьбу пытали мы вопросом...» *Серезжа, Сергун* — обращения к С. Есенину. Отношениям с Есениным посвящены стихи 47—50.

48. «И нас сотрут, как золотую пыль...» В сборнике «Стихи и поэмы» далее следует стихотворение «Утихни друг», ранее публиковавшееся в сборнике «Тучелет» (см. прим. 24 наст. изд.).

50. Воспоминания. «*Когда / Форсили мы / Вдвоем в одних штанах*». Мариенгоф имеет в виду описанный в его мемуарах случай, когда у него украли все вещи, деньги и одежду и Есенин дал ему свои брюки (*Мой век... С. 317*). *Тогда мне был Есенин верным другом...* Речь идет об отношении Есенина и Мариенгофа до ссоры осенью 1923 года. *На тихом Богословском...* В 1919—1921 гг. Есенин с Мариенгофом снимали комнату в Богословском переулке (ныне ул. Москвина), в домах № 5, а затем № 3.

51. «Пора друзьям остепениться...» Позже, в 1950-е годы, Мариенгоф дал этому стихотворению название «Памяти Киры Мариенгофа».

52. «Что за семья без самовара...» Стихотворение тематически и интонационно явно перекликается с циклом Б. Садовского «Самовар» (1913). *Яр* — знаменитый московский ресторан.

53. «Смешным стихом баклуши бью...» Стихотворение впоследствии было посвящено Анне Никритиной.

54. «Ах, милый плут!...». Шуточное стихотворение обращено к сыну Мариенгофа Кириллу (1923—1940).

55. «Как встарь...» *Беатриче* — возлюбленная Данте, образ которой он запечатлел в «Божественной комедии».

57. «И ты, тенец, мое творенье...» Стихотворение обращено к сыну Кириллу.

58. Поэма четырех глав. *Рю де Сен, рю Кало* — улицы в Париже. *И не поможет бородатый Карл*. Аллюзия на «Песнь о Роланде», где на помощь Роланду спешит король Карл, однако прибывает слишком поздно. *Аракчеев, Александр Андреевич (1769—1834)* — военный министр при Александре I и его доверенное лицо. Осуществлял политику военных поселений. *Распроститься с дружбой*. Намек на ссору Мариенгофа с Есениным осенью 1923 года.

59. *Денис Давыдов. Давыдов Денис Васильевич (1784—1834)* — поэт, герой Отечественной войны 1812 года, организатор партизанской войны в тылу французской армии, командир первого партизанского отряда. Эпиграф — 1 стих из стихотворения А. Пушкина «Д. В. Давыдову». *Стукнем чашу с чашей дружно... и далее — цитата из стихотворения Д. Давыдова «Бурцову» («В дымном поле, на биваке...»)*. *Фланкировка* — обстрел с флангов продольным огнем. *Вы — тенец Багратиона*. В 1807 г. Давыдов был назначен адъютантом к генералу Багратиону. *Кивер* — высокий военный головной убор, элемент гусарской формы. *Эстафеты* — здесь: сроч-

ные сообщения, доставляемые конными вестовыми. *Белов Павел Алексеевич* (1897—1962) — генерал-полковник, герой Советского Союза; в начале Великой Отечественной войны командовал 1-м гвардейским кавалерийским корпусом, который в 1941 году 5 месяцев сражался в тылу у немцев.

60. «Ты — лед, ты — солнце...» Публикуется впервые.

61. «Идешь...» Публикуется впервые.

62. «Прикажет и лягу проспектом у ног...» Стихотворение текстуально пересекается с 2-й главкой поэмы «Руки галстуком» (1919). Публикуется впервые.

63. «Не было вас...» Стихотворение текстуально пересекается с 5-й главкой поэмы «Руки галстуком» (1919). *Кузнецкий мост* — улица в Москве. Публикуется впервые.

64. «Темная ночь на земле...» Публикуется впервые.

65. «Как хорошо, что кровь...» Публикуется впервые.

66. «Дышу, как родиной, тобой» *Я выйду в бой / Со словом «Анна!»*. Имеется в виду Анна Никритина — жена поэта.

68. «Жалею я, что писем не хранил...» Публикуется впервые.

69. Эпиграмма. *Левый фронт и фланг*. «Левый фронт искусств», сокращенно — «ЛЕФ» (1932—1928), затем — «РЕФ» («Революционный фронт искусств») — литературные группы, в которые входил Маяковский. *Владим Владимыч* — В. В. Маяковский.

70. «Был у Вадима?...» *Вадим* — В. Г. Шершеневич. *Рюрик* — Рюрик Ивнев. *Эрдман* Николай Робертович (1900—1970) — поэт, драматург, сценарист, входил в группу московских имажинистов.

72. «И не заметишь...» В рукописи (ОР РНБ) возле стихотворения помета автора 1950-х годов: «Хорошо».

73. «Как будто я в лесном уезде...» Было опубликовано в веч. «Красной газете» (1927, 20 авг.) под заглавием

«Серебряное побережье» и с текстуальными изменениями.

75. «Ну, брат...» «*Герцеговина Флор*» — популярная марка сигарет.

76. Шуточное. Публикуется впервые.

77. «Мы любим меньше...» *Côte d'Argent* (Серебряный берег) — известный курорт, часть побережья Бискайского залива во Франции — от Жиронды до границы с Испанией (ок. 250 км). В рукописи (ОР РНБ) возле стихотворения помета автора 1950-х годов: «Ха! Тридцатилетний минор». Публикуется впервые.

78. «И вы совсем уже не те...» В рукописи (ОР РНБ) возле стихотворения помета автора 1950-х годов: «Гоже».

79. «В теле любовь, как вьюга...» *Только вот нежно-го друга / Мне никогда не вернуть*. Речь идет о С. Есенине, покончившем с собой в декабре 1925 года. В рукописи (ОР РНБ) возле стихотворения помета автора 1950-х годов: «Декадентщина!» Публикуется впервые.

80. Шуточное. «О Шиллере, о славе». Цитата из стихотворения А. Пушкина «19 октября (1825)»: «Поговорим о бурных днях Кавказа, / О Шиллере, о славе, о любви». Стихи Пушкина обращены к В. Кюхельбекеру. В рукописи (ОР РНБ) возле стихотворения помета автора 1950-х годов: «Невразумительно!».

82. Внезапный ужас буржуа Публикуется впервые.

84. «Все хорошо, что человечно...». Публикуется впервые.

87. «Живу, то ненавижу, то люблю...» Публикуется впервые.

88. «И ты такая же...» Публикуется впервые.

90. «Как Пушкин, осеини я рад...» Публикуется впервые.

91. «Как холодно...» Публикуется впервые.

93. «Нет, не легко ее найти...» Публикуется впервые.

94. «Ну что ж, сентябрь мой, захаживай...». Аллюзия на стихотворение В. Маяковского «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» <1920>. Публикуется впервые.

95. 27 сентября 1939 года. Стихотворение посвящено одному из важнейших событий Второй мировой войны: в этот день после почти месячного сопротивления капитулировала Варшава.

96. «Сказал в дверях...» Стихотворение посвящено началу финской «зимней» войны (30 ноября 1939 г.). *Литейный мост* — мост в Санкт-Петербурге через Неву, соединяющий центр города с Финляндским вокзалом, с которого отправлялись войска на финский фронт.

97. «Ты мучаешь меня невероятно...». Публикуется впервые.

101. «Что-то дождик в Ленинграде...» *Сорокин Сергей Александрович* (1896—1974) — известный ленинградский гитарист, друг Мариенгофа.

103. «Я им в глаза смотрю с испугом...» *Они берут жену у друга / И крепко руку жмут врагу.* Автоцитата из стихотворения «Вот каверзы судьбы» (№ 71). Публикуется впервые.

104. «Я не люблю сердца пустые...» Публикуется впервые.

106. *Вареньке-Варварушке.* Публикуется впервые.

107. *Мой парнишка.* Публикуется впервые.

136. «Скажут: жили при закате...» «*Эрмитаж*» — знаменитый московский ресторан, в котором в XIX — начале XX вв. студенты, преподаватели и выпускники московского университета ежегодно отмечали Татьянин день (днем — торжественный акт в университете, вечером — традиционный ужин в ресторане).

143. «Слыхано ль было...» *Савонарола* — см. примеч. 11. Публикуется впервые.

144. «Очень рад. Очень!» Публикуется впервые.

145. «Кровью плюем зазорно...». *Вот на красном черным / — Массовый террор.* Навечно увиденным из окна издательства ВЦИК в Москве, где Мариенгоф в 1918 г. работал в качестве ответственного литературного секретаря: «Стоял теплый августовский день. Мой стол в издательстве помещался у окна. По улице ровными каменными рядами шли латыши. Казалось, что шинели их сшиты не из серого солдатского сукна, а из стали. Впереди несли стяг, на котором было написано: “Мы требуем массового террора”» (*Мой век... С. 303*).

146. *Октябрь. Варавва* — по Евангелию, разбойник, помилованный вместо Иисуса Христа. *Тверской* — бульвар в центре Москвы. «*Марсельеза*» — гимн Франции.

147. «К тебе, смерти зев...» Публикуется впервые.

150. «Скоро новые буду роды...» Публикуется впервые.

151. «Я пришел к тебе, древнее вече...». *Ушкуйничать поплывем.* Ушкуйники — в XIV—XV веках в Новгороде — члены вооруженных дружин, захватывавших земли и нападавших на купцов, фактически, речные пираты.

152. «Я из помойки солнце ладонями выгреб...» *Пейсы* — длинные пряди волос на висках у религиозных евреев. *Камилавка* (кипа) — мужской головной убор, которым религиозные евреи покрывают голову. Публикуется впервые.

153. «Толпы, толпы, как неумные рощи...» *Артиллерия била по «Метрополю».* / *Выкусывая клочья из Врубеля.* Речь идет об обстреле большевиками во время Октябрьского переворота в Москве (7—16 ноября 1917 года) из артиллерийских орудий гостиницы «Метрополь», которую обороняли юнкера. Во время этого обстрела было повреждено керамическое панно «Принцесса Греза», выполненное по эскизу художника М. А. Врубеля (1856—1910). *Саваоф*

(Цеваот) — «<Господь> Воинств», одно из именовании Бога в иудаизме.

156. «Эй! Берегитесь...» Каменский Василий Васильевич (1886—1961) — русский поэт-футурист, участник выпущенного имажинистами сборника «Явь» (1919).

159. Революционный лом. Темляк — петля из ремня или ленты с кистью на конце, носимая на рукоятке (эфесе) шпаги. В русской армии Т. из орденской ленты был знаком отличия. Скоропадия — ироническое наименование Украины по фамилии провозгласившего в 1918 г. создание «Украинской державы» гетмана Павла Скоропадского (1873—1945).

162. «Руки царя Ирода...» Ирод I Великий (Ирод Антипа) (ок. 73 — 4 до н. э.) — царь Иудеи. Христианская легенда приписывает ему «избиение младенцев» при известии о рождении Иисуса Христа. Родившегося в Назарете... в Вифлееме. Мариенгоф неточен: Иисус родился в Вифлееме, а уже позже его семья перебирается в Назарет. Вель недаром же крестные муки / Разделил Он с двумя разбойниками. Согласно Евангелию, Иисус был распят между двумя разбойниками.

164. «Разве ранее Русь не перла...» ...мужика Емельяна — Пугачева.

165. «Возьми мою душу, как паникадило...» Типовая ошибка революционной поэзии: Мариенгоф путает паникадило (большую люстру или многогнездный подсвечник в церкви) с кадиллом (металлической чашей с раскаленным углем и ладаном, подвешенной на цепочке, которая употребляется во время христианских богослужений). Ср. аналогичную ошибку Э. Багрицкого в «Думе про Опанаса» (1926): «Револьвер висит на цепке / От паникадила».

167. Тюк звезд (из поэмы). В печати (в частности, в книге Мариенгофа «Буян-остров» — с. 32) «Тюк звезд» анонсировался как «трилогия». Однако, текст поэмы никогда

не публиковался (за исключением публикуемого отрывка) и в рукописном виде также не найден.

169. Памяти отца. Посвящено памяти отца, Бориса Михайловича Мариенгофа, погибшего в 1918 году в собственном доме от случайной пули во время наступления на Пензу белых чехословаков (см.: *Мой век...* С. 86—90). *Годовалый брат* — сводный брат поэта, Борис Борисович Мариенгоф.

173. Ночное кафе. *Вместо лица — носовой платок.* Аллюзия на пьесу В. Хлебникова «Ошибка Смерти» (1915), в которой Барышни Смерти вместо черепа дают носовой платок. *Коплетку маршал* — обычно куриная котлета, приготовляемая из куриного филе с соусом бешамель, фаршируемая грибами.

174. «Торгую нынче золотым товаром...» Стихотворение посвящено регистрации брака Мариенгофа с А. Б. Никритиной — 13 июня 1923 года. Публикуется впервые.

175. «Ох, струсил, ох дрожу...» Публикуется впервые.

176. Отъезд и возвращение. Посвящено охлаждению отношений между Есениным и Мариенгофом осенью 1923 года. Публикуется впервые.

180. «Вы голову несли, как вымпел...» Публикуется впервые.

181. «Сел на подоконник...» Первоначальное название — «Дурак».

182 «Мой город спит, как пес...» Публикуется впервые.

190. «Жили долго, знаем мало...» Публикуется впервые.

195. Коле Глазкову. *Глазков* Николай Иванович (1919—1980) — русский поэт.

208. Судьба. Речь идет о самоубийстве сына Мариенгофа Кирилла в марте 1940 года.

209. «Счастье, друг мой, не в квартире...» Публикуется впервые.

211. «Теряй, что хочешь...». Лист с рукописью стихотворения оборван при позднейшей авторской правке. Публикуется впервые.

213. «Ты ведь жизни моей подруга...» Публикуется впервые.

215. «Ты смотришь в окна...» Публикуется впервые.

217—218. Шуточные.

1. Поняла. Публикуется впервые.

2. Старому Эйху. Эйх — дружеское прозвище Эйхенбаума Бориса Михайловича (1886—1959), крупнейшего русского литературоведа, близкого друга Мариенгофа. Эйхенбаум скончался в 1959 сразу после того, как он прочел вступительную речь на творческом вечере Мариенгофа.

219. Там. Стихотворение построено в жанре «послания на тот свет» — Мариенгоф обращается к своим навсегда ушедшим близким и друзьям. *Сереза* — Есенин. *Якулов* Георгий Богданович (1884—1928) — живописец и театральный художник, входил в круг московских имажинистов, оформлял их книги. В стихотворении Мариенгоф отмечает связь между творческой манерой Якулова и Пикассо. *Кируха* — Кирилл Мариенгоф, покончивший с собой в марте 1940 года.

221. Что? Публикуется впервые.

222. «В пути. Еще в пути. Опять в пути...» Публикуется впервые.

223. Заговор дураков. *Анна Ивановна* (Иоанновна) (1693—1740) — русская императрица. *Герцог Бирон Эрнст Иоганн* (1690—1772) — граф, герцог Курляндский, фаворит Анны Иоанновны. *Граф Остерман Андрей Иванович* (1686—1747) — российский государственный деятель, дипломат. *Миних Бурхард Кристоф* (1683—1767) — граф, генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии при Анне Иоанновне. *Князь Черкасский Алексей Михайлович* (1680—1742) — российский государственный деятель, возглавляя

дворянскую оппозицию «верховникам». *Третьяковский Василий Кириллович* (1703—1769) — русский поэт, был придворным поэтом императрицы Анны Иоанновны. *Из орбиты от ужаса вылезает глаз у Петра* — имеется в виду Петр I. *Но пророчу, что лучше скажет через сотни лет / Мариенгоф в «Яви»*. Речь идет о сборнике «Явь» (1919), в которой Мариенгоф поместил большую подборку стихов. *Верховного и Тайного Совета Кондиции / Подписывала императрица...* Члены Верховного тайного совета предложили Анне Иоанновне трон на определенных условиях («кондициях»), существенно ограничивавших ее власть. Анна Иоанновна была вынуждена их подписать, но взойдя на трон она вскоре «разодрала» кондиции и стала полноправной императрицей. *Голицын, Долгорукий* — князья, члены Верховного тайного совета; Голицын был составителем «кондиций». *Огнь вдохновенной оды*. Текст «оды» не принадлежит В. К. Третьяковскому, но пересекается по стилистике с его творчеством. *Грозный Государь* — Иван Грозный. *Доктор Даптертутто* — псевдоним Всеволода Мейерхольда.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- «А ну вас, братцы, к черту в зубы...» 139
Анатолерад («Каменный кот давил мышей...») 84
Апрель («Полдень, мягкий, как Л. ...») 32
«Ах, милый плут!..» 137
«Багровый мятежа палец тычет...» 215
«Был у Вадима?.. Рюрика?..» 167
«Бьют зеленые льдины...» (Магдалина) 38
«В глазах синева чистоты...» 204
«В каждом взгляде...» (Революционный лом) 217
«В небе месяц старенький...» (Варенька-Варварушка) 195
«В 0.30 отходил курьерский...» 177
«В пути. Еще в пути. Опять в пути...» 257
«В теле любовь, как выюга...» 174
«В шизофреническом бреде...» (К жизни) 244
Варенька-Варварушка («В небе месяц старенький...») 195
Ветра марш («Вытряс ветер...») 227
«Взгляд человечий короток и мал...» 120
Внезапный ужас буржуа («Вот мысль несчастная! Она мне не являлась отроду...») 178
«Возьми мою душу, как паникадило...» 221
Войне («Давайте так условимся, мадам...») 201
«Вокруг себя я зло искал...» 200
«Ворона, ворон, Ворон и ворона...» (Поэма без шляпы) 122
Воспоминания («Немало чувств остыло и тревог...») 130
«Вот и нашей любви капут...» 178
«Вот каверзы судьбы!..» 168
«Вот у Вас и глаза, как темные сливы...» 242
«Вот эти горькие слова...» 204
«Все хорошо, что человечно...» 179
Встреча («Какой земли, какой страны я чадо...») 66
«Вы голову несли, как выпел...» 236
«Вы думаете, я вас любил? Никогда...» 203
«Вы по веку своему...» (Денис Давыдов) 157
«— Выпьем водки!» (Коле Глазкову) 245

- «Вытканными страстью ночами...» 219
 «Вытряс ветер...» (Ветра марш) 227
 «Где кухня горя? Сверху, снизу иль откуда...» 200
 «Где тут беда? Это полбеда...» 180
 «Гнусавый вечер — старый дьяк...» (Тюк звезд) 223
 «Давайте так условимся, мадам...» (Войне) 201
 «Даже грязными, как торговок...» 35
 27 сентября 1939 года («Сижу как будто на иголках...») 187
 Денис Давыдов («Вы по веку своему...») 157
 «День, / Ночь...» (Смерть (I)) 248
 «Дикие кочевые...» 205
 Днесь («Отчаяние / Бьется пусть...») 211
 «Друг мой, живу, как во сне...» 197
 Друзья («Улица дохнула вином...») 99
 «Друзья (как быть?), не любят стихотворцев ныне...» 119
 «Друзья и вороги...» (Развратничаю с вдохновеньем) 90
 «Друзья мои, наш дар высокий...» 234
 «Дышу, как родиной, тобой...» 165
 «Его пожрала эта страсть...» 239
 Есенину («Что ни говорите...») 242
 «Если б тот, кто землю создал...» 243
 «Если прижимаешь к сердцу тень...» (Смерть (II)) 249
 «Есть в природе буря и гнев...» 181
 «Есть сладостная боль не утоливши...» (Сентябрь) 58
 «Жалею я, что письма не хранил...» 167
 «Живу, то ненавижда...» 181
 «Жизнь пробежав с горы на лыжах...» 198
 «Жили долго, знаем мало...» 243
 Заговор дураков 258
 Застольная беседа («Клубящимся вином стаканы их
 наполни...») 73
 «И вы совсем уже не те...» 174
 «И нас сотрут, как золотую пыль...» 128
 «И не заметишь...» 169
 «И опять на ресницах индивел...» 35
 «И поднял руки: вот, мишень я...» 243
 «И ты такая же...» 182
 «И ты, птенец, мое творенье...» 140
 «И я умру по всей вероятности...» 200

- «Идешь. / Как первый луч...» 163
 «Из сердца в ладонях...» 33
 «Из черного ведра сентябрь льет...» (Тучелёт) 75
 К жизни («В шизофреническом бреду...») 244
 К природе («Ты существуешь, благостью кичась...») 244
 «К тебе, смерти зев...» 208
 «К тебе: ад города веселый и золотозвездный...» (Ночное кафе) 228
 «Каждый наш день — новая глава Библии...» 215
 «Казалось, / Что взяла свое усталость...» 183
 «Как будто я в степном уезде...» 170
 «Как в чулане над сваленной рухлядью паутина...» 220
 «Как встарь — в подвальном кабачке невзрачном...» 138
 «Как дьявол, нынче зла...» (Что?) 257
 «Как пилами пополам бревна...» 225
 «Как Пушкин, осени я рад...» 183
 «Как холодно...» 184
 «Как хорошо, что кровь...» 165
 «Как черный дождь...» (Разочарование) 104
 «Какая тяжесть!..» 129
 «Какой земли, какой страны я чадо...» (Встреча) 66
 «Каменный кот давил мышей...» (Анатолеград) 84
 «Клубящимся вином стаканы их наполни...» (Застольная беседа) 73
 «Когда война легла...» 201
 «Когда день, как у больного мокрота...» (Рюрику Ивневу) 37
 «Когда не воскресают чувства...» 244
 «Когда осенний пламень вспенивает лес...» 225
 «Когда уж поздно молодеть...» 203
 Коле Глазкову («— Выпьем водки!») 245
 Кондитерская солнц («Утро облаков паруса...») 52
 «Конец, мой друг. Тебя спустили в яму...» 199
 «Конь революций буйно вскачь...» (Марш революций) 223
 «Кровоточи, / Капай...» 32
 «Кровью плюем зазорно...» 206
 «Кстати ли, не кстати ли...» (Там) 254
 Кувшины памяти («По булыжку встреч себя колесить...») 64
 «Куда бы разумом холодным не ушли...» 114
 «Куда вы?...» 36

- Лирическому поэту («Ты песенки свирельные играй...») 245
- «Листья стекают в августе...» (Романс) 166
- «Лучами выпитый колодезь...» (Фонтаны седины) 80
- «Любимая, как хороша ты!..» (Шляпа) 239
- Магдалина («Бьют зеленые льдины...») 38
- Марш революций («Конь революций буйно вскачь...») 223
- Меценату («Ты миф...») 234
- «Милая, нежности ты моей...» 36
- «Милостыню жалости мне в нищете...» 35
- «Мир в затемненье. Черное в окне...» 200
- «Мой век мне кажется смешным немножко...» 201
- «Мой город спит, как пес...» 237
- Мой парнишка («Я читала в старой книжке...») 195
- «Мы катим жизнь...» 121
- «Мы любим меньше...» 173
- «Мы с тобою потеряли бога...» 198
- «Мы сладостные чтим привычки...» 119
- «На каторгу пусть приведет нас дружба...» 57
- «На скотобойне бык ревет...» 198
- «Нам нравятся вот именно такие...» 245
- «Напала ты из-за угла...» (Судьба) 249
- «Наплевать мне, что вы красавица...» 204
- «Наш стол сегодня бедностью накрыт...» 116
- «Не было вас...» 164
- «Не много есть у вольности друзей...» 115
- «Не нам построить жизнь...» 117
- «Не раз судьбу пытали мы вопросом...» 126
- «Не умеем мы...» 184
- «Небу, небу я сделаю выкидыш...» 219
- «Немало чувств остыло и тревог...» (Воспоминания) 130
- «Нет, жизнь не улица. Чтоб перейти ее...» 198
- «Нет, не легко ее найти...» 185
- Ночное кафе («К тебе: ад города веселый и золотозвездный...») 228
- «Ночь, как слеза, вытекла из огромного глаза...» 36
- «Ну что — сбываются мечты?..» (Поэту в славе) 202
- «Ну что ж, сентябрь мой, захаживай...» 186
- «Ну, брат, / Нелегкая в Воронеж занесла...» 171
- «Ну, вот, дочитываю жизни книгу...» 199

- « — Ну, до свидания!..» (Отъезд и возвращение) 233
- «Ну, скряга! Ну, судьба!..» (Поэма четырех глав) 140
- «О сверстники, как это благородно!..» 246
- О себе («Тут все размеренно и строго...») 246
- «О, друг мой, жизнь моя не та...» 245
- «О, жизнь моя, ты так поспешна!..» 246
- «Обвяжите, скорей обвяжите вокруг шеи...» (Руки галстуком) 61
- Октябрь («Покорность топчем сыновью...») 207
- Октябрь («Твоих ресниц звенящий стих...») 238
- «Он благостен, тот путь без возвращенья...» 247
- «Опять безжизненное поле...» 113
- «Опять же: — Что Истина?...» 34
- «Острым, холодным прорежу килем...» (Памяти отца) 224
- «От свиста этого меча...» 201
- «Отойдя в тишину и в зарю...» (Поняла; Шуточные, 1) 253
- «Отчаяние / Бьется пусть...» (Днесь) 211
- Отъезд и возвращение (« — Ну, до свидания!..») 233
- «Ох, струсил, ох, дрожу — отмстит мне Русь...» 232
- «Очень рад. Очень!..» 206
- Памяти отца («Острым, холодным прорежу килем...») 224
- «По булыжью встреч себя колесить...» (Кувшины памяти) 64
- «Покорность топчем сыновью...» (Октябрь) 207
- «Полдень, мягкий, как Л. ...» (Апрель) 32
- Поняла («Отойдя в тишину и в зарю...») (Шуточные, 1) 253
- «Понять — простить»... Но я не внемлю...» 202
- «Пора, друзья, остепениться...» 134
- «Послушайте, господин чудака...» 204
- Поэма без шляпы («Ворона, ворон, Ворон и ворона...») 122
- Поэма четырех глав («Ну, скряга! Ну, судьба!..») 140
- Поэту в славе («Ну что — сбываются мечты?...») 202
- «При чем тут левый фронт и фланг...» (Эпиграмма) 167
- «Приду. Протяну ладони...» 37
- «Прикажет и лягу проспектом у ног...» 163
- «Прими меня, почившего в бозе...» (Эпитафия) 34
- « — Прощай!.. / И стала ты тиха...» 235
- «Пути, распутия, перепутья...» 199
- «Пятнышко, как от раздавленной клюквы...» 33
- «Разве прилично, глупая...» 217

- «Разве ранее Русь не перла...» 221
«Разверзлась хлябь сомнительных веков...» 202
Развратничаю с вдохновеньем («Друзья и вороги...») 90
Разочарование («Как черный дождь...») 104
«Разруха, милый мой, разруха...» 200
Революционный лом («В каждом взгляде...») 217
«Рожденные из ничего...» 247
Романс («Листья стекают в августе...») 166
Романс Нины («Я твоя девочка...») 247
России («Чаяния / Твои изрыгают недра...») 209
Руки галстуком («Обвяжите, скорей обвяжите вокруг
шеи...») 61
«Руки царя Ирода...» 220
Рюрику Ивневу («Когда день, как у больного мокрота...») 37
«С тобою, нежная подруга...» 198
«Сел на подоконник..» 236
Сентябрь («Есть сладостная боль не утоливши...») 58
«Сижу как будто на иголках...» (27 сентября 1939 года) 187
«Скажут: жили при закате...» 203
«Сказал в дверях...» 188
«Сказка, присказка, быль...» 31
«Скоро новые будут роды...» 212
Слепые ноги («Человеческих темных страд...») 76
«Словно навозные кучи кабан...» 222
«Слыхано ль было, чтоб ковальщик...» 205
Смерть (I) («День, / Ночь...») 248
Смерть (II) («Если прижимаешь к сердцу тень...») 249
«Смешным стихом баклуши бью...» 136
«Собратья! Собратья! Собратья!...» 197
«Спросите, / И скажет вам каждый...» 249
Старому Эйху («Ты говоришь...») (Шуточные,2) 253
«Степи, звезды и воды...» 112
«Столб полосатый, всадник, камень...» 111
Судьба («Напала ты из-за угла...») 249
«Судьба, я знаю, ты примерно зла...» 199
«Счастье, друг мой, не в квартире...» 250
Там («Кстати ли, не кстати ли...») 254
«Там место не открытое...» 250

- «Твердь, твердь за вихры зыбим...» 216
«Твоих ресниц звенящий стих...» (Октябрь) 238
«Тело свесили с крыш...» 31
«Темная ночь на земле...» 164
«Теряй, что хочешь...» 251
«Тогда мне было двадцать пять...» 251
«Толпы, толпы, как неумные роши...» 214
«Торгую нынче золотым товаром...» 232
«Тут все размеренно и строго...» (О себе) 246
Тучелёт («Из черного ведра сентябрь льет...») 75
«Ты — лед, ты — солнце, ты — вода...» 163
«Ты ведь жизни моей подруга...» 252
«Ты говоришь...» (Старому Эйху; Шуточные, 2) 253
«Ты миф...» (Меценату) 234
«Ты мучаешь меня невероятно...» 189
«Ты песенки свирельные играй...» (Лирическому поэту) 245
«Ты скажи мне, дорогая...» 252
«Ты смотришь в окна...» 252
«Ты существуешь, благостью кичась...» (К природе) 244
«Ты ходишь медленней...» 189
Тюк звезд («Гнусавый вечер — старый дык...») 223
«Улица дохнула вином...» (Друзья) 99
«Утихни друг. Прохладен чай в стакане...» 72
«Утро облаков паруса...» (Кондитерская солнц) 52
«Ушла. / Ушла в даль ты...» (Цветы в январе) 238
Фонтаны седины («Лучами выпитый колодец...») 80
«Хотел бы я в серебряные годы...» 190
Цветы в январе («Ушла. / Ушла в даль ты...») 238
«Цинична зрелость — возраст мой...» 253
«Чаяния / Твои изрыгают недра...» (России) 209
«Человеческих темных страд...» (Слепые ноги) 76
«Что за семья без самовара...» 135
«Что лучше — знать или не знать...» 190
«Что ни говорите...» (Есенину) 242
«Что родина? / Воспоминаний дым...» 110
«Что хорошо бы, вдруг оторопев...» 171
Что? («Как дьявол, нынче зла...») 257
«Что-то дождик в Ленинграде...» 191
Шляпа («Любимая, как хороша ты!...») 239

- Шуточное («Ты старый сердцеед, Кавказ...») 173
Шуточное («Я шел, ворча, к черте неумолимой...») 175
Шуточные 253
«Эй! Берегитесь — во все концы...» 216
«Эй, человек!» / И человек летит со счетом...» 201
«— Эй, человек, это ты звучишь гордо?..» 200
Эпиграмма («При чем тут левый фронт и фланг...») 167
Эпитафия («Прими меня, почившего в бозе...») 34
«Это был урок, урок суровый...» 191
«Я в городе. А как в лесу...» 203
«Я из помойки солнце ладонями выгреб...» 213
«Я им в глаза смотрю с испугом...» 192
«Я мертв и жив. В душе чума...» 197
«Я не люблю сердца пустые...» 192
«Я не хочу, чтобы печалились и сожалели...» 118
«Я понимаю: / Время такое...» 256
«Я пришел к тебе, древнее вече...» 213
«Я стал насмешливым и вздорным...» 193
«Я твоя девочка...» (Романс Нины) 247
«Я читала в старой книжке...» (Мой парнишка) 195

СОДЕРЖАНИЕ

Голгофа Мариенгофа. Вступительная статья А. Кобринского	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ВИТРИНА СЕРДЦА

1. «Сказка, присказка, быль...»	31
2. «Тело свесили с крыш...»	31
3. Апрель («Полдень, мягкий, как Л. ...»)	32
4. «Кровоточи, / Капай...»	32
5. «Пятнышко, как от раздавленной клюквы...»	33
6. «Из сердца в ладонях...»	33
7. «Опять же: - Что Истина?...»	34
8. Эпитафия («Прими меня, почившего в бозе...»)	34
9. «Милостыню жалости мне в нищете...»	35
10. «И опять на ресницах индивел...»	35
11. «Даже грязными, как торговок...»	35
12. «Милая, нежности ты моей...»	36
13. «Куда вы?...»	36
14. «Ночь, как слеза, вытекла из огромного глаза...»	36
15. «Приду. Протяну ладони...»	37
16. Рюрику Ивневу	37

МАГДАЛИНА

17. Магдалина (поэма)	38
-----------------------------	----

КОНДИТЕРСКАЯ СОЛНЦ

18. Кондитерская солнц (поэма)	52
--------------------------------------	----

СТИХАМИ ЧВАНСТВУЮ

19. «На каторгу пусть приведет нас дружба...»	57
20. Сентябрь	58
21. Руки галстуком	61

22. Кувшины памяти	64
23. Встреча («Какой земли, какой страны я чадо...»)	66

ТУЧЕЛЕТ

24. «Утихни друг...»	72
25. Застольная беседа	73
26. Тучелёт	75
27. Слепые ноги	76
28. Фонтаны седины	80
29. Анатолеград	84

РАЗВРАТНИЧАЮ С ВДОХНОВЕНЬЕМ

30. Развратничаю с вдохновением	90
---------------------------------------	----

РАЗОЧАРОВАНИЕ

31. Друзья («Улица дохнула вином...»)	99
32. Разочарование («Как черный дождь...»)	104

СТИХИ И ПОЭМЫ

I. ПАРИЖСКИЕ СТИХИ

33. «Что родина? / Воспоминаний дым...»	110
34. «Стол полосатый, всадник, камень...»	111
35. «Степи, звезды и воды...»	112
36. «Опять безжизненное поле...»	113
37. «Куда бы разумом холодным не ушли...»	114

II. ПОСЛЕ ГРОЗЫ

38. «Не много есть у вольности друзей...»	115
39. «Наш стол сегодня бедностью накрыт...»	116
40. «Не нам построить жизнь...»	117
41. «Я не хочу, чтобы печалились и сожалели...»	118
42. «Мы сладостные чтим привычки...»	119
43. «Друзья (как быть?), не любят стихотворцев ныне...» .	119
44. «Взгляд человеческий короток и мал...»	120
45. «Мы катим жизнь...»	121
46. Поэма без шляпы	122

III. СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

47. «Не раз судьбу пытали мы вопросом...»	126
48. «И нас сотрут, как золотую пыль...»	128

49. «Какая тяжесть!..» 129
 50. Воспоминания 130

IV. ШУТОЧНЫЕ

51. «Пора, друзья, остепениться...» 134
 52. «Что за семья без самовара...» 135
 53. «Смешным стихом баклуши бью...» 136
 54. «Ах, милый плут!..» 137
 55. «Как встарь — в подвальном кабачке невзрачном...» 138
 56. «А ну вас, братцы, к черту в зубы...» 139
 57. «И ты, птенец, мое творенье...» 140

V. ПОЭМА ЧЕТЫРЕХ ГЛАВ

58. Поэма четырех глав 140

ИЗ СБОРНИКА «ПОЭМЫ ВОЙНЫ»

59. Денис Давыдов 157

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПРИЖИЗНЕННЫЕ СБОРНИКИ СТИХОВ

ИЗ РУКОПИСНОГО СБОРНИКА «ЭТО ЛЮБОВЬ».

60. «Ты — лед, ты — солнце, ты — вода...» 163
 61. «Идешь. / Как первый луч...» 163
 62. «Прикажет и лягу проспектом у ног...» 163
 63. «Не было вас...» 164
 64. «Темная ночь на земле...» 164
 65. «Как хорошо, что кровь...» 165
 66. «Дышу, как родиной, тобой...» 165

ИЗ РУКОПИСНОГО СБОРНИКА «АННЕ НИКРИТИНОЙ» (1926—1939)

67. Романс («Листья стекают в августе...») 166
 68. «Жалею я, что письма не хранил...» 167
 69. Эпиграмма («При чем тут левый фронт и фланг...») .. 167
 70. «Был у Вадима?.. Рюрика?..» 167
 71. «Вот каверзы судьбы!..» 168
 72. «И не заметишь...» 169

73. «Как будто я в степном уезде...»	170
74. «Что хорошо бы, вдруг оторопел...»	171
75. «Ну, брат, / Нелегкая в Воронеж занесла...»	171
76. Шуточное («Ты старый сердцеед, Кавказ...»)	173
77. «Мы любим меньше...»	173
78. «И вы совсем уже не те...»	174
79. «В теле любовь, как выюга...»	174
80. Шуточное («Я шел, ворча, к черте неумолимой...»)	175

ИЗ РУКОПИСНОГО СБОРНИКА «СТИХИ О ЛЮБВИ» (1934—1939)

81. «В 0.30 отходил курьерский...»	177
82. Внезапный ужас буржуа	178
83. «Вот и нашей любви капут...»	178
84. «Все хорошо, что человечно...»	179
85. «Где тут беда? Это полбеды...»	180
86. «Есть в природе буря и гнев...»	181
87. «Живу, то ненавижда...»	181
88. «И ты такая же...»	182
89. «Казалось, / Что взяла свое усталость...»	183
90. «Как Пушкин, осени я рад...»	183
91. «Как холодно...»	184
92. «Не умеем мы...»	184
93. «Нет, не легко ее найти...»	185
94. «Ну что ж, сентябрь мой, захаживай...»	186
95. 27 сентября 1939 года	187
96. «Сказал в дверях...»	188
97. «Ты мучаешь меня невероятно...»	189
98. «Ты ходишь медленней...»	189
99. «Хотел бы я в серебряные годы...»	190
100. «Что лучше — знать или не знать...»	190
101. «Что-то дождик в Ленинграде...»	191
102. «Это был урок, урок суровый...»	191
103. «Я им в глаза смотрю с испугом...»	192
104. «Я не люблю сердца пустые...»	192
105. «Я стал насмешливым и вздорным...»	193

ИЗ ЦИКЛА «СОВРЕМЕННЫЕ РОМАНСЫ»

106. Варенька-Варварушка	195
107. Мой парнишка (шуточная)	195

**ИЗ РУКОПИСНОГО СБОРНИКА
«ПОСЛЕ ЭТОГО» (1940—1955)**

108. «Собратья! Собратья! Собратья!...»	197
109. «Друг мой, живу, как во сне...»	197
110. «Я мертв и жив. В душе чума...»	197
111. «Мы с тобою потеряли бога...»	198
112. «Нет, жизнь не улица. Чтоб перейти ее...»	198
113. «На скотобойне бык ревет...»	198
114. «С тобою, нежная подруга...»	198
115. «Жизнь пробежав с горы на лыжах...»	198
116. «Ну, вот, дочитываю жизни книгу...»	199
117. «Конец, мой друг. Тебя спустили в яму...»	199
118. «Судьба, я знаю, ты примерно зла...»	199
119. «Пути, распутья, перепутья...»	199
120. «И я умру по всей вероятности...»	200
121. «Где кухня горя? Сверху, снизу иль откуда...»	200
122. «Вокруг себя я зло искал...»	200
123. «Разруха, милый мой, разруха...»	200
124. «Мир в затемнение. Черное в окне...»	200
125. «— Эй, человек, это ты звучишь гордо?..»	200
126. «Мой век мне кажется смешным немножко...»	201
127. «От свиста этого меча...»	201
128. Войне («Давайте так условимся, мадам...»)	201
129. «Когда война легла...»	201
130. «Эй, человек!» / И человек летит со счетом...»	201
131. «Разверзлась хлябь сомнительных веков...»	202
132. «Понять — простить»... Но я не внемлю...»	202
133. Поэту в славе («Ну что — сбываются мечты?..») ..	202
134. «Я в городе. А как в лесу...»	203
135. «Когда уж поздно молодеть...»	203
136. «Скажут: жили при закате...»	203
137. «Вы думаете, я вас любил? Никогда...»	203
138. «Наплевать мне, что вы красавица...»	204
139. «Вот эти горькие слова...»	204
140. «В глазах синева чистоты...»	204
141. «Послушайте, господин чудака...»	204

СТИХИ 1917—1939 ГОДОВ

142. «Дикие кочевые...»	205
143. «Слыхано ль было, чтоб ковальщик...»	205
144. «Очень рад. Очень!..»	206
145. «Кровью плюем зазорно...»	206
146. Октябрь («Покорность топчем сыновью...»)	207
147. «К тебе, смерти зев...»	208
148. России («Чаяния / Твои изрыгают недра...»)	209
149. Днесь («Отчаяние / Бьется пусть...»)	211
150. «Скоро новые будут роды...»	212
151. «Я пришел к тебе, древнее вече...»	213
152. «Я из помойки солнце ладонями выгреб...»	213
153. «Толпы, толпы, как неумные рощи...»	214
154. «Каждый наш день — новая глава Библии...»	215
155. «Багровый мятежа палец тычет...»	215
156. «Эй! Берегитесь — во все концы...»	216
157. «Твердь, твердь за вихры зыбим...»	216
158. «Разве прилично, глупая...»	217
159. Революционный лом («В каждом взгляде...»)	217
160. «Небу, небу я сделаю выкидыш...»	219
161. «Вытканными страстью ночами...»	219
162. «Руки царя Ирода...»	220
163. «Как в чулане над сваленной рухлядью паутина...»	220
164. «Разве ранее Русь не перла...»	221
165. «Возьми мою душу, как паникадило...»	221
166. «Словно навозные кучи кабан...»	222
167. Тюк звезд (из поэмы)	223
168. Марш революций	223
169. Памяти отца	224
170. «Как пилами пополам бревна...»	225
171. «Когда осенний пламень вспенивает лес...»	225
172. Ветра марш («Вытряс ветер...»)	227
173. Ночное кафе	228
174. «Торговую нынче золотым товаром...»	232
175. «Ох, струсил, ох, дрожу — отмстит мне Русь...» ..	232
176. Отъезд и возвращение	233
177. «Друзья мои, наш дар высокий...»	234
178. Меценату («Ты миф...»)	234

179. «— Прощай!.. / И стала ты тиха...»	235
180. «Вы голову несли, как выпел...»	236
181. «Сел на подоконник...»	236
182. «Мой город спит, как пес...»	237
183. Октябрь («Твоих ресниц звенящий стих...»)	238
184. Цветы в январе («Ушла. / Ушла в даль ты...»)	238
185. «Его пожрала эта страсть...»	239
186. Шляпа (из полушуточной поэмы)	239

СТИХИ 1940—1962 ГОДОВ

187. «Вот у Вас и глаза, как темные сливы...»	242
188. Есенину («Что ни говорите...»)	242
189. «Если б тот, кто землю создал...»	243
190. «Жили долго, знаем мало...»	243
191. «И поднял руки: вот, мишень я...»	243
192. К жизни («В шизофреническом бреду...»)	244
193. К природе	244
194. «Когда не воскресают чувства...»	244
195. Коле Глазкову («— Выпьем водки!»)	245
196. Лирическому поэту	245
197. «Нам нравятся вот именно такие...»	245
198. «О, друг мой, жизнь моя не та...»	245
199. «О, жизнь моя, ты так поспешна!..»	246
200. «О сверстники, как это благородно!..»	246
201. О себе («Тут все размеренно и строго...»)	246
202. «Он благостен, тот путь без возвращенья...»	247
203. «Рожденные из ничего...»	247
204. Романс Нины (мещанский)	247
205. Смерть (I) («День, / Ночь...»)	248
206. Смерть (II) («Если прижимаешь к сердцу тень...») ..	249
207. «Спросите, / И скажет вам каждый...»	249
208. Судьба («Напала ты из-за угла...»)	249
209. «Счастье, друг мой, не в квартире...»	250
210. «Там место не открытое...»	250
211. «Теряй, что хочешь...»	251
212. «Тогда мне было двадцать пять...»	251
213. «Ты ведь жизни моей подруга...»	252
214. «Ты скажи мне, дорогая...»	252
215. «Ты смотришь в окна...»	252

216. «Цинична зрелость — возраст мой...»	253
217—218. Шуточные	
1. Поняла («Отойдя в тишину и в зарю...»)	253
2. Старому Эйху (басня об ордене)	253
219. Там («Кстати ли, не кстати ли...»)	254
220. «Я понимаю: / Время такое...»	256
221. Что? («Как дьявол, нынче зла...»)	257
222. «В пути. Еще в пути. Опять в пути...»	257

ЗАГОВОР ДУРАКОВ

223. Заговор дураков. Трагедия.	258
--------------------------------------	-----

Примечания	317
------------------	-----

Алфавитный указатель произведений	336
---	-----

Анатолий Мариенгоф

Стихотворения и поэмы / Сост., подг. текста, вступ. статья,
примеч. А. Кобринского — СПб.: Академический проект,
2002 — 352 с. (Новая Библиотека поэта. Малая серия)

Настоящее собрание стихотворений А. Б. Мариенгофа включает в себя поэтические сборники 1918—1926 гг., а также подборку стихотворений более позднего периода и трагедию “Заговор дураков” (1922). Многие стихотворения печатаются впервые по рукописям. На сегодняшний день данная книга является наиболее полным собранием стихотворных произведений одного из родоначальников имажинизма

ISBN 5-7331-0138-5

Художник *В. В. Еремин*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Компьютерная верстка *А. Т. Драгомощенко*
Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР №066191 от 27.11.98

Подписано в печать 27.09.2001.
Формат 70×90/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Академическая.
Усл. п. л. 22. Уч. изд. п. л. 13,1. Тираж 2000 экз.
Заказ № 4297

Гуманитарное агентство “Академический проект”
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 26

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН.
Качество соответствует представленным оригиналам.
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

